

ISSN 0130-2647.

Крестьянка

3'88

Им завтра
перестраивать
деревню

**ЗАКАЛКА
НА МОРОЗЕ?**

Наш рейд

**СЕМЕЙНЫЙ
ПОДРЯД:**
деньги
и совесть

Вас поздравляют
Василий Стародубцев,
Евгений Евтушенко,
Александр Михайлов
и все, все, все

«СЛУЖБА НАДЕЖДЫ».
Новые адреса

С ПРАЗДНИКОМ 8 МАРТА!

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

Крестьянка

3'88

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
КОМИТЕТА СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН
И ВСЕСОЮЗНОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО
СОВЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

ОСНОВАН В ИЮНЕ 1922 ГОДА.

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА».

В творчестве жизни

Что происходит с нашими женщинами? Что это с ними, терпеливыми, работающими, для которых слово «надо» прежде так много объясняло и оправдывало? «Надо» — значит, трудятся от темна до темна, не спрашивая, почему так: где работа ручная, тяжелая — зовут женщину. Почему так: детсад строили в последнюю очередь, спецодежду выдавали невиданных размеров и безобразную, до врача из деревни в райцентр добираться пешком... А сегодня приказ, команду «надо» женщина слышать не хочет. Она уточняет: а надо ли? а разумно? а если вот так попробовать? И предлагает свое решение, и толково его отстаивает, и исполняет со всей тщательностью привычной к хорошей работе природы. Но посмотрите, как нетерпима: лодыря из бригады гонит, пьянице не верит, вещи называет своими именами: приписку — припиской, волокиту — волокитой, некомпетентность — некомпетентностью. А женсовет ее поддерживает. И как! Сколько дел с места сдвинулось! Детсады строятся, спецодежда шьется, врач из райцентра в деревню едет... Что же происходит с нашими женщинами? Не со всеми, наверное, но со многими? Да они поняли суть перестройки и свою роль в ней. Суть в том, чтобы каждый мог проявить себя в совместном творчестве жизни. Стало быть, и роль каждого главная. Вот и осваиваются с этой новой ролью. И неплохо получается. Так что в день праздника, желая женщинам мира, добра и счастья, пожелаем им еще и творческих успехов.

Нежное солнце заглядывает в школьный класс. Еще сугробы подходят под самые окна, но что-то уже случилось, того гляди, тронутся, потекут белые пространства.
— Надежда Ивановна, что такое любовь?
— Девочки, да ведь вам виднее!
— Мы не знаем, Надежда Ивановна,— хором говорят девочки, а одна молчит и краснеет...

Весна наступает медленно. Она словно сходит с небес и лишь угадывается сначала, но потом светлеет весь воздух, оживают сугробы, расправляют застывшие ветви деревья. И вдруг после спокойного, полусонного движения, как разряд молнии, как удар любви в сердце.— весна!

Надежда Ивановна, что такое любовь?

...В пятом часу утра она спрыгнула на перрон станции Ядриха. В руках узел и чемоданчик. На плечах тонкий из шуршащей материи плащ, на ногах лодочки. Нарядной девушке помогли втиснуться в автобус. Автобус покотился, а потом запрыгал по лесной дороге... В Васильевском она вышла — вот он, север, на котором, как люди говорили, и яблоки не растут! Село было как село, только словно вымершее — ранняя рань.

Надежда маялась в совхозной конторе. А директора не было. Не было ранним утром, не было в полдень и обед, только слухи о нем носились — вроде на реку уехал баржу разгружать...

Спрятав ноги в лодочках под лавку, голодная, испуганная и почти несчастная. Надя прождала директора весь длинный летний день. Когда он появился, стремительный, с летящей короткой челочкой, мельком на Надю взглянул и, не заинтересовавшись, прошел мимо в свой директорский кабинет, сердце ее упало. Робко отворила дверь и услышала:

— Не нужны нам специалисты, не знаю, зачем вас к нам и направили.

— Куда ж мне теперь? — спросила.

Директор пожал плечами:

— О чем они там думают...

Но приказ на следующее утро был готов — Надежду направляли бригадиром-полеводом в деревню Полутово.

И пошла жизнь своим чередом, как идет она у множества людей по деревням и весям.— поле, дом, дом, поле...

Однажды директор примчался в Полутово — он вечно мчался куда-то.— посмотрел, как школьники картошку убирают, как Надежда с ними управляется, ни слова не сказал и опять улетел. Молодой, разглядела Надя, на студента похож и на танцы, говорят, ходит...

Вскоре ее перевели на центральную усадьбу, в Васильевское, на парники.

...Отец, прощаясь, говорил Надежде:

— Смотри, с родины уезжаешь. Езжай, конечно, раз направляют, уж там не летай!

Ивану Васильевичу, поднявшему пятерых детей и ни дня в жизни не пробездельничавшему, можно было верить. Каждый вечер он входил в дом черный, одни глаза на лице, так его комбайн выматывал, и такой вот измученный не на кровать валился, а садился в угол с книгой. Как его было не уважать?

...А дочка была с виду робка. Говорить с незнакомыми боялась, знала, что никакой твердости в ее облике нет: золотые локоны, взгляд школьни-

цы. Но в работе чувствовала себя отцовской дочкой, бралась и делала, как с детства была приучена...

Решили направить Надежду в школу руководящих кадров. Уже документы оформили, осталось поставить директорскую подпись и печать.

— Тебе лет сколько? — спросил директор.

— Восемнадцать.

— И уже руководить собралась?

— Не знаю,— честно призналась Надежда.

— Не отпущу.— почему-то сердито сказал директор и прикомандировал ее к летчикам. Летчики удобрения на полях разбрасывали, а Надежда рейсы считала. В этом сказался характер директора: летающая техника, конечно, хорошо, но проверить не мешает.

Наде летчики нравились: во-первых, летали в небе, во-вторых, у них была форма. И Надя нравилась молодым неженатым парням, звали ее то на танцы, то на вечеринку. Но вездесущий директор наотрез запрещал молодому специалисту веселиться с пришлыми людьми. Летчики удивлялись: «Сам с ней не гуляет и нам не дает».

После кино один летчик ее раз проводил. Навсегда запомнилось Наде, как выходила из клуба с высоким парнем, а на крыльце дома напротив стоял директор и смотрел на них пристально, никуда не спешил, стоял и смотрел. «Вот странный человек».— подумала Надя...

Александр Васильевич, что такое любовь?

...Нет, носиться по де-

ПРОСТО ЖЕНА?

лам своим без числа он не перестал. Но вдруг увидели люди своего директора на коньках. Вдруг услышали — поет замечательным баритоном. После работы он был легок, мил, неотразим, друзья ждали — не могли дождаться его прихода... Увлеченная совсем новым и неожиданным в этом человеке. Надя и позабыла, каков он на

самом деле. Как-то обиделась из-за того, что на свидание не пришел:

— У тебя столько дела, вот и занимайся делами, я тебя дождаться не стану!

А он ей:

— Станешь. И не надо так, а?

И тогда поняла: с ним не покапризначайшь, слов легких, вздорных, пустых

Жизнь Филатовых проходит на миру. Знают односельчане, сколь крепка и надежна их семья. Только хорошее услышишь об этой паре, живущей в согласии вот уже четверть века. А молодые приглядываются, хотят понять: как у них так получается? Александр Васильевич, Надежда Ивановна, а правда — как?

(Окончание на стр. 21.)

Большая перемена

Этот год особый. Именно сейчас проверяются на практике идеи перестройки, которые затронули все области нашей жизни, в том числе и народное образование. Основа основ сегодняшней работы школы — выполнение главного требования общества: готовить юное поколение к жизни, учить труду.

Что меняется в школе в связи с перестройкой? Чего удалось добиться? Что пока не получается? На вопросы «Крестьянки» отвечают педагоги, рабочие совхоза и ученики Мятлевской средней школы Калужской области. Школа самая обычная: расположена в глубинке, далеко от крупных магистралей. Шефов-миллионеров у нее нет, базовое предприятие — совхоз «Мятлевский» — хозяйство пока не передовое.

Александр Федорович ИВАНОВ, директор Мятлевской средней школы, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР:

— Наши кабинеты, мастерские, спорткомплекс, теплицу, и многое, многое другое — все сделали и построили сами ребята вместе с учителем труда Иваном Степановичем Мешкорудным. Помогали и другие учителя и, конечно, родители. **Вот это сотрудничество, это серьезнейшее отношение к школе и подготовили нашу перестройку.**

Одна из ее примет — режим полного дня, в котором мы работаем. Двери школы открыты с восьми утра и до самого вечера. Обычная «продленка», скажете? Нет, после уроков с ребятами занимаются не воспитатели, а учителя, руководители кружков и секций. Для учеников младших классов важно, что домашние задания они выполняют с учителем, так что на следующий день не надо их проверять и можно весь урок посвятить но-

вому материалу. После обязательных занятий дети могут пойти домой, пообедать, помочь родителям по хозяйству. Летом работают на огороде, а потом снова возвращаются в школу, здесь есть чем заняться — у нас больше десяти различных кружков.

При такой организации ставка воспитателя остается свободной. Одна ее половина идет на доплату учителю, а другая — на почасовую оплату руководителей кружков и секций.

Сейчас трудовое воспитание школьников выдвинулось на первый план, чуть ли не потеснило обучение. Сама по себе идея соединения обучения и труда замечательна. Но, на мой взгляд, претворяем мы ее в жизнь неверно. Во всяком случае, в сельской школе. Здесь есть над чем подумать и что перестроить. Дело в том, что уроки трудового обучения и производительного труда для всех школ — городских и сельских — по месяцам распределены равномерно. Для наших ребят настоящий, производительный труд возможен в основном с мая по сентябрь. Считаю поэтому, что для сельских школ надо пересмотреть программу трудового воспитания. Например, так: в сентябре два урока в день — учебных, четыре — производительного труда. Зато зимой надо приналечь на школьные дисциплины за счет уроков производительного труда. Честно говоря, мы так и делаем, но это как бы незаконно.

Вот еще о чем хочу сказать. Сейчас многие ученические производственные бригады переходят на бригадный подряд. Но полностью весь цикл работ они выполнить не могут: внесение удобрений, самостоятельная работа на тракторе ребятам запрещены, а ведь от этого тоже во многом зависит конечный результат. Остается прополка и уборка урожая. Стало быть, говорить о бригадном подряде применительно к школьникам можно только условно, с большой натяжкой. А нужны ли эти условности? Не сбиваем ли мы будущих работников с толку, столь приблизительно и неверно объясняя, что же такое новые формы организации труда. Есть,

Разминка после занятий.

А в конце урока — немного музыки.

по-моему, над чем подумать. Труд для нас всегда был категорией нравственной, средством воспитания гармоничной личности, а хозрасчет ориентирует прежде всего на экономическую целесообразность, материальную выгоду. Очень важно, чтобы мы, педагоги, не забывали подчеркивать органическую связь нашего личного блага с пользой для всего общества. Важность того, что блага эти не самоцель, а средства для твоего духовного роста.

Галина Васильевна ВАСИЛЕВСКАЯ, секретарь партийной организации совхоза «Мятлевский»:

— Хозяйство наше всегда считалось средним, «дыр», как говорится, хватало. Но перестройка нас здорово встряхнула. Пришли в хозяйство новые главные специалисты, пришел новый директор Михаил Викторович Савинов. Молодой, энергичный, знающий дело.

В корне изменилось отношение к земле: агротехнику теперь выполняем неукоснительно. Кормами обеспечены на всю зиму. Если в декабре 1986 года у нас не было ни грамма комбикорма, то в прошлом году смогли дать зерноотходы всем желающим для личного хозяйства. Урожайность зерновых по сравнению с 1985 годом увеличилась вдвое. Начали строительство четырех домов, дороги внутрихо-

зяйственные отремонтировали. И, главное, к 70-летию Октября выполнили государственные планы и получили больше 80 тысяч прибыли. Может, для каких-то хозяйств это немного, но ведь еще в предыдущем году у нас был убыток в 53 тысячи.

Большие перемены произошли в моральном климате коллектива. Люди словно распрямылись, почувствовали уверенность в себе, поверили в перестройку. И, знаете, изменилось и наше отношение к школе. Понимаем, что без ее выпускников с перестройкой не справимся. Очень нужно, чтобы ребята выходили из школы умелыми, знающими сельское хозяйство, технику. А это и от нас зависит. Еще задолго до разных реформ и постановлений совхоз выделил школе трактор, и лучший наш работник Алексей Харитонович Синчук обучал ребят с ним управляться. Понадобился школе автобус — отдали «Кубань». В прошлом году заменили все оборудование в мастерских.

Анатолий АГЕЕВ, секретарь комсомольской организации школы, ученик 9-го класса:

— Мы, может быть, первыми почувствовали перестройку. Нам стали больше доверять и школа, и совхоз. Поняли наконец, что мы не беспомощные младенцы. И раньше учителя на нас не слишком «давили», но

Вот такие у нас кролики!

Саша тоже хочет учиться в школе, где директором его дедушка.

опекали уж чересчур. А в последнее время все на полном доверии.

За нашей производственной ученической бригадой закреплено большое свекольное поле — 20 гектаров. Совхоз его вспахивает, засеивает, а потом начинается наша работа. Мы это поле пропалываем и убираем урожай. Зарабатываем неплохо. Правда, прошлый год был неудачный: поздно засеяли, погода подвела... Вроде бы не виноваты, а обидно: совхоз на нашу помощь рассчитывал, хозяйство из бедности выбирается, любая помощь — помощь. Хорошо, юннаты выручили со своей календулой и люпином. Они их на семена выращивают. Летом вся школа в цветах утопает. Очень красиво. И выгодно. Наши малыши на своих цветочках до 3—4 тысяч в год для школы зарабатывают.

Каждый год в конце сезона устраиваем совместное заседание совета бригады и родительского комитета, решаем, куда расходовать заработанные деньги. В прошлом году мы перевели часть в Фонд мира, часть в Детский фонд. От 5 до 30 рублей получил каждый, кто на картош-

ке работал. Остальные деньги идут на спецсчет школы. Они тратятся на питание ребятам из малообеспеченных семей и на разные школьные нужды. В этот раз договорились на собрании купить новую аппаратуру для дискотеки, цветомузыку, колонки. Пришел я к директору нашему Александру Федоровичу и говорю: «Нужна аппаратура для дискотеки». А он мне: «Нужна — покупай». И чек такой специальный выписывает на 1000 рублей. Я поехал и купил.

Тамара Владимировна НИКИШИНА, учительница начальных классов:

— Моя личная перестройка — это мой первый класс, куда в позапрошлом году впервые пришли шестилетки. То, что начали обучать детей с шестилетнего возраста, я считаю, правильно. По крайней мере, для сельской школы. Дело в том, что большинство наших ребятшек приходит в первый класс неподготовленными. Родители дома с ними все-таки мало занимаются, а в детский сад не все ходят. Растягивая трехлетнюю программу на четыре года, мы даем возможность детям лучше освоить азы грамоты.

Проблем, трудностей, конечно, много. И как бы мы ни старались, сразу их не решить. Вот перешли наши шестилетки в прошлом году во второй класс — что с ними делать? Никаких методик, никакого дидактического материала для второго класса нового типа у нас нет. Есть книга для учителя — методика работы с шестилетками, а как этих же ребят обучать дальше — неизвестно. Я даже не могу проконсультироваться с коллегами, так как обычный второй класс (у нас их всего два) учится по другой программе. Вот и приходится заниматься самостоятельностью.

13 марта исполняется 100 лет со дня рождения **Антон Семеновича МАКАРЕНКО**, великого советского педагога и замечательного писателя, с книгами которого «Педагогическая поэма» и «Флаги на башнях» каждый из нас знаком с детства.

КАК РАЗРЕШИТЬ «ОСНОВНОЙ КОНФЛИКТ»

Большая заслуга А. С. Макаренко и в том, что своей «Книгой для родителей», отрывок из которой мы публикуем, он положил начало необходимой для нас семейной педагогике. И хотя книга написана пятьдесят лет назад, она нисколько не устарела, и современные молодые мамы и папы найдут в ней для себя много интересного и полезного.

Дорогие родители!

Вы иногда забываете о том, что в вашей семье растет человек, что этот человек на вашей ответственности.

Пусть вас не утешает, что это не больше как моральная ответственность.

Может настать момент, вы опустите голову, и будете разводять руками в недоумении, и будете лепетать, может быть, для усыпления все той же моральной ответственности:

— Володя был такой замечательный мальчик! Просто все восторгались.

Неужели вы так никогда и не поймете, кто виноват?

Впрочем, катастрофы может и не быть.

Наступает момент, когда родители ощущают первое, тихонькое огорчение. Потом второе. А потом они замечают среди уютных ветвей семейного дерева сочные ядовитые плоды. Расстроенные родители некоторое время покорно вкушают их, печально шепчутся в спальне, но на людях сохраняют достоинство, как будто в их производстве нет никакого прорыва. Ничего трагического нет, плоды созрели, их внешний вид достаточно приятен.

Родители поступают так, как поступают все бракоделы: плоды сдаются обществу как готовая продукция...

Когда в вашей семье появляется первая «детская» неурядица, когда глазами вашего ребенка глянет на вас еще маленькая и слабенькая, но уже враждебная зве-

рушка, почему вы не оглядываетесь назад, почему вы не приступаете к ревизии вашего собственного поведения?..

Человек в очках, с рыженькой бородкой, человек румяный и жизнерадостный, вдруг завертел ложечкой в стакане, отставил стакан в сторону и схватил папиросу:

— Вы, педагоги, все упрекаете: методы, методы! Никто не спорит, методы, но разрешите же, друзья, основной конфликт!

— Какой конфликт?

— Ага! Какой конфликт? Вы даже не знаете? Нет, вы его разрешите!

— Ну, хорошо, давайте разрешу, чего вы волнуетесь?..

— Ничего вы не разрешите. Конфликт из серии неразрешимых. Если вы скажете, тем жертвовать или этим пожертвовать, какое же тут разрешение? Отписка! А если ни тем, ни этим нельзя пожертвовать?

— Все же интересно, какой такой конфликт?

Мой собеседник повернулся ко мне боком. Поглядывая на меня сквозь дым папиросы, перекидывая ее в пальцах, отнеся папиросой мельчайшие нюансы своей печали, он сказал:

— С одной стороны — общественная нагрузка, общественный долг, с другой стороны — долг перед своим ребенком, перед семьей. Общество требует от меня целого рабочего дня: утро, день, вечер, — все отдано и распределено. А ребенок? Это же математика: подарить время ребенку — значит сесть дома, отойти от жизни, собственно говоря, сделаться мещанином. Надо же поговорить с ребенком, надо же многое ему разъяснить, надо же воспитывать его, черт возьми!

Он высокомерно потушил в пепельнице недокуренную папиросу.

Я спросил осторожно:

— У вас мальчик?

— Да, в шестом классе, тринадцать лет. Хороший парень и учится, но он уже

Начало Министерство просвещения новое дело, но все до конца недодумало. Значит, потом опять перестраиваться будем?

Есть, конечно, и другие проблемы. Образование у нас всеобщее, мы принимаем в школу всех детей, кому исполнилось семь, а теперь уже шесть. Но есть среди них дети с замедленным развитием или с дефектами речи. Чаще всего это ребята из неблагополучных семей. По всем правилам они должны бы учиться в специальных школах. Но это значит — оторвать ребенка от дома, от родных и близких. Родители умоляют взять их, да и детей жалко — вот и принимаем, а ведь заниматься-то они должны по общей программе. Мы, конечно, стараемся уделять им больше времени, но от этого страдают другие ученики. Получается, что им чего-то недодаем.

Мне кажется, надо в детских садах и поликлиниках проводить диспансеризацию детей не в шесть лет, перед школой, а в три-четыре года. В этом возрасте уже можно выявить отставание в развитии, дефекты речи и вовремя заняться лечением детей.

Татьяна Ивановна РОДИНА, бухгалтер, мать ученика шестого класса:

— Сейчас часто критикуют народное образование. Верно, много здесь недостатков. Но все же я никак не могу согласиться с тем, что в школе последних лет было все плохо. Взять хотя бы нашу. Многие жители Мятлева — ее бывшие ученики. В большинстве своем это честные труженики, неплохие специалисты своего дела. Неужели они стали такими вопреки влиянию школы? Нет, наоборот, все вспоминают школу с благодарностью и любовью. И не только вспоминают, но до сих пор приходят туда, особенно молодые, те, кто окончил ее недавно, — в спортивные секции, на дискотеку, а некоторые сами воспитателями стали — кружки ведут. Наша школа — настоящий культурный центр села и «университет» для родителей. Для нас устраивают лекции, собеседования, конференции. Но главное, конечно, здесь любят и уважают детей, а потому и дети идут сюда с радостью.

Сейчас время такое, все меняется буквально на глазах. И в нашем совхозе, и в нашей школе, и во всей нашей жизни. Но, мы знаем, это только начало, самые большие перемены — впереди.

Фото Н. СОФРОНОВОЙ.

босая. Мать для него прислуга. Груб. Я же его не вижу. И представьте, пришел к нему товарищ, сидят они в соседней комнате, и вдруг слышу: мой Костик ругается. Вы понимаете, не как-нибудь там, а просто кроет матом.

— Вы испугались?

— Позвольте, как это «испугался»? В тринадцать лет он уже все знает, никаких тайн. Я думаю, и анекдоты разные знает, всякую гадость!

— Конечно, знает.

— Вот видите! А где был я? Где был я, отец?

— Вам досадно, что другие люди научили вашего сына ругательным словам и грязным анекдотам, а вы не приняли в этом участия?

— Вы шутите! — закричал мой собеседник. — А шутка не разрешает конфликта!

Он нервно заплакал за чай и убежал.

А я вовсе не шутил. Я просто спрашивал его, а он что-то лепетал в ответ. Он пьет чай в клубе и болтает со мной — это тоже общественная нагрузка. А дай ему время, что он будет делать?.. И куда он убежал? Может быть, воспитывать своего сына, а может быть, в другое место, где можно еще поговорить об «основном конфликте»?

«Основной конфликт» — отсутствие времени — наиболее распространенная отговорка родителей-неудачников. Защищенные от ответственности «основным конфликтом», они рисуют в своем воображении целительные разговоры с детьми. Картина благостная: родитель говорит, а ребенок слушает...

Воспитательную работу они рисуют себе так: воспитатель помещается в некоторой субъективной точке. На расстоянии трех метров находится точка объективная, в которой укрепляется ребенок. Воспитатель действует голосовыми связками, ребенок воспринимает слуховым аппаратом соответствующие волны. Волны через барабанную перепонку проникают в душу ребенка и в ней укладываются в виде особой педагогической соли.

Иногда эта позиция прямого противостояния субъекта и объекта несколько разнообразится, но расстояние в три метра остается прежним. Ребенок, как будто на привязи, кружит вокруг воспитателя и все время подвергается либо действию голосовых связок, либо другим видам непосредственного влияния. Иногда ребенок срывается с привязи и через некоторое время обнаруживается в самой ужасной клоаке жизни. В таком случае воспитатель, отец или мать, протестует дрожащим голосом:

— Отбилась от рук! Целый день на улице! Мальчишки! Вы знаете, какие у нас во дворе мальчишки? А кто знает, что они там делают? Там и беспризорные бывают, наверное...

Ничто меня так не возмущает, как панический и отвратительный вопль:

— Уличные мальчишки!!

— Вы понимаете, все было хорошо, а потом Сережа подружился с разными мальчишками на нашем дворе...

Эти «разные мальчишки» разлагают Сережу. Сережа пропадает неизвестно где. Сережа из шкафа взял отрез на брюки и про-

дал. Сережа пришел под утро, и от него пахло водкой. Сережа оскорбил мать.

Только самый безнадежный простак может поверить, что все это сделали «разные мальчишки», «уличные мальчишки».

Сережа — вовсе не новая марка. Это обычный, достаточно надоевший стандарт, и выделяется он отнюдь не уличными мальчишками и не «мальчишками на нашем дворе», а ленивыми и бессовестными родителями, выделяется вовсе не молниеносно, а настойчиво и терпеливо, начиная с того времени, когда Сереже было полтора года. Выделяется при помощи очень многих безобразнейших приспособлений: бездумной лени, привольного фантазирования и самодурства, а самое главное, — при помощи непростительной безответственности и ничтожного состояния чувства долга...

В успехе семейного воспитания решающим является активное, постоянное, вполне сознательное выполнение родителями их гражданского долга перед советским обществом. Там, где этот долг реально переживается родителями, где он составляет основу ежедневного их самочувствия, там он необходимо направляет и воспитательную работу семье, и там невозможны никакие провалы и никакие катастрофы.

Но есть, к сожалению, категория родителей, довольно многочисленная, у которых этот закон не действует. Эти люди как будто хорошие граждане, но они страдают либо непоследовательностью мысли, либо слабостью ориентировки, либо малым объемом внимания. И только поэтому чувство долга не включается у них в сферу семейных отношений и, стало быть, в сферу воспитания детей. И только поэтому их постигают более или менее тяжкие неудачи, и только поэтому они сдают обществу сомнительную человеческую продукцию.

Другие поступают честнее. Они говорят искренним голосом:

— Надо уметь воспитывать. Я, может быть, действительно не так делаю. Надо знать, как воспитывать.

В самом деле: все хотят хорошо воспитывать своих детей, но секрет не всем известен. Кто-то им обладает, кто-то пользуется, а вы во тьме ходите, вам никто не открыл тайны.

В таком случае взоры всех обращаются к педагогическим техникумам и вузам.

Товарищи родители!

Между нами: среди нашей педагогической братии процент семейных бракоделов нисколько не меньше, чем у вас...

Я знал одного такого профессора педагогики. Он к своему единственному сыну всегда подходил с книгами в руках и с глубокими психологическими анализами. Как и многие педагоги, он верил, что в природе должен существовать этаким педагогический трюк, после которого все должны пребывать в полном и благостном удовлетворении: и воспитатель, и ребенок, и принципы — тишь и гладь, и божья благодать! Сын за обедом нагрубил матери. Профессор недолго думал и решил воодушевленно:

— Ты, Федя, оскорбил мать, следовательно, ты не дорожишь семейным нашим очагом, ты недостойн находиться за нашим

столом. Пожалуйста: с завтрашнего дня я даю тебе ежедневно пять рублей, — обедай, где хочешь.

Профессор был доволен. По его мнению, он реагировал на грубость сына блестяще. Федя тоже остался доволен. Но трюковой план не был доведен до конца: тишь и гладь получилась, но божья благодать выпала.

Профессор ожидал, что через три-четыре дня Федя бросится к нему на шею и скажет:

— Отец! Я был не прав, не лишай меня семейного очага!

Но случилось не так, вернее, не совсем так. Феде очень понравилось посещение ресторанов и кафе. Его смущала только незначительность ассигнованной суммы. Он внес в дело некоторые поправки: порылся в семейном очаге и проявил инициативу. Утром в шкафу не оказалось профессорских брюк, а вечером сын пришел домой пьяный. Растроганным голосом он изъяснялся в любви к папе и к маме, но о возвращении к семейному столу вопроса не подымал. Профессор снял с себя ремешок и размахивал им перед лицом сына в течение нескольких минут.

Через месяц профессор поднял белый флаг и просил принять сына в трудовую колонию. По его словам, Федю испортили разные товарищи:

— Вы знаете, какие бывают дети?

Некоторые родители, узнав об этой истории, обязательно спросят:

— Хорошо! Ну, а все-таки, как же нужно поступать, если сын за обедом нагрубил матери?

Товарищи! Эдак, пожалуй, вы меня спросите, как нужно поступить, если утерян кошелек с деньгами? Подумайте хорошенько, и вы сразу найдете ответ: купите себе новый кошелек, заработайте новые деньги и положите их в кошелек.

Если сын оскорбляет мать, никакой фокус не поможет. Это значит, что вы очень плохо воспитывали вашего сына, давно воспитывали плохо, долго. Всю воспитательную работу нужно начинать сначала, нужно многое в вашей семье пересмотреть, о многом подумать и прежде всего самого себя положить под микроскоп. А как поступить немедленно после грубости, нельзя решить вообще, — это случай сугубо индивидуальный. Надо знать, что вы за человек и как вы вели себя в семье. Может быть, вы сами были грубы с вашей женой в присутствии сына. Впрочем, если вы оскорбляли вашу жену, когда сына не было дома, — тоже достойно внимания.

Нет, фокусы в семейном воспитании должны быть решительно отброшены. Рост и воспитание детей — это большое, серьезное и страшно ответственное дело, и это дело, конечно, трудное... Если вы родили ребенка — это значит на много лет вперед вы отдали ему все напряжение вашей мысли, все ваше внимание и всю вашу волю. Вы должны быть не только отцом и шефом ваших детей, вы должны быть еще и организатором вашей собственной жизни, ибо вне вашей деятельности как гражданина, вне вашего самочувствия как личности не может существовать и воспитатель.

Долгая

Об «Эстафете ударных дел», которую провели в прошлом году молочные комплексы Удмуртии, сейчас много говорят. Еще бы: удой на корову в среднем по комплексам превзошел трехтысячный рубеж. Изменилось качество самого труда. Каждый хотел выложиться сполна. «Эстафета» так была организована, что у каждого коллектива был равный шанс выйти если не в «гроссмейстеры», то в «перворазрядники», и зависело это только от одного: как ты наладил свой труд, что конкретно сделал на своем рабочем месте. Мы проложили маршрут не по той трассе, где проходила «Эстафета», а чуть в стороне от нее. Ведь основное молоко в Удмуртии, как и повсюду в России, пока производят не на комплексах, а на рядовых фермах. Здесь тоже много радующих перемен. Построены новые коровники, реконструированы старые. Повсюду вводится двухсменная, двухциклическая дойка, принцип цеховой структуры производства. Но стало ли комфортнее женщине, работающей в животноводстве сегодня? Как живет ей в трудную пору зимовки?

КУЛЬТУРА
НА ПРОИЗВОДСТВЕ
И КУЛЬТУРА
ПРОИЗВОДСТВА

Когда встречался старый коровник, из которого скот давно выведен в новый, почему-то думалось: не ломают из соображений «психотерапии». Взглянет доярка, вспомнит, как горе мыкала, вилами из окон навоз выбрасывала, корзины с силосом через весь двор таскала, — полнее ощутит перемены. И если что не дотянуто до должного уровня — не станет жаловаться. Да и как жаловаться, если не только на комплексы — на обычные фермы пришли такие новшества, как сауна, профилакторий, комната психологической разгрузки.

Правда, большинство саун из тех, что нам встретились — а мы побывали в четырех районах, — не носили следов пребывания в них людей. Всюду чисто, убрано и... сухо. «Так ведь не суббота!» — говорили нам. В субботу нашлось иное объяснение: «Почти у каждого своя баня, дома топят».

Комнаты психологической разгрузки были, как правило, на замке. «А как же? — удивлялись нашему удивлению. — Ведь там дорогая стереоаппаратура!»

И только в профилактории дорога протоптана основательно. Физиопроцедуры, тренажер «Тонус» (его доярки особенно полюбили), лечебная гимнастика... Это не из санаторной карты — из медицинских карт микропрофилакториев, как их здесь называют, которые есть практически при каждой крупной ферме. В республике их 150. В перспективе микропрофилакторий будет в каждом хозяйстве. Это помимо фельдшерско-акушерских пунктов, амбулаторий, бригад «Скорой помощи» при районных больницах. Надежный щит против болезней выдвинула принятая в июне 86-го программа

**Мы привыкли говорить:
зимовка скота.
И забываем порой,
что зимой на ферме
работают люди.**

Зима у доярки

«Здоровье». Результат? В минувшем году заболеваемость среди работников агрокомплекса снизилась на пять процентов; за счет этого экономия денежных средств по обкому профсоюза (не надо оплачивать больничные листы!) составила почти полмиллиона рублей.

Со временем придет пора отдачи, вероятно, и от саун, и от комнат психологической разгрузки. Культура на производстве непременно перейдет в культуру производства. Но пока так обстоит дело, увы, не везде.

Нынекскую ферму колхоза «Восход» Можгинского района нам решили показать как хорошо подготовленную к зиме. И действительно: двери утеплены, окна поверх стекол затянуты пленкой для сохранения тепла, полы добротные. Навоз, хоть и с трудом, но удаляется, автопоилка действует. А корм приходится раздавать вручную. Трактор привез силос, его свалили в кучу неподалеку от Верхнего и Нижнего коровников. Несколько мужчин и две женщины, две Надежды, Кузьмина и Лукина, в 20-градусный мороз стоят на этой клубящейся паром горе и вилами накладывают силос в повозку, запряженную лошадей. Затем его снова свалют так же кучей. В Нижнем коровнике хоть посередине, все легче вилами в кормушки разносить. А в Верхнем коровы в четыре ряда стоят, и проход настолько узок, что даже лошадь не въезжает.

— Это помещение не для коров строилось, тут раньше бычков содержали,— поясняет И. В. Павлов, председатель профкома.— Для коров уже позже приспособили, когда специализация сменилась. Уж и так пытались труд доярку облегчить, и эдак — ничего не получается. Кто только придумал такой проект!

Ладно, механизация кормораздачи не полу-

чается. А молокопровод? Его, как сказала заведующая фермой А. В. Иванова, еще в 1986 году обещали провести.

— Попробуй потаскать ведерки от 291 коровы! — сетует Александра Васильевна.— Да еще ступеньки надо преодолеть, такие, что и без ведра на площадку с трудом влезает. Молоко надо в бак перелить. А бак чуть ли не над головой.

Добротные стены, утепленные окна, не худая крыша. Ферма на хорошем счету. Но как же неуютно здесь доярке! Коровник этот только что реконструирован. Подлатали, сменили навозоудаление, которое так и осталось далеким от совершенства,— трудно исправлять ошибки, заложенные в самую основу. Но молокопровод смонтировать не мешало. Почему же его не провели?

— Дорого это, невыгодно колхозу,— чуть слышно сказала заведующая.

Не потому ли нет молокопровода и на Ершниковской ферме, построенной лишь два года назад? Тут, казалось бы, все учтено: и кормоцех имеется, хотя и самодельный (промышленность отстает от нужд животноводов). И кормораздатчик КТУ-10 под окнами стоит. И проход широкий, для трактора раздолье. Только въезжает он не с кормораздатчиком, а с тележкой. Выгрузит почти тонну силоса — и был таков. На другие транспортные работы укатил. В роскошном коровнике, как и на захудалой ферме, все те же вилы царствуют. От теплой массы пар поднимается. Подходит доярка, слегка пожевываясь,— в коровнике холодно, а она легко одета,— и исчезает в клубах пара. Скоро ей жарко станет, пока своим 44 коровам в их добротные кормушки разнесет этот силос вилами! А еще солома, концентраты...

— Ой, да раньше со двора носили! — гово-

рит Анна Ивановна Афанасьева.— Теперь-то нам полегче.

Анна Ивановна пятнадцать лет дояркой работает, ей виднее.

С этой стороны — доярка с вилами, с той — КТУ-10 в бездействии. Что же мешает им встретиться?

— Так для него трактор нужен,— смущенно говорит Анна Ивановна. И рассказывает, как радовались они, когда этот кормораздатчик работал вначале... аж целый месяц после пуска коровника. Теперь вот, второй год уже, опять вилами орудуем... По 15 килограммов силоса каждой корове за один только раз!

— Невыгодно колхозу трактор к коровнику прикреплять,— поясняет расчетливый председатель профкома.— Он не полностью загружен. И тракторист мало зарабатывает. Да доярки сами не хотят, чтобы кормораздатчик тут работал. Им так выгоднее, с вилами.

— Мы не против кормораздатчика,— тихо говорит Анна Ивановна.— За день так намаешься! Нет, никто из нас не возражал.

Иван Васильевич также безмятежно улыбается. Он стоит на страже колхозной казны, и совесть его чиста. Да только что может быть дороже здоровья человека! И кому, как не председателю профкома, заботиться о нем.

ЗАКАЛКА НА МОРОЗЕ?

Абсолютно спокоен был и председатель колхоза имени Кирова Якшур-Бодьинского района Александр Александрович Ушаков, когда с гордостью демонстрировал нам вольтеры для холодного содержания телят. И действительно, гордиться было чем: в 1986 году из каждой сотни родившихся телят семеро погибали. В 1987 году выжили все. То есть с тех пор, как вывели телят на улицу.

Построили для них домики высотой с метр, перед каждым — свой огороженный дворик. Захочет погулять — откинёт одеяльце, которое заменяет дверь, и выйдет на снежок. Организм закаляется, шерстка густеет, болезни, простуды — ничем. А снег из этого дворика телятница вывозит в корыте. Как на санках. Бывает, что и несколько раз за день. Двориков таких у нее — 25. Трактор сюда не пустишь: телята волнуются, да и гарь им вредна. Впрочем, о тракторе речи нет — так тесно на «телячьей улице», что и лошадь не предусмотрена. Значит, с самого начала в современную, хотя и не новую технологию выращивания молодняка заложен тяжелый ручной труд телятницы. Что же не позаботились о ней, вынужденной работать на морозе?

Александра Семеновна Широбокова готовит теплое поило для «старшенских». На ногах — резиновые сапожки («Сама купила!»). Есть ли утепленный жилет? Конечно! Вот, глядите, узором связанный. Сама вязала... О том, что животноводам положены специальные жилеты, — нет, о том не слыхала. А сапоги на складе есть. Резиновые, 42-го размера. При ее росте с головой спрятаться можно.

Свое «телячье поселение» Александра Семеновна показывает неторопливо, возле каждого домика останавливается, телята к ней ластятся. Переминаются резиновые сапожки, хрумкает снег под ногами — мороз крепкий! Много ли телятниц в колхозе? Пять человек. Ну, разумеется, колхоз мог бы купить для них пять пар валенок, они недавно были в магазине. Да как-то, видимо, не подумалось...

О проблеме одежды для телятниц в Госагропроме республики знают. Собирали руководителей хозяйств, просили их что-нибудь придумать. Потому что не по-

ложены телятницам ни валенки, ни теплые полушубки. Механизаторам положены, а им — нет. Тут иные нормы действуют. Те, кто их составлял, не предполагали, что телятницам придется на улице работать. Скоро выйдут новые нормативы, но и там такая категория животноводов не учтена. Почему? С мест не поступили заявки об изменении и дополнении к типовым отраслевым нормам. Республиканский Госнаб от этой проблемы устранился. Госагропром, обком профсоюза готовы на любые расходы, но деньги, даже крупные, от холода сами по себе не защитят, если некому ими распорядиться. Вина — и огромная! — руководителей хозяйств, профкомов, всех, кто прекрасно понимал, что не только телята, но и люди окажутся зимой на морозе, и ничего не предпринял, чтобы хоть как-то оградить от простуды своих терпеливых, непритязательных тружениц.

Через год телятница Широбокова уйдет на пенсию — кто заменит ее?

— Молодежь сюда не хочет,— вздыхает она.— Да я еще поработаю! Если, конечно, здоровье будет...

В республике за два последних года выращено холодным методом более 70 тысяч телят, сохранность поголовья — 98,9 процента. Выгода очевидная. Но какая цена будет за эту выгоду заплачена? Неужели не ясно, что крепенькие, выросшие на морозе телята уносят здоровье тех, кто за ними ухаживает? Впрочем, телята тут ни при чем. За людей люди в ответе. С них и спрос.

ТЕХНИКА — НЕ БЕЗ ОПАСНОСТИ

— Осторожнее! — пришло нам крикнуть председателю колхоза имени XXI съезда КПСС Шарканского района Юрию Алексеевичу Со-

колову. Он чудом удержался, сбалансировав на самом краю траншеи, по которой проходит навозоборочный транспортер. Вопреки правилам техники безопасности, траншея была открыта. Сколько же раз на день скользят здесь доярки, кормачи?

Председатель колхоза имени Кирова Якшур-Бодьинского района А. А. Ушаков был осторожнее. Лихо перепрыгнул через такую же траншею, а затем нас «ловил». Слышал ли он о том, что в местах перехода надлежит быть мостикам с перилами? Ну, разумеется! Так почему же их нет? Председатель — а мы старались, чтобы нашими «гидами» на фермах были руководители хозяйств, председатели профкомов, это им в первую очередь исправлять то, что упущено, — лишь плечами пожал. Обескуражен? Ничуть. Удивлен, что на такие «мелочи» внимание обращают. Здесь же никто не погиб. Котлы взрываются в котельных — вот это проблема.

Мы уже знали: в ряде хозяйств котлы-парообразователи типа КВ-300 используются в водогрейном режиме с неисправными предохранительными клапанами, без автоматики. Только по этой причине произошло в минувшем году четыре взрыва, приведших к человеческим жертвам. Так, в колхозе «Заря» Юкаменского района взорвался котел, и погибла доярка В. В. Новоструева, две другие получили серьезные травмы.

А вот колхозу имени Кирова такое не грозит. Еще в 1981 году, зимой, вскоре после сдачи котельной в эксплуатацию, все шесть котлов были разморожены, полопались и были демонтированы. Чем отапливают бытовки? Ничем... Зато котлы не взорвутся.

Ни в одном из пяти хозяйств, в которых мы побывали, в коровниках не работала вентиляция. В помещениях повышенная загазованность, животноводы дышат вредным газом. Нигде не встретились нам шланговые противогазы и страхующие ремни для безопасности тех, кто проводит ремонтные работы в сливных жижеборниках и колодцах.

Почти повсеместно

рядом с коровами содержатся быки (и это при искусственном осеменении!), причем грубо нарушаются правила их содержания: нет специально оборудованных станков, нет соответствующей привязи и палок-водил.

Во многих помещениях не заперты электрошкафы. Имеются самодельные электронагреватели. В кормоцехах цепные передачи эксплуатируются, как правило, без предохранительного кожуха.

Список можно продолжить, но зачем? Ведь все на виду, руководители, профсоюзный комитет прекрасно осведомлены о недостатках. Может, судьба бережет от несчастья и нет повода для беспокойства? Но мы уже знаем: не бережет. За десять месяцев минувшего года в колхозах и совхозах республики произошло 1650 несчастных случаев, пострадало 379 женщин. Три погибли... Каким же предупреждением, каким тревожным колоколом должна гудеть эта печальная статистика над головами руководителей!

Мы ведем сейчас речь о фермах Удмуртии. Но разве только здесь такое пренебрежение техникой безопасности? Животноводство сегодня требует осторожного отношения, строгого и неукоснительного соблюдения правил и норм безопасности труда. Как любое производство.

...За два последних года животноводческая отрасль Удмуртии обрела «второе дыхание»: из убыточной она становится рентабельной. Но какими бы высокими ни были показатели, они не прикроют тех «открытых участков», где человек обделен вниманием и заботой.

Владимир АЛЕСЕНКОВ, технический инспектор труда ЦК профсоюза работников агропромышленного комплекса; Татьяна КНЯЗЕВА, доверенный врач ЦК профсоюза работников агропромышленного комплекса по Удмуртской АССР;

Нина КОРИНА, наш корреспондент.

Удмуртская АССР.

Снимок прислал на наш фотоконкурс С. СИКОРЕНКО.

ПОЭТ
**Евгений
ЕВТУШЕНКО:**
«Я был
чудовищным
сыном»

Я вообще-то должен честно признаться, что у меня с матерью были всегда непростые отношения, до сих пор непростые. Именно в последние годы я стал больше в ней нуждаться, больше ее понимать и любить.

К сожалению, молодость, особенно ранняя, часто бывает жестокой по отношению к матерям. В детстве у нас еще жива изначальная человеческая ласковость — желание потереться о теплое, свое, родное — в глубине своей это очень целомудренное чувство. Но в молодости, как правило, происходит уход от матерей. Причем я считаю, что физический уход из родительского дома не так страшен, как моральный. Некоторые продолжают жить с родителями, но те начинают раздражать их, угнетать поучениями, даже укоряющим взглядом...

Конечно, не следует идеализировать всех родителей только за то, что родили. Сколько родителей сдают своих детей в детские дома, сколько матерей оставляют новорожденных... Есть матери, которые пьют и на глазах детей водят к себе сомнительных «дяденек» с улицы. Обо всем этом мы, к сожалению, не пишем, а надо бы — может быть, тогда мы успешнее боролись бы с этим страшным злом.

Недавно я был в одном парке и услышал крик. «Мама! Мама!» — кричал мальчик, как позднее выяснилось, трех с половиной лет. Он знал только, что зовут его Витя, ни фамилии, ни улицы, на которой живет, назвать не мог. Мать его бросила в парке и ушла, сказав «Жди!» — сколько часов он ее прождал? А потом она появилась пьяная и плохо соображающая, что происходит...

Все это я вспомнил не для того, чтобы сказать: «А вот моя мать — идеал!» — идеала не может быть в реальной жизни, есть и у моей матери какие-то недостатки. Но ей присуще одно великое качество: мне никогда не было за нее стыдно — ни как за женщину, ни как за человека. Это, мне кажется, самое главное в отношениях с человеком:

чтоб не было за него стыдно. И отношения детей и родителей здесь не исключение.

Моя мать окончила Московский геологоразведочный институт вместе с отцом. Потом у нее обнаружился хороший голос, и она еще до войны стала певицей — пела в театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. Незадолго до войны она разошлась с отцом. Развод — это всегда очень тяжело для женщины. А тут все еще осложнялось тем, что в моих глазах отец имел перед матерью преимущество. Несмотря на род своих занятий, отец был более, чем она, человеком искусства: талантливым поэтом, блистательным знатоком поэзии. Я ждал каждого мига, когда он меня навещал. Он всегда читал мне очень красивые стихи (может быть, это и оказало на меня решающее влияние), кроме того, обязательно что-то дарил: облик отца был подернут флером романтики: только что из тайги или из пустыни, пахнущий далекими неведомыми горизонтами... Труд матери, конечно, тоже был подарком, но каждодневным и детьми не замечаемым. Благодарен я матери и за то, что она никогда не препятствовала моим встречам с отцом — наоборот, хотела их, хотя видеть отца ей было тяжело.

А потом началась война. Мама пела на фронте. Кстати говоря, выступала во фронтовых концертах вместе с Маргаритой Алигер, Константином Симоновым, Александром Фадеевым. Пела она по десять — пятнадцать раз в день прямо в окопах или с кузова грузовика, иногда под обстрелом — и сорвала голос...

Меня на долгие военные годы

она отправила к бабушке в Сибирь, на станцию Зима, и мы с ней виделись очень редко. Но никогда она не забывала присылать мне письма и деньги. А вот отец, хотя и был скуп, иногда забывал.

После войны я вернулся в Москву и увидел маму в ярко-морковном парике — она заболела тифом и, наголо остриженная, без парика походила на мальчишка. Когда впервые после долгого перерыва я пришел в «Форум» послушать маму — тогда было заведено петь перед сеансом в фойе, и она исполняла в кинотеатрах «Любимый город», «Осенний сон», «Синий платочек». — я был поражен, как она плохо поет. Я стал просить ее, чтобы она перестала петь, вряд ли понимая, что для певицы это равносильно чуть ли не потере жизни... И тогда впервые она послушалась меня, двенадцатилетнего мальчика. Она перешла работать в Москонцерт, занималась организацией концертной работы для детей — все елки в Колонном зале тогда организо-

вывала мама — и получала за это 700 рублей старыми деньгами.

Еще во время войны мама сблизилась с одним аккордеонистом, но он, с появлением сестренки Лены, быстро испарился. И мама тянула меня и сестренку на эти свои 700, не получая алиментов. Поэтому была вынуждена, когда поздно вечером приходила с работы, переписывать вместе с нами концертные ведомости — они назывались литовки — до глубокой ночи.

А люди, которые ее тогда окружали и приходили в наш дом, до сих пор мне вспоминаются как одни из лучших встреченных в жизни. Все эти Волки, Снегурочки, Красные Шапочки, эти незначительные артисты — они были богемой в лучшем смысле этого слова: не той, что занимается пьянством и сплетнями, а той, что хранит внутри себя настоящий чистый воздух искусства и дружбы.

К моим занятиям стихами мама относилась, я бы сказал, осторожно. Я был чудовищным

сыном, очень плохо учился. Не ходил в школу — был чемпионом по прогулам, меня интересовали только футбол и стихи, ими я и занимался целыми днями. Мама, хотя и сильно переживала из-за меня, не была со мной жестка. Другое дело — бабушка. Однажды она привела меня в школу на веревке, чтоб все видели мой позор.

Иногда я делал страшные вещи. Например, в 1948 году, чтобы попасть на футбольный матч СССР — Югославия, а билеты на него можно было купить только у спекулянтов, я украл бабушкино обручальное кольцо. Как я такое мог совершить, до сих пор не могу понять.

Надо сказать, до сегодняшнего дня мама меня чаще ругает, чем хвалит, например, считает, что, когда я пишу, слишком тороплюсь и что слишком много езжу... Сейчас я начинаю думать, что она права.

А вообще у каждого человека в жизни должен быть кто-то, кого он по-хорошему боится, перед кем ему всерьез стыдно. Так

вот, для меня такой человек — мама. Хотя она ни разу меня пальцем не тронула, я до сих пор ее страшно боюсь. (Кстати, и многие беды нашей поэзии от того, что нет поэта, перед которым было бы стыдно писать плохо.) Какие качества мамы сделали именно ее таким человеком для меня? Наверно, прежде всего ее огромное уважение к жизни, ее активная забота о других людях. То, что она постоянно занята заботами о других, не дает ей замечать старость. На примере мамы понимаю, что эгоисты стареют быстрее. А еще мама относится к числу тех интернационалистов, которые даже не знают, что они интернационалисты и никогда об этом не говорят — это просто в крови. И проявляется ее интернационализм естественно — по составу друзей, среди которых люди самых разных национальностей, по нетерпимому отношению к грубым застольным шуткам на национальные темы...

Я уже говорил, что развод с отцом был для нее тяжелым испытанием, она всегда чувствовала себя глубоко обиженной. Но когда шесть лет назад отец умер, она пришла на похороны и обняла его вдову...

В моей поэме «Мама и нейтронная бомба» есть такие строчки: «Моей матери Зинаиде Ермолаевне Евтушенко семьдесят два года. Мама вышла на пенсию, но продолжает работать. И только поэтому не умирает». Эти строчки были написаны пять лет назад, моя мама, к счастью, жива и продолжает работать — в книжном киоске возле Рижского вокзала. Она принадлежит к той породе людей, чья работа держит, как опытных пловцов на поверхности держит вода.

Моя семейная жизнь сложилась не слишком-то благополучно. Однако в отличие от некоторых матерей, которые ревностно стараются посорить сыновей с их женами, моя мама всегда старалась спасти мою семью. Она стояла на той точке зрения, что «с детьми не разводятся», что родители — даже будучи разведенными — должны продолжать воспитывать детей вместе. Мама часто повторяет такую свою мысль: развод — несчастье, но почему само это несчастье не может сблизить людей, на которых оно обрушилось?

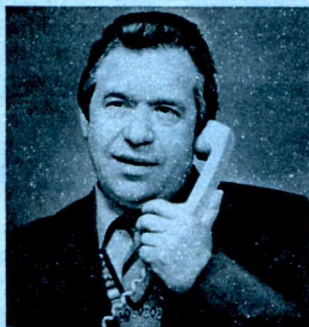
И вот ведь как получилось! Для меня мама, никогда не учительствуя, постепенно стала учителем жизни.

На фото слева вверху — Зинаида Ермолаевна ЕВТУШЕНКО.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ВСЕРОССИЙСКОГО
СОВЕТА КОЛХОЗОВ

ВАСИЛИЙ
СТАРОДУБЦЕВ:

«Цветы
к вашим
ногам...»

лет трудится она в цехе животноводства. Наследство ей досталось трудное: несколько мелких разбросанных по деревням ферм, где царствовал ручной труд. Средний удой молока был 1600 килограммов. Нина Тихоновна — с виду мягкая, даже застенчивая женщина — проявила блестящие организаторские способности. В короткие сроки перевели мы свое стадо на индустриальные рельсы. Гордимся комплексом на 1100 коров, который обслуживают

всего десять операторов машинного доения. Удой вот уже несколько лет более 5600 килограммов. В этом году попытаемся выйти на 6000. Корма позволяют, уход за коровами хороший, стадо подобрано крепкое.

Нина Тихоновна одной из первых среди зоотехников страны приступила к самому прогрессивному методу — трансплантации эмбрионов животных. Благодаря такому методу от высокопродуктивных коров можно получить намного большее потомство...

Год назад у нас образовалось агропромышленное объединение «Новомосковское». Нина Тихоновна стала председателем мясо-молочного кооператива, оставаясь в то же время главным зоотехником колхоза. Ее богатейший опыт, высококвалифицированная помощь остальным хозяйствам позволили только за один минувший год увеличить надои в целом по району на 240 килограммов молока от коровы. Вот что такое талант нашей Нины Тихоновны!

Желаю ей и всем нашим труженицам мира, счастья и самых благоуханных цветов от нас, мужчин.

Село Спасское,
Новомосковский район,
Тульская область.

Наверное, нет женщин, которые так заслуживают самых красивых цветов и так редко их получают, как сельские труженицы. Сегодня мне хочется положить к их ногам букет благоуханный и каждой благодарно поцеловать руку за удивительную способность не уставать, за щедрость души, за верность земле и веру в счастливую судьбу детей.

Сам я от рождения до сего дня связан с деревней, и потому хорошо знаю, как велик немереный и неохватный труд наших скромных и прекрасных женщин. Если бы не их организованность и дисциплина, не повседневная работа, разве достигли бы мы тех результатов, которыми сейчас наш колхоз имени Ленина гордится? Приведу лишь несколько цифр. За прошлую пятилетку мы выполнили шесть годовых планов по продаже зерна, молока, мяса, восемь — по поставкам сахарной свеклы (вот уж где трудятся исключительно женщины!), получили 15 миллионов чистого дохода. Мне бы хотелось поименно назвать всех замечательных женщин (а их у нас более 700; 160 награждены орденами и медалями, четыре лауреата Государственной премии СССР), да, боюсь, не хватит журнальной площади. Потому назову лишь одну, Нину Тихоновну Кочетову, нашего главного зоотехника, лауреата Государственной премии СССР, кандидата сельскохозяйственных наук. Более 20

ВОТ ТАКОЕ ПИСЬМО

КАЛЕНДАРЬ ОТ ЧИТАТЕЛЯ

Представьте себе: вы написали жалобу на то, что негде купить простой отрывной календарь, и вдруг в ответ посыпались бандероли с этими самыми календарями!

Вы скажете — так не бывает. И я с вами соглашусь. Однако со мной случилось именно так. Началось с того, что я написала письмо в «Крестьянку» — дескать, в нашем сельском магазине такого товара почему-то нет. Редакция отослала мое письмо в Госкомиздат СССР, и оттуда я получила... нет, не спешите, конечно, не календарь, а бумагу, в которой было написано: облпотребсоюз выделит специально для вашего села несколько десятков календарей дополнительно.

А в перспективе и вовсе будет здорово: с пуском линии в полиграфическом комбинате г. Костромы в продажу поступят новые миллионы экземпляров этой нужной продукции.

Прочитала я бумажку и стала ждать. Календарей в магазине так и нет. Не получили, естественно, и тех «нескольких десятков» дополнительных, которые должен был выделить облпотребсоюз.

Но тут-то и началось: календари стали поступать на мой адрес со всего Союза от читателей «Крестьянки»: Любови Васильевны Прошенковой из Москвы, Александра Сергеевича Лузанова со ст. Суджа Курской области, Татьяны Ивановны Марар из пос. Реттиховка Черниговского района Приморского края, Геннадия Сергеевича Ямкова из Североморска и многих других душевных, сердечных людей. Я вначале не поняла, как они узнали мой адрес, как узнали, что я ищу отрывной календарь. А потом вспомнила: да они же прочитали это в заметке «Календарный дефицит», опубликованной в седьмом номере журнала за 1987 год. И вот прошу я тебя, дорогая «Крестьянка»: напечатай мое письмо! Пусть эти люди знают, как тронуло меня их внимание, как я благодарна им.

Т. КРАСНОЖОН.
с. Макарьевка,
Пресновский район,
Северо-Казахстанская область.

**Три года назад
в Шебекинском
районе
Белгородской
области
буквально
за месяц-другой
большинство
«веселых точек»
общепита
были превращены
в безалкогольные.
А потом это же
произошло
и в остальных
районах.**

Раздавались голоса сомневающих: не смогут, мол, «трезвенники» долго продержаться, чуть схлынет волна борьбы с пьянством, как снова в меню появится спиртное.

Так как же чувствуют себя сегодня безалкогольные кафе и бары?

Их стало вдвое больше: только в селах области — 327. Готовятся к открытию и новые. Размещаются они большей частью в приспособленных помещениях, например, в фойе и холлах клубов и домов культуры, бывших магазинов и конторах. Есть даже популярное кафе в... заброшенной силосной башне. Посмотрев на снимок, вы сами можете убедиться, как там красиво и уютно. В Городище Старооскольского района кафе оформлено под избу, в классическом русском стиле. А в селе Истобное Губкинского района в помещении бывшей пивной работает знаменитый на всю округу дискотечный бар «Белогорье». Сюда приезжают даже из райцентра: очень уж интересные программы.

Угощение в трезвых кафе простое: бутерброды, соки, фруктовые коктейли, пироги и пирожные и, конечно, мороженое. С этим белгородцам повезло: фризеры (автоматы

В кафе «Отдых» села Чураево Шебекинского района вас приветливо встречает Людмила Кимченко.

по производству мягкого, самого сейчас популярного мороженого) выпускают здесь же, в области. А вот с пирогами хуже. Когда открывали кафе, кондитерских цехов, способных наготовить достаточно вкусной продукции, в районах почти не было. Сейчас они появляются, но этого уже недостаточно. Например, скучными коржиками начинается и заканчивается ассортимент кондитерских изделий в кафе Губкинского района. Не слишком велик на Белгородчине также выбор соков и фруктовых вод, а значит, и коктейли не везде есть.

Ну, а как насчет развлечений? Вариантов несколько. Самый современный — видеокафе. В области их несколько, все пользуются успехом и у всех одна беда:

крайне скудный видеофонд. Кроме уже шедших в прокате отечественных фильмов и не самых свежих концертных программ, посетителям предложить нечего.

Почти в каждом клубе существуют дискотеки. Жаль только, что никто в области не занимается подготовкой квалифицированных диск-жокеев и ведущих (за это могло бы взяться местное культурно-просветучилище, но оно пока инициативы не проявляет), поэтому уровень программ еще недостаточно высок.

А теперь попробуем взглянуть на работу молодежных кафе с другой стороны — из-за стойки бара. Мнение Елены Ивановой, Анастасии Анисимовой, Елены Мещеряковой (все они из разных районов области) было единодушным:

ТЕПЛО И ВЕСЕЛО. ОТ МОРОЖЕНОГО ?

Вот то самое кафе в старой башне, всем полюбившееся в селе Муром. Так оно выглядит внутри...

...А так — снаружи.

— Работать стало легче — нормальная обстановка, не надо утихомиривать разгулявшихся посетителей. И люди как-то уважительней начали относиться к нашему труду. Сложности другие появились: приходится проявлять выдумку в оформлении зала, в приготовлении напитков и закусок, в составлении программ. Но это даже интересно!

Что же касается выручки, то тут достаточно обоснованно ответил исполняющий обязанности начальника отдела общественного пита-

ния облпотребсоюза А. В. Аулов:

— Первое время мы, конечно, несли убытки. А сейчас на одном мороженом выручаем около двухсот тысяч рублей в год. Всем же известно, чем оборачивается прибыль от продажи водки: грязь, драки, вечные жалобы... Так что уж лучше пусть вместо «бормотухи» в меню будет мороженое!

Игорь МОРЖАРЕТТО

Фото Игоря ЯКОВЛЕВА.

Белгородская область.

ТРИ ЖИЗНИ ИСАБЕ

Несколько дней буквально по пятам пришлось ходить за Исабель Маргаритой Гумасио, но вырвать ее из заседаний комиссий, где она выступала, поймать между бесконечными дискуссиями и поездками по Москве так и не удалось. Наконец в последний день работы Всемирного конгресса женщины она неожиданно вынырнула из толпы чилиек, шумно обсуждавших что-то в вестибюле гостиницы «Салют», взяла под руку и повела к автобусу, на ходу объясняя, что мы можем поговорить только у ее близкой подруги, уже несколько лет живущей в Москве.

Гости в этом доме собрались, видимо, давно. По лицам было видно, с каким нетерпением ждали они тех, кто всего несколько дней назад был на родине или знает подробности о близких, друзьях. Сидели в гостиной кто в креслах, кто на стульях, расставленных вдоль свободных стен, кто просто на полу. Радостно принимали в объятия приходящих (двери на лестничную площадку так и стояли открытыми), провожали, усаживали и, несмотря на то, что время было позднее, а час мелькал секундой, говорили, говорили, говорили...

А под конец девушка лет семнадцати, может быть, и не помнящая-то Чили, встала в проеме двери так, чтобы ее видели и слышали все, и запела высоким, чуть дрожащим голосом «Венсеремос». Если бы можно было описать лица всех, кто слушал ее в эти минуты!

...Сама Исабель считает, что прожила уже несколько жизней, по меньшей мере три. Первая, безмятежная, кажущаяся теперь сном, сказкой, — в семье отца, до замужества. Он был состоятельным человеком, четверо братьев и се-

стер воспитывались в любви и преданности друг другу, все получили прекрасное образование. Исабель десять лет ходила в школу, потом поступила в университет, где прошла два курса — философии и истории искусств. Она была очень красива, здорова, образованна, удачлива и уверена в том, что счастье ее надежно защищено, как в сейфе отца.

В 23 года она познакомилась с Орландо Летельером. Сыграли пышную свадьбу. На этом первая жизнь Исабель закончилась.

Они должны были строить свой семейный очаг почти с нуля, на деньги, заработанные собственным трудом. Это не пугало: Орландо устроился на работу в медную корпорацию, Исабель стала преподавать испанскую литературу. Первый удар обрушился, как оно и случается, неожиданно. На седьмом месяце беременности Исабель лишилась будущего ребенка. Только после этого она поняла, что хочет иметь детей, много детей, даже больше, чем в счастливой семье отца. И даже потом, когда так трудно дался первый сын — сразу же после его рождения и она, и Орландо заболели тифом, — Исабель не оставила своей мечты: каждый год рожала по ребенку.

Жить становилось все труднее. В течение трех лет сменили пять квартир, переезжая в более и более скромные. Казалось, устала безмерно от тяжелых беременностей, родов, бессонных ночей. Но ведь были малыши, и потому все равно хотелось заниматься любимым делом — испанской литературой — и быть как-то причастной к той жизни, которая совершается вокруг, за маленьким миром ее семьи.

Однажды Орландо взял ее с собой на экономическую конференцию, где выступал старый, очень известный в Чили профессор. Или потому, что Исабель, вырвавшись из своих будничных забот, слушала, впитывая каждое слово, или потому, что была подготовлена разговорами мужа, у нее, женщины, воспитанной в благополучии и душевном покое, будто открылись глаза.

Орландо весь вечер поглядывал на нее и дома нисколько

не удивился, только радостно улыбнулся, когда она твердо сказала:

— Буду тебе помогать.

С тех пор они вместе собирали подписи под протестами в защиту Гватемалы, в защиту Пабло Неруды, которого тогда преследовали.

В 1952 году Исабель и Орландо впервые услышали об Альянде и сразу же увлеклись его идеями. Для Орландо никогда не были помехой в общении ни возраст, ни социальное положение. Если он видел человека, который ему нравился, он тут же подходил и знакомился. Эта простота, даже какая-то детская непосредственность очень располагали поначалу, а потом дело довершали незаурядный ум, страстность убеждений и то, что он никогда не поступался своими принципами.

...В то время они жили в маленьком домике на окраине Сантьяго. Однажды к Исабель прибежала растерянная соседка и сказала, что звонил Орландо — у Летельеров телефона не было. Он просил передать, что пригласил сегодня на ужин Сальвадора Альянде с супругой.

Для Исабель это было потрясением. Еще бы! Известный всей стране и очень популярный сенатор, уже баллотировавшийся в президенты, и они — никому не известные, к тому же бедные молодые люди. И потом — чем угощать?

Она быстро уложила детей, неуклюже металась из кухни в комнату (вот-вот должен был родиться еще один ребенок), наскоро убирала разбросанные вещи, выгребала все запасы, судорожно соображая, что бы такое быстро приготовить...

Орландо позвонил — не захотел открыть своим ключом и застать ее врасплох. На пороге Исабель увидела красивую стройную женщину и Альянде. Он держал в руке листок, на котором был портрет его противника на выборах.

— Мадам, — сказал он строго, — вот это, — скосил глаза на листок, — я обнаружил приклеенным почему-то на вашем доме. Я все-таки доктор и прошу поверить мне: беременным женщинам очень вредно смотреть на такие отвратительные

физиономии. Выбросьте это! Завтра же я принесу вам портрет очень красивого мужчины. — Он ткнул себя кулаком в грудь. — Любуйтесь, сколько хотите.

— Мне кажется, — ответила Исабель, — что президенту совсем не обязательно быть красивым.

— Слушай, Орландо, — сделал невероятно удивленные глаза Альянде, — твоя жена очень сложный человек!

Так началось их знакомство, переросшее в долгие годы верной дружбы, взаимопонимания и совместной борьбы.

Тогда, в 1958 году, Орландо полностью ушел в предвыборную работу. Но Альянде потерпел поражение, и тут же пришло извещение, что Орландо Летельер больше не работает в медной корпорации. Одновременно, как по мановению волшебной палочки, их лишили государственного займа и закрыли кредит в банке. Семья, состоящая уже из пяти человек, жила на маленькое жалованье, которое Исабель получала за преподавание в школе.

В 1959 году Летельеры покинули родину. Несколько месяцев жили в Венесуэле, потом перебрались в Вашингтон, где Орландо предложили работу в международном банке.

Десять лет они прожили в Вашингтоне. За это время Орландо занял в банке высокий пост, родился четвертый ребенок, Исабель получила курс лекций в университете. Жизнь постепенно наладилась, если не считать постоянной тоски по родине.

И вот в 1970 году пришло известие о том, что Альянде победил на выборах, стал президентом. Летельер в тот же вечер вылетел в Сантьяго, а Исабель начала укладывать чемоданы.

Он вернулся на следующий же день. Сказал:

— Какая ты умница, что собрала вещи. Только переезжать нам недалеко — на соседнюю улицу...

На соседней улице находилось посольство Чили. Летельера назначили послом своей страны в США.

У Исабель началась новая

Ль

тем перемещали из лагеря в лагерь. В конце концов, узнав о критическом состоянии здоровья Летельера, губернатор Каракаса потребовал выдать его под ручательство венесуэльского правительства. Приехал, забрал совершенно изможденного, больного... Исабель с детьми все еще оставалась под домашним арестом.

Через некоторое время, когда Летельер немного пришел в себя, его пригласил на работу Институт политических наук в Вашингтоне — организация прогрессивная и независимая. Исабель отпустили к мужу.

Здесь она вернула к жизни созданное еще в период деятельности Летельера-посла общество Чили, которое стало помогать эмигрантам, тем, кто находился в лагерях Пиночета, был репрессирован. Вместе с Орландо Исабель основала комитет прав человека Чили.

И тут судьба, как считает Исабель, сделала ей подарок. Она давно занималась скульптурой, и вот в сентябре 1976 года в небольшом зале на окраине Вашингтона была открыта выставка, которую она назвала «Освобожденная женщина». Выставка имела неожиданный для Исабель успех — распроданы были все до одной работы.

А через неделю Орландо был убит.

Как обычно, утром он поцеловал Исабель на прощание. Она еще видела в окно, как он пригласил в машину недавно поженившихся молодых людей из соседней квартиры.

Машина взорвалась, когда проезжала мимо чилийского посольства. Молодая женщина умерла мгновенно, ее муж получил тяжелые ранения. Орландо оторвало обе ноги, и в течение двух часов он умирал, истекая кровью.

Теперь Исабель одна отвечала за судьбу четверых детей Орландо. Ее чуть было не выдворили из Америки, потому что до этого она жила по визе мужа. Но институт, где работал Орландо, предложил ей покровительство: она стала разрабатывать проект прав человека, над которым в последнее время трудился ее муж. С помощью того же института она сделала все, чтобы было начато следствие по делу убийства Орландо, чтобы оно получило широкую политическую огласку, и тогдашний президент Соединенных Штатов Картер был вынужден потребовать выдачи одного из организаторов взры-

ва, бежавшего после террористической акции в Чили.

Конечно, капитан Армандо Фернандес Лариос не был выдан Пиночетом, да и требование было всего лишь фарсом. Но дело прозвучало на весь мир...

Впрочем, Армандо Фернандес Лариос спустя несколько лет появился в Вашингтоне, говорили, с намерением все рассказать, во всем признаться. Но рассказать не позволили — он был убит неизвестными лицами...

Исабель нелегко жить там, где все напоминает об Орландо. Но она остается, потому что свято верит: она служит будущему своей родины тем, что не дает забыть о смерти Летельера, требует у правительства США действий по розыску убийц. Тем, что продолжает работу Орландо над проектом прав человека, участвует в комиссии «Права женщин третьего мира».

Ее младший сын, родившийся в Америке, никогда, даже в детстве, не хотел считать себя гражданином США. И когда достиг совершеннолетия, нелегально пробрался на свою настоящую родину, чтобы бороться за дело отца. Исабель никогда не знает покоя.

Многое в мире меняется к лучшему. Люди устали от постоянного страха за близких и собственную жизнь. Устали и наконец начали прислушиваться друг к другу, взаимно помогая освободиться от долгого безумия. Миллионы подняли головы. И этого нельзя не заметить или сделать вид, что здоровый смысл еще не родился. Мир изменился. По инициативе Советского Союза, предложившего реальные пути спасения от военной угрозы, главы правительств, раньше не допускавшие существования без сумасшедшего накопления оружия и агрессий, начали уступать желанию народов жить в мире.

Надежда все крепнет. То, что вчера казалось утопией, сегодня реальность: человечество избавится от четырех процентов ядерного оружия.

Люди поняли, люди что-то поняли... Исабель верит, что настанет время, когда она соеденится с детьми и близкими, с родиной. В освобождении которой будет пусть небольшая, но и ее доля.

Наталья ГРИГОРЬЕВА
Рис. А. БОЧКОВА.

пользовалась всякой возможностью, чтобы объяснить простым американцам, что же происходит в Чили, чего добивается правительство Альенде и хочет ее народ.

Собирала пожертвования, по мере возможности закупала медикаменты, слуховые аппараты, очки, все, чего не хватало в чилийских больницах, отправляла на родину. Она очень хотела быть полезной.

В мае 1973 года Орландо Летельера назначили министром иностранных дел, а вскоре, когда они вернулись в Чили, — министром обороны.

В роковой день военного переворота Альенде позвонил на квартиру Летельера в пять утра: «Орландо, узнай, что происходит?» Они договорились встретиться через полчаса. Но не успели. Орландо арестовали при входе в министерство...

Исабель увидела его только через год. Сначала Летельера держали на острове Досон, за-

жизнь. Она могла бы наконец отрешиться от повседневных забот, вспомнить, что она хороша, заняться нарядами. Могла, конечно, но не хотела.

В первые же месяцы правительство Альенде национализировало медные рудники — американские деловые круги источали злобу. Исабель выступала в любых аудиториях.

Делегаты съезда колхозников
обсудят
широкий круг проблем. В том числе,
конечно, и те, что рождены
повсеместным внедрением семейного
подряда, его практикой. Он уже
доказал свою эффективность
и жизнеспособность, но задал
и вопросы: об оплате труда,
о нормировании, о трудовой
нагрузке, в том числе о трудовой
нагрузке детей. Об этом предстоит
думать и думать. Тем более что
в огромной нашей стране эти
проблемы выглядят по-разному
в разных регионах.

Свой опыт и свой взгляд на
проблемы есть и в Туркмени —
в колхозах «Социализм» и «40 лет
ТССР» Ашхабадского района
Ашхабадской области, «Москва»
и «Ленинград» Тахтинского района
и в колхозе имени Чапаева Куня-
Ургенчского района Ташаузской
области.

«КАК В КОЛОДЕЦ ПАДАЛИ...»

Осень в минувшем году здесь выдалась,
как в средней полосе России: в октябре
уже холод и дождь. Кого-нибудь застать
на виноградниках колхоза «Социализм»
шансов не было: что там делать-то в та-
кую погоду? И все же: вон «жигуленок»,
пламя костра плещется, будто кто-то ма-
шет красным флажком. У костра греются
люди. Семья: Чары Сахатдурдыев, его
жена Огульбайрам, жена одного из сыно-
вей Айгозель, два младших сына. В этот
день представители фирменного магазина
из Ашхабада должны прибыть за вино-
градом, и к назначенному сроку он со-
бран, упакован в ящики и прикрыт цел-
лофановой пленкой от дождя. И вот Са-
хатдурдыевы ждут машину, греют пальцы
над слабеньким огнем. Это в их интересах:
сдать виноград высоким сортом.

— Когда переходили на семейный по-
дряд — как в колодец падали, — вспоми-
нает Чары. И даже по этой случайной
фразе видно, насколько отвыкли (или на-
сколько не привыкли) люди брать на себя
ответственность за результаты своей же
деятельности на земле. И это не лоды-
ри — крепкие, нормальные работники.

Но видно и другое: как манило их вы-
членить свою работу, не растворяться

в массе, заработать то, что заработано.
Ведь на семейный подряд переходили
добровольно, охотно. Хотя вводили его
в ситуациях риска: «Социализм» заложил
тогда новые виноградники в пустыне,
и требовался тщательный уход за посад-
ками. А в соседнем хозяйстве, в колхозе
«40 лет ТССР», наоборот, стремились не
потерять старые виноградники, где не-
возможно было ни технику применить, ни
современную технологию. И уже потом
новая форма организации труда распро-
странилась на все виноградники, а в «Со-
циализме» еще и на овощи.

Результаты разительны: урожайность
и качество выросли, себестоимость год от
года снижается. Увеличилось число лю-
дей, занятых трудом на земле: участки
взяли экономисты и бухгалтеры, медики
и педагоги — производителей сельскохо-
зяйственной продукции стало больше.
Причем они утверждают, что перегрузок
не испытывают: работа на земле требует
их рук лишь в какие-то периоды. А пре-
тензий к ним как к специалистам нет, с ос-
новной работой эти люди справляются
успешно. Тем более что в поле им помога-
ет вся семья. И жители соседних горо-
дов, благо земли этих колхозов иной раз
к городам ближе, чем к центральным
усадебам, взяли в колхозе подряд: выра-
щивают лук. Оба хозяйства многоотрас-
левые, оба осваивают новые земли, рабо-
чие руки нужны.

Сегодня подряд на виноград не вдруг
возьмешь — очередь. С овощами сложнее,
здесь возни больше, но и на овощи берут
подряд. Замужние дочери Сахатдурдые-
вых создали свое семейное звено, в мину-
вшем году занимались помидорами. То, что
они вышли в поле, что вышла на планта-
ции их мать Огульбайрам, — выигрыш не
только экономический, но и социальный.
У дочерей дети маленькие, у Огульбайрам
младший, двенадцатый, еще дошкольник,
если бы не возможность по-своему «пере-
группировывать» домашние и рабочие
нагрузки, вряд ли женщины участвовали
бы в общественном производстве.

Поскольку работа на виноградниках се-
зонная и не требует постоянного присут-
ствия в поле, семьи могут в остальное
время трудиться на других участках.
В сезон почти все берут подряд еще и на
выкармливание шелковичных червей.
Люди больше успевают при такой орга-
низации и получают соответственно
больше.

Однако эта гибкость чревата не только
выгодой. В колхозе «40 лет ТССР» меня
специально провезли вдоль всей вино-
градной плантации, чтобы показать, как
по-разному относятся подрядчики к ра-
боте: на одних участках кусты стеной сто-
ят, ни травинки, на других кусты хилые,
сорняки выше их. Возможность маневра
в работе вызывает у некоторых лукавое
желание везде урвать, не очень себя за-
трудняя: ведь что-нибудь да вырастет же
и без тщательного ухода!

А кто-то решил, что ему выгоднее про-
давать колхозный виноград на рынке.
И воруют у себя же на участках. Маши-
ны есть почти у всех, так что отвезти
виноград в город не проблема. Чужого на
плантации заметят, а за своими не успе-
дить. Об этом мне рассказал один из по-
дрядчиков. Он просил его фамилии не на-
зывать, хотя говорил в присутствии че-
тырех человек. Очень хвалил семейный
подряд, но высказал соображение, что
тут нужны строгие и честные контроле-
ры. Так для того и на подряд переходи-
ли, чтобы конечный результат был кон-
тролером! «Ай, — возразил собеседник, —
но воровать еще выгоднее».

«Каким-то образом коллективизм раз-
мывается», — говорит об этом председа-
тель колхоза «40 лет ТССР», Герой Соци-
алистического Труда Керим Ахмедярович
Ахмедяров. Каждый занят только своим,
коллектив становится своего рода аб-
стракцией. Еще более категоричен его за-
меститель Курбандурды Рзакулиевич
Рзакулиев: «Семейный подряд — жизнен-
ная необходимость, но когда-нибудь нам
придется проводить вторую коллективи-
зацию. Думают о своем кармане, а не о го-
сударстве». Лишь бы выгоднее... Вот
в чем, по мнению некоторых, «болевая
точка» подряда семейного.

Разберемся. Есть ли серьезные основа-

Семейный подряд
утверждается.
Но, развиваясь,
он ставит
свои проблемы.

Иметь

ния для таких опасений? Даже если кто-то действительно думает о своем кармане? Вряд ли. Для сомнений по поводу семейного подряда нет никаких оснований! Ведь люди эти на общественной земле работают, используют материальные ресурсы своего же хозяйства по договору с ним. И делать все призваны с ответственностью за общее дело. А то, что честно заработанные деньги позволяют им жить лучше, — справедливо. Бывает, конечно, что берут верх рваческие элементы. Так ведь на то и гласность, на то и действующие социальные, политические механизмы, система воспитательной работы, способные защищать нас от этого. Они же и поддерживать интерес у людей к новому делу должны.

Вне напряженного, квалифицированного труда не может быть никакой нравственности. Другое дело, что механизм действия семейного подряда еще не отлажен, как и вообще методы экономического влияния на человека. Кроме того, это лишь одна из «сил», воспитывающих его, формирующих социальную позицию каждого из нас. И к семейному подряду люди пришли, уже имея некоторый — не всегда безупречный — жизненный опыт, систему ценностей. Старое и новое сегодня находятся в сложных отношениях. И от нас самих зависит, что возьмет верх.

Прав тот же Курбандурды Рзакулиевич Рзакулиев, когда говорит, что человека «строит» семья, школа, традиции, атмосфера в коллективе, система приоритетов, принятая в его среде. Из множества влияний — целенаправленных и случайных — у него формируется социальный и нравственный идеал, без которого невозможна личность — та самая личность, которая сама может влиять на всю систему экономических отношений. И прежде всего на то, чтобы именно в том звене, где семейный подряд, не было сбоя.

В колхозе «40 лет ТССР» семейный подряд не собираются распространять на все отрасли: только там, где сезонная ра-

бота, там, где он выгоднее. «Мы не хотим превратить колхоз в заготовительно-сбытовой кооператив», — говорит К. А. Ахмедяров. — И вообще о семейном подряде есть смысл говорить только, если внедрен внутрихозяйственный расчет, иначе себе дороже выйдет». То есть общая система экономических и социальных взаимосвязей должна быть отлажена, прежде чем сможет функционировать без накладок, определять действия включенного в нее работника. Как это сделать? Керим Ахмедярович, поставив этот вопрос одним из первых, думает, как его решать. Сегодня важно, что проблема названа, понята.

ТОЛЬКО ВПЕРЕД

Но через несколько дней я познакомилась с председателем колхоза, который, наоборот, от семейного подряда шел к внутрихозяйственному расчету и к коллективной ответственности. Если в богатом хозяйстве, которое возглавляет К. А. Ахмедяров, пришло уже время отлаживать до тонкостей действие экономического механизма, состыковывать его с нравственными критериями, то в колхозе «Ленинград» этот механизм нужно было запустить, заставить работать.

Гошджан Рахмедов пришел сюда, когда хозяйство в области было на 95-м месте, в районе на 12-м и в обоих случаях — на последнем. В кассе не было ни копейки. Иные из коров колхозного стада давали по 200 граммов молока в день. Но при всем том заработки у людей были высокие: у тех же доярок — 250—300 рублей.

Рахмедов поднимал хозяйство в три рывка. В первый год, сократив площади под хлопок, ввел севооборот, за что был руган жестоко, хотя план по хлопку и выполнили. На второй расширил посевы люцерны — и впервые колхоз дал прибавку по молоку, получил возможность заняться племенной работой. Почему дома держать корову выгодно всегда? — размышлял Рахмедов, — почему при всем напряжении с кормами она никогда в семье не убыточна в отличие от коровы колхозной? А потому, что платят на ферме в большей степени «от головы» и в мень-

шей «от молока». Так Рахмедов пришел к мысли о семейном подряде. И этой мыслью поделился с колхозниками. И получил энергичный отпор: «Почему мы, бедные, должны переходить на новую форму работы, когда богатый колхоз имени Тельмана не решается на это?» Люди считали, что раз колхоз бедный, то не они должны — им должны. Их устраивала жизнь в долг, тем более что материально они при этом не страдали: долг повисал на хозяйстве.

Рахмедов должен был переубедить людей, а им переубеждаться не было никакого экономического резона. Кроме того, на это требовалось время, а его не было. Как на пожаре: надо, чтобы все хватало ведра и бежали тушить, а не обеуждали, какими именно средствами. Председатель, образно говоря, «схватил ведро». Он заручился поддержкой партийной организации, профкома. Но не стал уговаривать каждого — он бы и не сумел этого сделать, — на семенной подряд был переведен весь колхоз.

Те, кто был не согласен, подчинились этому решению не сразу. Первыми «подрядчиками» стали семьи председателя, секретаря партийной организации, членов правления, медики и учителя, конторские... На ферме, было дело, коров доили опять же жены председателя и парторга, а доярки работать отказывались. Жалобы на председателя сыпались во все инстанции: зажим демократии! Колхозную землю раздают! Даже бухгалтерия была против семейного подряда — считать при этом пришлось бы больше!

И ведь справедливы были обвинения по адресу председателя. Только... а что ему было делать? В хозяйстве создалась парадоксальная ситуация. Спор шел по оси: застой — плохо, но выгодно, и, чтобы это защитить, нажимали на демократию. ▷

и не имеет

НЕ СГЛАЗИТЬ...

А сколько можно убеждать, что пожар надо тушить? Рахмедов «схватил ведро»... и не отступил. Через какое-то время, опасаясь потерять в заработке, «оппоненты» Рахмедова попросили выделить им участки.

— Семейный подряд стал мешать семейным отношениям,— заметил Рахмедов. Под «семейными отношениями» он подразумевает всякого рода полагания «своим» родственникам, приятелям, всякого рода «полезным» людям. «Своему» уже не припишут лишнего, не дадут более выгодной работы. «Своим» стало дело, и это главная перемена, определившая остальные. Никогда, например, не сдавали столько хлопка первым и вторым сортом. При нас было: шел дождь, но хлопок люди прикрыли на своих харманах. Кто чем. И волокно осталось сухим.

Колхоз, поднявшийся до 7-го места в районе, претендует на 4-е и даже 3-е. Ура? Но почему тревога в голосе Гошджана Рахмедова? Семейный подряд поставил перед ним свои проблемы. Иные он решил — добился, например, чтобы все сдавали свой хлопок по отдельности, отвечая за качество. Другие проблемы решаются.

Но вот ситуация: благодаря тому, что почти весь хлопок идет высоких сортов, и, соответственно, лучше оплачивается, план в стоимостном выражении хозяйством выполнен — и с лихвой. А в натуральном выражении, то есть в тоннах, в связи с погодой могло и не выполнить. План по ваду в натуральном выражении таков, что, сдавая хлопок высоких сортов, колхоз с ним не справится, и все это знают. Собрать и сдать так называемый хлопок «четвертого сорта?» Раньше так и делали. Теперь же возникают два «но»: за этот низкосортный хлопок (его и хлопок-то звать не хочется Рахмедову, он говорит «ветошь») платят мизер, подрядчикам собирать его никакого интереса, для этого нужно на них «давить», то есть отступить от экономических методов воздействия к административным. Кроме того, и подрядчики, и сам Рахмедов знают, что хлопок «четвертого сорта» — именно ветошь, ничего путного из него не сделать, пользы от него — только что получить «галочку» за сданные тонны. То есть и нравственного резона собирать его нет. Вот в этот разрыв между выполнением плана в стоимостном выражении и в выражении натуральном и могли «провалиться» расчеты Рахмедова укрепить связь экономики и нравственности. Ибо, чтобы люди не стремились правдами и неправдами взять незаработанное, колхоз должен отдать им то, что они заработали. Честно заработанное — вот чем Рахмедов хочет укрепить коллективизм, на этом хочет выстроить отношения. Потому что он, как и Керим Ахмедярович Ахмедяров, считает семейный подряд предпосылкой подряда коллективного.

— Только вперед! — говорит Гошджан Рахмедов.

Для него это значит: не закрывая глаза на некоторые внутренние противоречия нового метода организации труда, выверять его, усовершенствовать, но считать не целью, а лишь средством наладить дела в хозяйстве коллективном.

Экономический интерес и нравственность... Есть ли у них — не в принципе, а сегодня, в реальной действительности — точка, где они сходятся? Есть! Поедем, читатель, в колхоз имени Чапаева, к Николаю Юрьевичу Ли.

У них с женой на подряде свиноферма, 475 голов, 19 свиноматок. В Туркмении, надо сказать, мясо и молоко по большей части привозные, потому что слабая кормовая база. Здесь землю стараются занять хлопком. Тем важнее опыт семейства Ли.

Три года у них на ферме совсем нет падежа. Получают они от свиноматки по 22 поросенка. Двухразовый опорос. Сдают свинину государству по 1 рублю 87 копеек за килограмм, а себестоимость ее у Ли — 1 рубль 50 копеек. В 1988 году надеются снизить себестоимость до рубля за килограмм. На Украине, говорит Николай Юрьевич, она составляет 55 копеек, но этот рубеж ему до 1990 года не взять, предстоит еще увеличить площади под кормовые культуры.

— Ты с базара кормиться станешь — дешево ли будет? — вразумляет он меня. — Вот и для колхоза покупные концентраты — то же самое.

Николай Юрьевич строит планы на будущее уверенно. А ведь он пенсионер. Всю жизнь проработал бухгалтером, теперь же решил заняться физическим трудом. Во-первых, считает Ли, это для здоровья полезно. Во-вторых, ну сколько он мог еще просидеть в конторе? Доживал бы, не жил. А тут — «словно начал жизнь сначала». Николай Юрьевич имеет все шансы осуществить вечное желание тех, кто уже немолод, — превзойти «нынешних», показать им, чего стоит старая гвардия. Все, что узнал Николай Юрьевич за свою жизнь, сейчас ему служит: он владеет экономическим расчетом, он много читает, любопытен, самолюбив.

Вместе с женой Ли зарабатывает в месяц 800 рублей.

— Ты, Николай, больше всех в колхозе получаешь, — говорят ему.

— Я в четыре утра встаю, сколько воды натаскаю, сколько тачек навоза вывезу. Поработай у меня три дня...

Ли — в почете. Им подарки дарят на праздники, приглашают выступать, советуются. В 1986 году построили новую свиноферму. У Ли — полная гармония с обществом.

Высокий заработок для него, как мне показалось, — это не одни деньги. Это сознание, что дочери и внучке он может помочь не только советами. И сознание: он в своем деле — на высоте. Независимость. Самоутверждение. Знак того, что жизнь идет по восходящей. А поскольку все это нужно Николаю Юрьевичу, он горд, что в свинарнике у них чище, чем у иных в доме, и хочет нам это показать...

— Черт старый! совсем сдурел! куда повел! вертай, тебе говорю! ему перед начальством себя выставить, а мне чтоб поросята не дошли!

Маленькая женщина бежала к нам, кулаками махала. Догнала. Уже тише, но все еще взволнованно объяснила: она сколько раз замечала, что как посмотрят на

поросят, особенно маленьких, посторонние, так те болеют. В свинарник нас все же пустила, но всем видом показывала: чем скорее уйдем, тем лучше сделаем. В порядке компенсации предложила посмотреть их собственного кабана: «Его не сглазишь — он сам кого хочешь сглазит!»

Зря, конечно, Лидия Николаевна верит в «сглаз». Но что маленьких поросят лучше оберегать от контактов, не показывать их посторонним, тут она права, так и наука велит. Мне в ее ругательной тираде увиделось и другое: трепетное отношение к делу своему, бережение общего большее, чем бережение своего. И потому на ферме у Ли грани между своим и колхозным стираются, и именно в пользу колхозного.

Возле розовых свиноматок мы увидели несколько пестрых поросят. История у них такая. Вычитал Николай Юрьевич, что в условиях Туркмении хороша была бы миргородская порода — она устойчива к здешнему климату. Два года назад подал в правление заявку на хряка, ждал, ждал — не покупают. Тогда он сам его купил, на свои деньги.

Хоть Лидия Николаевна и показывала свою полную независимость — редко где я видела такую супружескую гармонию, как у них с Николаем Юрьевичем. Это у них как бы игра: она ругается, он отшучивается. Жenu свою Николай Юрьевич привез из Сибири, было это в войну. Он лет на десять с лишним старше Лидии Николаевны и, видно, привык относиться к ней как к существу — по молодости лет — шумному и наивному, жизненного опыта не имеющему. Снисходительный Николай Юрьевич и мягок. Наверное, и семейное их счастье способствует успеху в работе, ведь целый день они вместе.

На ферме Ли все преимущества семейного подряда. И никаких его издержек. Потому что не только условия подряда установлены с толком, но и люди выбраны для этого дела подходящие. Потому что Николай Юрьевич не только работник, но и личность. Невозможно представить, чтобы он свинину колхозную продавал тайком, дабы получить лишние рубли. Ему достоинство дороже. Ему бы по себестоимости мяса Украину обогнать — вот тогда он будет счастлив.

Сумел Ли найти себя в семейном подряде. Подряд «нашел» семью Ли, чтобы показать заложенные в нем возможности. Сам по себе семейный подряд человека такого склада, как Николай Юрьевич Ли, не сформирует, а если и сформирует, то только тогда, когда все системы экономического механизма — большие и малые — будут друг к другу пригнаны. А до этого еще далеко. Но, к счастью, такие люди есть, что лишний раз доказывает действительность человеческого фактора. Благодаря таким людям перестройка делает свои первые уверенные шаги. Если творчество, культуру, нравственную устойчивость умножить на экономический способ ведения хозяйства (на тот же семейный подряд), экономика окрепнет и по закону обратной связи будет влиять на формирование личности.

Татьяна БЛАЖНОВА
Туркменская ССР.

ДЕБЮТ В «КРЕСТЬЯНКЕ»

Елена КРЮКОВА

Елена Крюкова — музыкант, окончила Московскую консерваторию, работает концертмейстером в Горьком. Выступает с сольными органическими концертами. И все-таки главное в ее жизни не музыка, а поэзия. Она

пишет много и серьезно. В ее стихах есть редкое качество — ощущение народной жизни во всей сложности и многообразии. Она умеет слышать сразу много голосов, может быть, в этом поэтессе помогает музыка, полифония, с которой она имеет дело. И еще одно не часто встречающееся достоинство отличает стихи Крюковой: она умеет живописать словом.

РЫНОК

Я — ребенок. Ночами мне снится
Елка в точках тигриных зрачков.
Я тащу за собой рукавицы —
Двух привязанных белых щенков.

Я сижу на коленях у мамы,
Как большой золотой самовар!
И гулять направляюсь упрямо
Не во двор, а на зимний базар.

Стружки белые пахнут цветами.
Огурец толстокожий горчит.
Черной лапой звезды хватая,
Над торговками елка торчит.

Льется медленной медью из кринки
Желтый мед на морозе густом.
Чем-то доверху полны корзинки
И прикрыты капустным листом.

Сыплют красные грубые пальцы
На прилавок седой из мешка
Деревянных медведей и зайцев,
Словно ягоды из туюска.

Я мечтаю о зайце дубовом.
Я цветочного меда хочу.
Денег нет. Я серебряным словом
И отчаяньем детским плачу.

Я стою — чуть пониже прилавка.
Словно яблоко, желтый помпон.
Пахнет снегом, рассолом и травкой
От распахнутых шубой времен.

Мать берет меня на руки круто
И несет меж торговых рядов —
От зимы сухорукой и лютой,
От счастливых еловых годов,

Мимо ругани, купли-продажи,
Мимо ларей, прикрытых мешком, —
В жизнь,
где связаны честность и кража
Воедино колючим пучком.

КОСМОНАВТ

Он рванул на себя рычаг.
И увидел в кольчуге звезд
Мать, избу, родимый очаг,
Через речку горбатый мост.

И, к любимой Земле летя
Через огненные дожди,
Зарыдал мужик, как дитя,
Отнимаемое от груди!

По обшивке — огня ручьи!
Пламя хлынуло через край!..
А с Земли кричали: «Живи!
Вовка, только не умирай!»

И когда прожог его пот
До костей, как свинцовый град,
Понял он, что летит — вперед
И уже никогда — назад.

Каспий чашей стоял под ним!
Степь цвела! Разливался Дон!
И последним увидел Крым,
Где с любимой купался он...

ПЛАЦКАРТА

Какая гарь! И рваные кофтенки,
И яблоки, хрустящие во рту...
И слезы неумытого ребенка.
И поезд, рвущий тьму и пустоту.

Идет ко мне, шатаясь, проводница.
На сказочном лице — мазут и грязь!
И я качаюсь. Это как больница...
А кто-то в карты режется, смеясь.

И ложка, будто колокол, в стакане
Звонит по всем похмельным на пиру...
Старуха плачет: внук в Афганистане.
Ей легче, коли слезы на миру.

Ей тело холодит белье сырое.
И зимних звезд цветной колючий звон
Плывет в окно. Я штору приоткрою.
Как сладко спит измученный вагон!

И медный привкус на губах дорожной
Воды, и синь мороза на стекле,
И мысль о смерти, все же невозможной,
Пока в плацкарте мерзнем на Земле.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

Посредине огромного гордого града
Очень холодно мне на широком ветру.
Я на почту пойду. Я теплу буду рада.
Я по памяти номер простой наберу.

Эти серые стены. И окна, как стрелы.
Эти елки мороза на синем стекле —
Как глаза или руки, крыло или тело,
Что одно лишь спасет от беды на земле.

Здесь порядковый номер на каждой
кабине.

Здесь из окон весь день сыплет
снежная соль.

Здесь наплачется мать об отце и о сыне,
В трубку черную выдохнет зимнюю боль.

Боль — обычная консерваторская гамма...
А девчонка в ушайке, как заяц в лесу:
— Мама, только не плачь!..
Я беременна, мама!..
И стекло отражает щеку и слезу.

«Бостон, третья!» — как плетью ударит
под сводом.
И мулатка пойдет, под мехами дрожь,
Посреди января,
среди чужого народа,
Как цыганка в любви — на сверканье
ножа.

Вот в тулупе мужик дышит в мертвую
трубку.
Апельсин, словно глобус горящий,
в руке!
— Ты послушай, родная,
послушай, голубка,
Ты не стой на крыльце, на таком
сквозняке!..

И старуха в шубейке, светла и сурова,
Вдруг заглянет мне в душу до самого дна:
— Ты скажи мне, кой год от рожденья
Христова?..
А ответу — привычно заплачет она.

И пойму я, что люди,
их лица, их боли,
Их немислимых счастлих торжественный
звон —
Как средь волчьего,
вольного,
бьюжного поля
К одинокой звезде
золотой телефон.

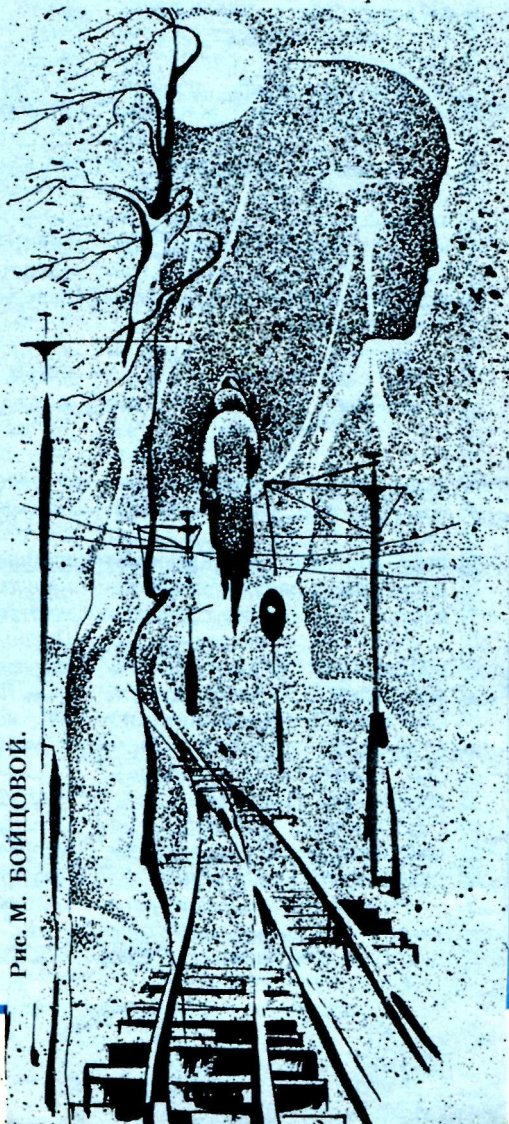

Рис. М. БОЙЦОВОЙ.

Служба Надежды

Конвертов с надписью «Служба надежды» в редакционной почте становится все больше. Но характер писем заметно меняется. В конце прошлого года и в начале нынешнего приходило множество писем, которые иначе, чем «криком о помощи», и не назовешь. Мы старались незамедлительно помочь авторам не только советом, но и делом. Договаривались с руководителями районов и хозяйств, где требуются работники и есть жилье, направляли туда людей, попавших в сложную жизненную ситуацию.

Пока трудно сказать, как сложилась теперь их судьба, но, судя по десяткам писем со словами благодарности «Службе надежды», можно предположить, что во многих случаях помощь оказалась действенной. Однако в почте есть и жалобы — плохо приняли, не устраивает работа, неблагоустроенное жилье. Эти жалобы «Служба», понятно, не оставит без внимания. В районах и хозяйства, где к новоселам отнеслись без должной заботы, выезжают корреспонденты «Крестьянки» и по просьбе журнала, работники партийных комитетов, агропромышленных комитетов, женсоветов.

Заметим, что тон и характер писем стал спокойнее, рассудительнее. Видимо, за перо взялись те читатели, кто привык не топотиться, подумать над открывающимися возможностями, все взвесить, обсудить. И о себе люди пишут обстоятельнее, рассказывают о причинах, побуждающих переехать в деревню, сообщают о профессии, образовании. Доверительная интонация многих писем позволяет думать, что люди искренне поверили в добрые намерения «Службы», надеются на ее помощь, советы, рекомендации.

Познакомим читателей с некоторыми письмами-заявками, письмами-приглашениями.

«Наш колхоз молодой, треть людей — до 30 лет, а всего работающих 700 человек. В колхозе есть две больницы, три

магазина, Дом культуры, сельский клуб, 8-летняя школа, два детсада, столовая. Строится стадион со спортзалом. Хочется, чтобы девушки поняли: нам нужны и рабочие руки, и невесты. Для девчат готово общежитие, можно принять 10 человек, чуть позже — еще 10. Если образуется семья, колхоз обеспечит квартирой. Подробности — в переписке. Адрес: 613474, Кировская область, Немский район, деревня Слудка, секретарю парткома колхоза имени Тельмана ХРАМЦОВОЙ Н. Д.».

«Сообщаю адреса совхозов «Кельчинский» и «Киварский» Воткинского района Удмуртской АССР. Там нужны женские рабочие руки и ведется строительство жилья (12 квартир в 1988 г. и 52 квартиры в 1988—89 годах).

Писать в эти хозяйства можно по адресу: 427425, Удмуртская АССР, Воткинский район, Большекиварский сельсовет (на территории этого сельсовета находятся оба названных выше совхоза). Н. КОРОТКОВ, РАПО Воткинского района».

Строки из письма председателя женсовета Ольги ВЛАСЕНКО (247605, Гомельская область, Хойникский район, деревня Козелушка):

«Мы хотим интересно жить и для этого организовали занятия аэробикой, клуб «Хозяюшка», проводим вечера отдыха, различные конкурсы, концерты. Намерены открыть в деревне филиал музыкальной школы. Есть много и других планов, но не хватает специалистов. Нужны: закройщик, парикмахер, фельдшер, художественный руководитель. Природа у нас красивая, климат мягкий, а люди талантливые. Приехавших сразу обеспечат хорошей квартирой, они у нас есть».

Агропромышленный комитет Пензенской области переслал «Службе надежды» приглашения сразу из четырех совхозов и двух колхозов.

«Колхоз имени XXII съезда КПСС приглашает девушек и молодых женщин. Наш

адрес: 442918, Пензенская область, Тамалинский район, с. Б.Сергеевка.

Колхозу требуются повара, работники дошкольных учреждений, педагоги, бухгалтеры, работники культуры, разнорабочие. Для сведения сообщаем, что в селе Б.Сергеевка работают водителями автомашин и механизаторами неженатые молодые парни.

Имеется Дом культуры, детский сад, восьмилетняя школа, магазин, медпункт, почта, филиал комбината бытового обслуживания. Колхоз расположен в 15 километрах от районного поселка Тамала. Автобусное сообщение до поселка рейсовым и колхозным автобусами два раза в день. Дорога полностью асфальтирована.

Приезжающие будут обеспечены квартирами.

Председатель колхоза СЕРГЕЕВ А. И.».

«Колхоз «Вперед» Тамалинского района Пензенской области расположен в 10 км от районного центра Тамала. На центральной усадьбе есть восьмилетняя школа, Дом культуры, детсад, магазин, медпункт.

В колхозе ведется большое строительство домов усадебного типа общей полезной площадью около 100 кв. метров каждый. Дома оборудованы водяным отоплением и газовыми баллонами. В хозяйстве работает более 200 колхозников, 70 процентов из них в возрасте до 35 лет. Хозяйству требуются доярки, повара, медработники, учителя, швеи, работники культуры, специалисты сельского хозяйства, а также шоферы и механизаторы широкого профиля».

Заместитель председателя Пензенского агропромышленного комитета В. И. ЧУГУНОВ приложил к своему письму в «Службу надежды» краткую характеристику совхозов «Миткирейский», «Пяшинский», «Грачевский» и «Сосновский». Эти хозяйства расположены в хорошей природно-климатической зоне. По территории совхозов «Пяшин-

ский» и «Сосновский» протекает полноводная река Хопер, берега которой одеты вековым лесом. Два других совхоза окружены прудами, богатыми рыбой. Все хозяйства на черноземах, здесь высокие урожаи зерновых культур, овощей, фруктов, картофеля. Руководители совхозов приглашают девушек и молодых женщин для работы в животноводстве, растениеводстве, сфере обслуживания. Сообщают, что имеется благоустроенное жилье, двух- и однокомнатные дома с приусадебными участками.

В справке, подписанной ведущим специалистом по кадрам Е. БАКАНОВЫМ, есть и такая фраза: «В хозяйствах трудится много хороших молодых парней, отслуживших в Советской Армии. Им так нужны невесты!»

Тем, кого заинтересует информация, советуем написать в тот или иной совхоз. Письма можно адресовать в областной агропромышленный комитет: 440600, г. Пенза, ул. Володарского, 49, В. И. ЧУГУНОВУ.

И еще одно письмо — от директора совхоза «Людковский» Мосальского района Калужской области Б. А. ХРЮНИНА:

«Нам требуются доярки, телятницы, механизаторы и другие работники животноводства. Коротко о совхозе. Деревня Людково стоит на автодороге Москва — Брест, 250 км от Москвы, 120 — от Калуги. Места красивые, лесные, много грибов и ягод. Есть средняя школа, Дом культуры, торговый центр, хлебопекарня, столовая, больница. У нас много холостых ребят, так что пусть едут и девушки. Жилплощадью обеспечим. Пишите (наш почтовый индекс 249942), ответим обязательно, а приедете — расходы оплатим».

Вот на этом и закончим. Пользуясь случаем, «Служба надежды» поздравляет читателей с праздником 8 Марта. А пожелание одно: пусть сбываются все ваши надежды и ожидания.

Как часто, сделав в парикмахерской модную, красивую прическу, мы через день-другой не можем узнать ее: старательно уложенные пряди торчат во все стороны, затылок примялся, челка висит... Что делать? Не идти же снова к парикмахеру!

САМА СЕБЕ ПАРИКМАХЕР

Всего-то надо чуть фантазии, несколько бигуди, фен, щипцы для завивки и обязательно терпение: каждая женщина, уверяю вас, может сама стать для себя парикмахером.

Посмотрите на фотографии. Вы видите несколько вариантов одной и той же стрижки. Сделать эти прически вы можете сами, не прибегая к посторонней помощи. Ну, конечно, первый шаг — это все-таки поход в парикмахерскую, где вы должны сделать основную стрижку. У нее несколько сложное название, но вам необходимо его знать, чтобы объяснить мастеру, что именно вы хотите. Итак, на фото 1 — градуированное каре с укороченным затылком, волосы высушены естественным путем. Это очень удобная стрижка: в завивке от того, как вы причешетесь, можно создать впечатление совсем

коротких волос (зачесываем их на шее к центру) или длинных (расчесываем вниз по шее).

Прическа эта подойдет молодым девушкам. Она проста и достаточно эффективна, поэтому хорошо смотрится и в деловой обстановке, и на праздничном вечере или дискотеке. После мытья укладывайте волосы феном в направлении от пробора, и вы всегда будете иметь аккуратную прическу.

Фото 1.

Фото 2.

Фото 3.

Фото 4.

На фото 2 — прическа на основе той же стрижки. Ее можно сделать феном. Волосы после мытья укладываем с помощью различных щеток. От маленького пробора уклон щетки идет

накручивают от лица. Эту же прическу вы можете сделать в «зеркальном» отражении, то есть зачесать волосы налево.

На фото 3 — та же стрижка, но волосы накру-

— Этот подход я посвящаю женщинам.

чены на бигуди (советую использовать только пластмассовые). Красота этой прически — в ее объемности. Поэтому на темной части используем бигуди более крупные, а у висков накручиваем мелкие в направлении от лица. Можете попробовать накрутить их к лицу — тогда передние локоны будут еще пышнее.

На фото 4 — еще один вариант. Здесь вы можете использовать бигуди или щипцы для завивки. Накручиваем пряди только от лица. Феном зачесываем все волосы назад и покрываем лаком. Кстати говоря, лаком покрывают любую прическу, если она предназначена для торжественного случая.

Эти прически вы сами можете несколько изменить, добавив какое-нибудь украшение, например, различные заколки, банты и т. д.

И. ВОРОБЬЕВА, художник-модельер по прическам.

ПРОВЕРЬ СЕБЯ!

По каким только признакам не пытаемся мы — и в шутку, и всерьез — определить, какие мы на самом деле! К примеру, польский журнал «Пшья-чулка» («Подружка») считает возможным угадать характер женщины по... форме ее ногтей! Нет, мы ни в коей мере не утверждаем, что закономерно, установленные нашими польскими коллегами,

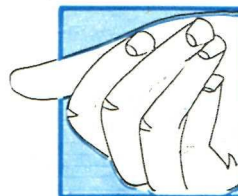
так уж бесспорны, но попробуйте все-таки проверить, вдруг шутливый тест в чем-то и подтвердится. Итак, у вас ногти...

...ТРАПЕЦИЕВИДНЫЕ

Вы довольно лестного мнения о себе, уверены в своих силах, исполнены чувства собственного достоинства. Если не все разделяют это мнение — реагируете бурно, замыкаетесь «в гордом одиноче-

стве», начинаете сторониться людей.

Вы впечатлительны, склонны к изящным искусствам, особенно к музыке и поэзии, подвижны, энергичны, умеете поддер-

жать любую беседу, всегда в курсе всех событий. Только самомнение мешает вам найти полную гармонию с собой и с окружающими.

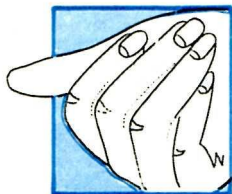
...ПРЯМОУГОЛЬНЫЕ

Вы превосходный исполнитель во всех сферах деятельности!

Каждый предмет, явление, незнакомое вам, стремитесь исследовать доско-

Красота и здоровье

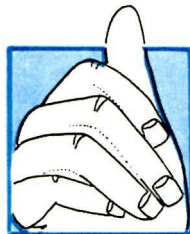
нально, отличаетесь неуемной энергией, относитесь к жизни с оптимизмом. Любите сенсации и склонны верить им. Обладаете замечательным качеством: не «заикливаются» на неудачах,

умеете относиться к ним философски и, напротив, радоваться каждой счастливой минуте, хотя выпадает их на вашу долю, увы, не так уж и много.

...КВАДРАТНЫЕ

Вы на редкость уравновешенный человек, умеете

сохранять спокойствие даже в самых неблагоприятных ситуациях. Можно позавидовать вашему душевному здоровью. Вы никогда не оглядываетесь на то, что осталось позади, не сожалеете о минувшем, ваш взгляд устремлен только вперед, спокоен и немного насмешлив.

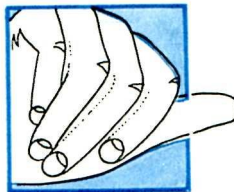
Вы предпочитаете такую деятельность, которой можете заниматься независимо от других.

Умело сохраняете нежность и привязанность мужа, близкие считаются с вашими замечаниями,

в трудную минуту обращаются к вам в надежде, что, руководствуясь присущим вам здравым смыслом, вы дадите дельный совет.

...КРУГЛЫЕ

Вы легко возбудимы, ранимы, любите предаваться несбыточным мечтам, не в состоянии смириться с несправедливостью, пусть она вас и не касается, несправимо сенти-

ментальны, не всегда объективны в оценках.

К сожалению, вы не владеете искусством «подать себя» и часто предстаете в менее выгодном свете, чем могли бы. Нередко обнаруживаете свою слабость, не всегда умеете достойно выйти из положения, можете подолгу му-

— Это у вас можно проконсультироваться, что подарить жене на 8 Марта?

читьсь неясным чувством вины перед родными, друзьями.

Но, несмотря на все эти особенности вашего душевного склада, вы способны составить подлинное счастье человека, который сумеет оценить вашу добрую, чистую душу.

Перевела с польского Т. КАЛИНИНА.

ШКОЛА ДЛЯ МАМЫ

«ПУСТЬ РАСТЕТ КРАСИВЫМ...» —

...думает иная мама, туго запеленывая ноги малыша, вытягивая их, укладывая поровнее. И ошибается! Чем больше свободы движений у ребенка, тем лучше идет его физическое развитие. Оставьте малыша в естественной для его возраста позе: ножки согнуты в коленках, лежат свободно. Проложите между ними сложенную в несколько слоев байковую пеленку, закрепите ее подгузником, а затем свободно пеленайте в тонкую и байковую пеленки. Такое «широкое» пеленание рекомендуют врачи-ортопеды.

От чего могут искривиться ножки малыша? В основном от рахита. Необходимо предупредить это заболе-

вание, ослабляющее ребенка, ведущее к затяжным простудам, делающее его кожу бледной, а тельце вялым, рыхлым. Если вы кормите ребенка грудью, риск рахита уже меньше. Если же он у вас «искусственник», особо тщательно соблюдайте все рекомендации врачей-педиатров.

Необходимо каждый день гулять с малышом, на втором-третьем месяце жизни можно укладывать его спать на воздухе часа на полтора по 2—3 раза в день (когда нет ветра и температура не ниже 15° мороза). Солнце — враг рахита! Но мартовское солнышко может вызвать на нежной коже ожоги, поэтому поставьте малыша под прямые солнечные лучи лишь на 5—7 минут, а потом отодвиньте коляску в тень.

Обратите внимание и на форму головки малыша. Кости черепа в первые ме-

сяцы жизни у него еще мягкие, и если он все время лежит, допустим, на спине, затылок может стать плоским, если на одном боку — головка с этой стороны как бы скашивается. Почаще меняйте положение ребенка в кроватке!

Вам хочется, чтобы волосы у ребенка были густыми. Пока у него на головке только легкий пушок, но посмотрите, не вытерся ли он на затылке. Такое облысение наряду с повышенной потливостью и пугливостью, когда малыш вздрагивает от резкого звука, — первые признаки рахита. Скорее к врачу. Обычно он назначает в таких случаях витамин Д. Эти капли нужно отмерять очень аккуратно, не меньше, чем назначено, но и не больше — это опасно.

Забот с малышом много, но постарайтесь не забывать и о себе: зарядка утром, душ или обтирание, хорошо уложенные чи-

стые волосы, свежая блуза или халат — это важно не только для вашего настроения, но и для ребенка: пусть он с колыбели чувствует, что мама красивая и веселая!

Е. БАЙБАРИНА, кандидат медицинских наук.

Шелк, Вязан, Вышивалки

Эта вещь пока еще не имеет точного названия, но, поверьте, весной и летом ее будут носить едва ли не все наши женщины.

ткань с графическим черно-белым рисунком, она будет отлично смотреться с однотонными вещами, черными, белыми, серыми юбками и т. п. Или, наоборот, можно шить жакет однотонный, в гамме вашего любимого цвета — тогда с ним будут гармонировать платья из набивной ткани, цветные блузы, выдержанные в той же гамме.

Еще одно достоинство новинки сезона: такой жакет хорош в любое время года. Осенью и зимой, сшитый из тонкой шерсти, лег-

кого джерси, трикотажа, он составит ансамбль со свитером и теплой юбкой, брюками; весной и летом — из ацетатного шелка, крепдешина, блузочной ткани — будет прекрасно смотреться, если надеть его поверх легкого платья, сафрана.

— У нас тут продажа, а модное и красивое можете посмотреть в Доме моделей.

ВНИМАНИЕ: МОДЕЛЬ СЕЗОНА!

На Всесоюзном фестивале «Мода-87», проходившем недавно в Москве, она вызвала всеобщее внимание и одобрение: идет всем, годится для любого возраста и комплекции, удобна, проста в исполнении... Речь идет о распашном легком полупальто или длинном легком жакете без подкладки и без застежки. Рукав втачной, три четверти, на манжете, его украшают встречные складки по окату и над манжетой. Боковые швы заканчиваются разрезами. Обязательная деталь — подплечики.

Шьют жакет из любой легкой эластичной ткани, однотонной или набивной. По талии его можно «подхватить» широким кушаком (см. рис.).

Наденьте такой жакет поверх платья, юбки с блузкой, и ваш наряд сразу будет выглядеть современно, модно. Он скрадывает дефекты полных фигур и выгодно подчеркивает достоинства стройных. Важно только умело подобрать ткань, чтобы можно было носить вещь с уже имеющимися у вас предметами одежды. В этом смысле удобно использовать

Предлагаемые выкройки рассчитаны на размер 58 рост III (припуски на швы не учтены). Расход ткани: 3 м 70 см при ширине 1 м; 3 м — при ширине 1 м 40 см.

Работаем в такой последовательности:

- * Раскрой детали, стачиваем вытачки на полочках (нагрудные) и на спинке (плечевые).
- * Обрабатываем рукава: заметываем складки по окату и низку, сшиваем и притачиваем манжеты. Декорируем манжеты строчкой.
- * Стачиваем спинку и полочки по плечевым швам, сшиваем боковые швы до разрезов.
- * Разрезы и низки обрабатываем в подгиб, облачиваем росток на спинке, отлеты полочек подбиваем подбортами. По всем краям изделия пропускаем декоративную строчку.
- * Вшиваем рукава в проймы, срезы оката и проймы изнутри заворачиваем в сторону от рукава и закрепляем декоративной строчкой, которая проходит по полочкам и спинке, чтобы получилась округлая линия плеча.
- * Подшиваем подплечики.

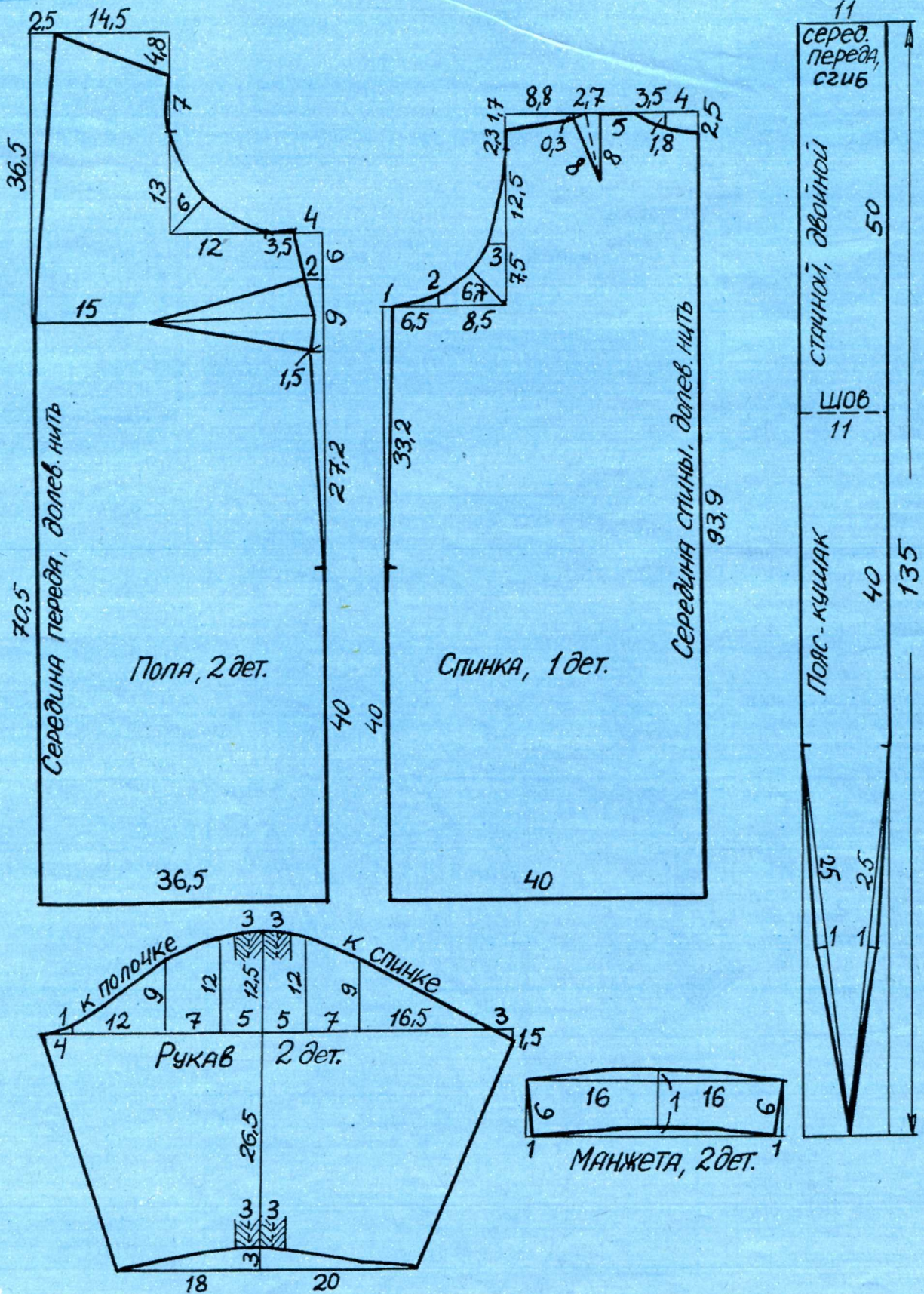
шубы, вязаные вожжами

* Края кушака обрабатываем.

Примерили? Если понравилось, можно сшить такие жакеты и в весенне-летнем, и в зимнем вариан-

те, они будут смотреться по-разному.

С. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ
Чертежи и рисунки автора.

ПОЧЕМУ ЗАБЫТЫ ГРИВНЫ?

Серьги и гривны (украшения на шею) были некогда очень популярны в русском национальном костюме. Серьги мы носим и сегодня, а вот гривны долгое время были незаслуженно забыты. Теперь их снова носят: сохраняя традиционную форму украшения, современная мода предлагает для него легкие и доступные мате-

риалы — пластмассу, керамику, кожу...

Посмотрите, пожалуйста, на снимок: нравится вам такой комплект? Тогда за дело. Достаем обрезки кожи; чем она тоньше, тем лучше. Подойдет спорок старых перчаток, варежек. Если есть возможность выбора, возьмите кожу цвета, который гармонирует с тоном ваших волос, глаз. Кроме того, понадобится картон, поролон, клей «Момент» и еще кое-какие мелочи, которые мы уточним по ходу работы.

Прежде всего вырезаем из обычной бумаги шаблон будущего украшения в натуральную величину. Формы и размеры можно выбрать по предлагаемой нами схеме, а можно придумать самим.

Вырезали? Примерьте к себе, убедитесь, что не ошиблись в выборе формы, величины. Все в порядке? Тогда по бумажным «выкройкам» вырежем формы из картона, они станут жестким каркасом будущих украшений.

Если картон очень тонкий, сложите его в несколько слоев.

На одну сторону (она будет лицевой) наклейте поролон или другую мягкую прокладку; чем более выуклую поверхность вы хотите получить, тем толще должен быть слой прокладки.

Приступаем к оклеиванию лицевой стороны украшения кожей. Не забудьте, что кожаная заготовка должна иметь припуски по отношению к картонной форме в 5—7 мм; чем толще кожа, тем больше должны быть припуски.

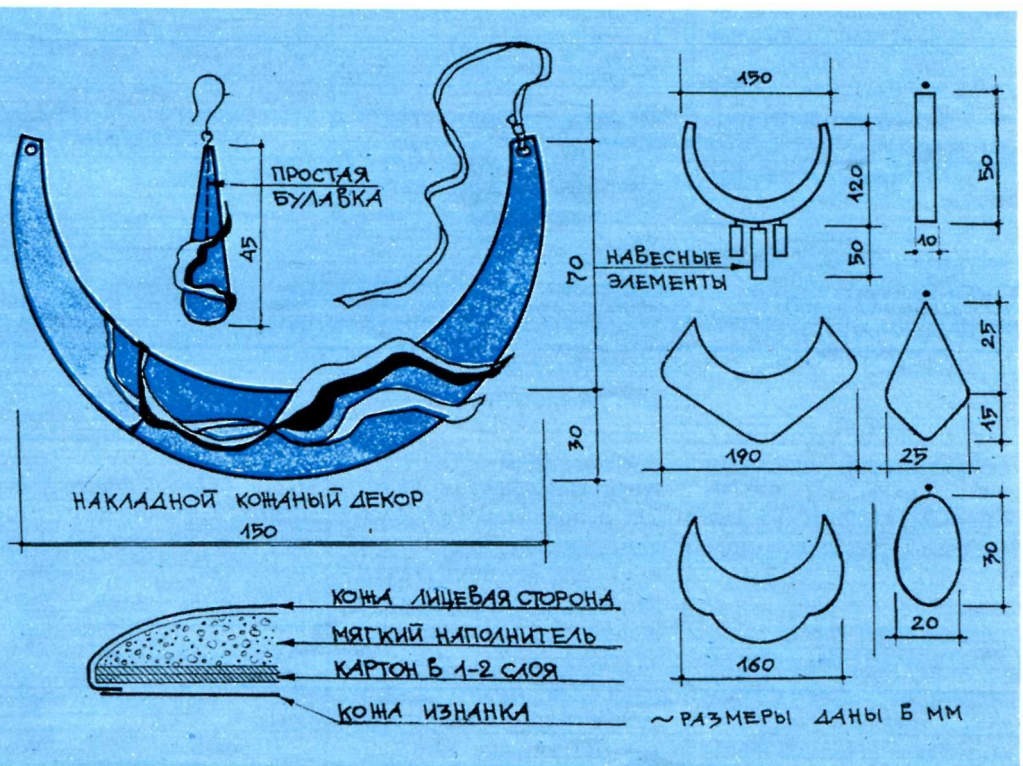
Нижнюю сторону картонной формы, а также края изнанки кожаной заготовки шириной не более 1 см смазываем тонким слоем клея, даем подсохнуть 5—8 минут, накладываем на кожу с изнанки подклеенный к картону поролон

шам, важем, вышиваем

Осталось заклеить кусочком кожи обратную сторону украшения.

Основа есть, теперь дело за фантазией. Эффектно смотрится на коже вышивка шелком, только дело это очень сложное. Проще пришить к кожаной заготовке заранее несколько мелких бусин или бисер. Можно также заранее отстрочить кожаную заготовку на машинке — «нарисовать» строчкой мелкий рельеф. А можно на уже готовом украшении выполнить аппликацию из кожи других цветов в виде листьев, цветов, геометрического рисунка: их вырезают из самых мелких обрезков и наклеивают, предварительно зашкурив

Дужки для сережек лучше взять от старых, прикрепляем их просто булавкой. А гривну прокалываем на концах штопальной иглой, и вставляем

и, слегка растягивая кожу, начинаем загибать на картон ее края, прижимая пальцами места склейки. Если в углах набегают морщинки, срежьте их аккуратно маленькими ножницами.

участки, на которых будет аппликация, мелкой наждачной бумагой.

Готовые серьги, гривны слегка смазываем цветным кремом для обуви и осторожно полируем мягкой бархоткой.

в отверстия тонкий кожаный или шелковый шнурок.

М. ИГНАШЕВА,
М. УТКИНА,
дизайнеры по костюму.
Чертежи авторов.

шьем, вяжем, вышиваем

А ВАМ ИДЕТ БЕРЕТ?

Впрочем, вопрос излишний: берет идет всем! И вполне естественно, что вот уже несколько лет он в большой моде. Этой весной вы будете выглядеть очень современно в вязаном берете, особенно если дополнить его шарфом из такой же пряжи.

Ниток потребуется совсем немного — всего 150

граммов, но они должны быть тонкими и пушистыми. Вязать будем крючком. Узор берета и шарфа состоит из двух рядов: ряда вытянутых петель и ряда столбиков без накида.

Для БЕРЕТА свяжите цепочку из восьми воздушных петель и сомкните ее в кольцо. Теперь, вводя крючок в кольцо, провяжите столбик без накида и петлю, оставшуюся на крючке, вытяните на высоту 1—1,5 см, прижимая ее к крючку указательным пальцем правой руки. Таким же образом провяжите еще 19 вытянутых петель (чтобы вязать было удобнее, можно время от времени снимать петли с крючка, оставляя лишь последнюю, и продолжать работу).

Во втором ряду, не поворачивая работу, свяжите столбики без накида, вводя крючок под воздушные петли (по столбику без накида под каждую петлю). Последний столбик сомкните с первым.

Третий ряд вяжите вытянутыми петлями, по две петли под каждый столбик без накида. В пятом и дальше во всех нечетных рядах делайте прибавки реже, так, чтобы связанный круг ровно лежал на столе.

Четные ряды вяжите, как второй, столбиками без накида.

Продолжайте работу, пока не вывяжете круг диаметром 32 см. Теперь начинаем делать сокращения: в четных рядах провязываем столбик без накида под 2 воздушные петли сразу через каждые 10—12 столбиков. Провязав так 6 см, начинаем ободок шириной 2,5—3 см. Для ободка нитку складываем вдвое и вяжем столбики без накида, делая убавления соответственно размеру головы.

ШАРФИК вяжут так же. Если вы работаете непушистой пряжей, то лучше вязать такой комплект более плотным узором, например, рогатками из столбиков с накидом. Ниток тогда потребуется больше — 250 граммов.

И. АЛЕКСАНДРОВА

ВЫ СПРАШИВАЛИ...

...где купить выкройки одежды для всех членов семьи?

Пожалуйста, обратитесь в магазин № 153 Москниги по адресу: 125422, Москва, улица Костякова, дом 9. По вашим заказам магазин вышлет наложенным платежом (в порядке очередности) комплект альбомов моделей одежды с чертежами края для женщин разных возрастов. Здесь вы найдете выкройки нарядных платьев, ансамблей, блузок, юбок, брюк, пальто, пальтьев-пальто, жакетов. Цена комплекта — 6 рублей 50 копеек.

Еще один комплект содержит чертежи края моделей одежды для детей от 3 до 16 лет: пальто, куртки, полудюймовые, плащи, рубашки, блузы, брюки для девочек и мальчиков. Цена этого комплекта — 3 рубля 50 копеек.

Костюмы для спортивных занятий вы сможете сшить с помощью альбомов «Мода и спорт», выпускаемых Домом моделей спортивной одежды. Цена альбомов — 2 рубля и 2 рубля 70 копеек.

ШАПОЧКА- «НАУШНИКИ»

«В зарубежных фильмах часто видим эти оригинальные головные уборы, а почему же наша промышленность их не выпускает?» — нередко спрашивают юные читательницы в своих письмах. Да, видимо, потому, что в условиях суровой русской зимы такие шапочки не защитят от простуды, не согреют. Но на месяцы ранней весны совсем нетрудно самим сшить себе «наушники».

Вырежьте из кусочков меха 2 круга диаметром 10 см и еще 2 круга (для подкладки) такого же раз-

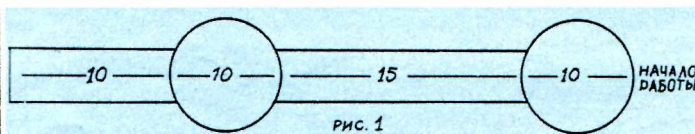

рис. 1

мера из байки или шерстяного трикотажа. Сшейте мех с подкладкой, в середине можно проложить круг из плотной ткани, чтобы лучше сохранялась форма. Теперь прикрепите «наушники» к концам обруча для прически так, чтобы они приходились как раз на уши, обруч обшейте таким же мехом или тканью в цвет меха. Готово!

Можно сделать вязаные «наушники». Для этого понадобятся спицы №№ 2,5 и 3,5, шерстяных ниток — 50 г.

Набираем на спицы № 3,5 тридцать петель

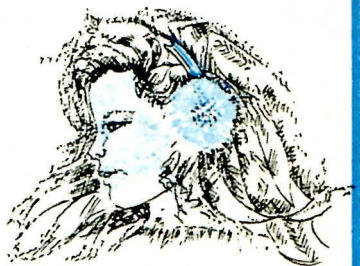
и вяжем 10 см резинкой 1 × 2: первый ряд — 1 лицевая, 2 изнаночных, второй ряд — 2 лицевых, 1 изнаночная.

Провязав 10 см, вывязываем в лицевом ряду 2 изнаночные петли вместе, то есть убавляем по всему ряду 9 петель.

Переходим на спицы № 2,5 и вяжем 15 см двойной резинкой. Первый ряд: 1 лицевая, 1 изнаночная; второй ряд и все последующие: провязываем лицевые петли лицом, изнаночные снимаем на нить перед спицей.

Провязав 15 см двойной резинкой, прибавляем по

всему ряду 9 петель (через каждые две петли делаем воздушную петлю). Пере-

ходим на спицы № 3,5. Вяжем 10 см резинкой 1 × 2, далее спицами № 2,5 еще 10 см двойной резинкой (см. рис.). Конец резинки сшиваем со вторым «наушником». Такую вязаную «шапочку» надевают как вязанный обруч: под волосы.

М. МИХАЙЛОВА

СЛОВО — МУЖЧИНАМ

Раннее мартовское утро, 8-е число. Мы, мужчины, уже при полном параде, ждем, когда наступит наконец момент поздравить любимую — жену, мать, невесту... Нежные слова, сердечные пожелания и, конечно, подарок — ну как же без подарка в этом случае? Никак нельзя! Мы позаботились об этом заранее.

Так что у вас там в этом маленьком свертке, перевязанном ленточкой, или не в свертке, а просто в газете? Мечтала ли Она о таком подарке, доставит ли он ей удовольствие? Ведь подарок — это, в сущности говоря, то, что принесет любимой радость. Помним ли мы об этом, покупая порой наспех, в последний день какой-нибудь сувенир, лишь бы было что поднести женщине в ее праздник?

Правда, мы бодро оправдываемся тем, что купить нужную вещь, особенно перед праздником, нелегко. Но, во-первых, это можно сделать значительно раньше. И во-вторых: если уж так случилось, что задуманного подарка нет, можно ведь показать любимой свое внимание, порадовать ее тысячью других способов! О некоторых мы и поговорим сегодня.

КАКОЙ ГАЛСТУК ЛУЧШЕ

Задумываемся ли мы, что праздничное настроение в день 8 Марта во многом зависит от нас, мужчин? В каком виде пришли мы утром поздравить наших дорогих женщин? Неужели в мятой домашней «ковбойке», в шлепанцах, даже не побрившись?..

Нет, давайте-ка встанем в этот день пораньше, пока наши женщины еще спят, приведем себя в порядок, наденем свежую рубашку и обязательно

галстук, даже если обычно не носим его, — именно галстук придаст поздравлению особенную торжественность.

Вы затрудняетесь в выборе галстука? Этому можно помочь. Вот что советует нам технолог Московской галстучной фабрики Мария Георгиевна СИМОНОВА:

— Сейчас в моде галстук классического стиля: шириной 7—8 сантиметров, однотонный или с чередующимися полосами в гамме от серого к темному или от бежевого к коричневому цвету. Красиво смотрятся такие галстуки

с ярким цветowym пятном где-то ближе к широкому концу.

К празднику можно выбрать и более нарядный галстук: с геометрическим рисунком в виде прямых линий, квадратов, ромбов или с мелким растительным рисунком. Юношам хочу порекомендовать галстуки под кожу или кожанные, однотонные: черные или белые, поуже, чем обычные (4—5 сантиметров). Можно прикрепить галстук к полочке сорочки блестящей булавкой или зажимом в виде кружочка, точки.

Готово? Вот теперь можно поздравлять виновницу праздника!

вы их ждете, тоже все готово.

Однако и на вашу долю кое-какие хлопоты доставнутся. К примеру, сервировка стола. Чтобы не обращаться ежеминутно с вопросами, где что хранится и что куда ставить, несколько советов.

Когда раздвинете обеденный стол, накройте его клеенкой, тогда скатерть будет лежать ровнее, горячие блюда не оставят следа на полировке.

Скатерть можно положить белую накрахмаленную или пеструю, цветную. В центре не забудьте поставить солонку с ложечкой для соли, судочки с перцем, горчицей.

домоводство

В «КРАСНЫЙ УГОЛ»

«Дорогая, сегодня я все по дому буду делать сама, сядь, пожалуйста, в «красный угол» и только руководи!» — скажете вы жене с утра. Не бойтесь произнести эти слова: ведь дом, как нам известно, уже убран, обед приготовлен, и к приходу гостей, если

— Мой-то сегодня — рыцарь!

Расставьте мелкие тарелки по числу гостей, на них поставьте закусочные тарелочки. Справа от каждой тарелки положите нож отточенной стороной лезвия к тарелке, слева — вилку зубцами вверх. Салфетки из ткани в тон скатерти можно разложить на маленькие тарелочки, сложив квадратом или треугольником, или справа от них. Если вы решили предложить гостям бумажные салфетки, поместите их в бокал или узкую вазочку.

Проверьте, есть ли на каждом блюде с закуской, с горячим специальная ложка, вилка, лопаточка.

Перед тем как подавать сладкое или чай, уберите со стола всю использованную посуду, приборы, блюда с закусками, сметите крошки и поставьте в центре стола торт, пирожки, конфеты, вазочки с вареньем, сахарницу. К каждому чайному прибору (чашка с блюдцем и ложечкой и маленькая тарелочка для сладкого) не забудьте поставить розетку для варенья.

...Когда вечер закончится и гости уйдут, уберите и эту посуду, скатерть стряхните, стол сложите, поставьте его на обычное место.

Наградой за труды будет горячая благодарность жены и похвалы гостей.

Пожалуйста на кухню, дорогие наши мужчины, сегодня ваша очередь накрывать праздничный стол, готовить вкусные блюда.

НАДЕНЬТЕ ФАРТУКИ, МУЖЬЯ!

СОВЕТЫ МАРИИ ИВАНОВНЫ

Приготовим что-нибудь оригинальное, но не сложное, чтобы скорее управиться. Что вы скажете, например, о горячих бутербродах — они называются ТАРТИНКИ?

Пшеничный или ржаной хлеб нарезаем ломтиками толщиной около сантиметра и обжариваем в масле с обеих сторон. Затем намазываем горячий бутерброд (уже только с одной стороны) сливочным маслом и кладем на него различные подготовленные продукты, какие есть под рукой, как бы открытую начинку. Тут уже дело за фантазией! К примеру, начинку из мелко рубленых крутых яиц, а сверху — дольки маринованного помидора, огурца, вареной свеклы. Или тонкий ломтик сыра, а сверху — тертый сыр, перемешанный с мелко рубленым чесноком и чуточкой масла для связки. Попробуйте положить на горячий бутерброд мясной или рыбный паштет, затем ложку майонеза или томатной пасты; рыбный паштет вы легко приготовите самым простым способом: купите в магазине банку любых рыбных консервов типа сардин, удалите кости, а мякоть разомните вилкой вместе с соусом из банки. Подойдут и консервы в томате, тогда и томат-паста не потребуется.

Перед подачей на стол тартинки по-

сыпают тертым сыром и запекают в духовке, подают горячими.

А вот задача потруднее, но тоже вполне по силам и умению нашим мужчинам. И, главное, дает еще больший простор их фантазии: корзиночки для салата, или ТАРТА.ЛЕТКИ.

Сделаем слоеное тесто быстрого приготовления: просеем на доску 500 г муки, мелко изрубим ее с 300 г масла или маргарина, сделаем в массе углубление и вольем в него неполный граненый стакан воды с половиной чайной ложки соли, чайной ложкой уксуса и одно сырое яйцо. Замесим тесто, скатаем его в шар и, накрыв салфеткой, поставим на час в прохладное место.

Тем временем подготовим маленькие металлические формочки в виде корзиночек — надеюсь, что вы успели ими запастись, они продаются в хозяйственных магазинах. Тщательно вымыв каждую, смажем их внутри маслом или маргарином. Тесто тонко раскатаем и вырежем кружочки

несколько большего размера, чем диаметр формочки. Наложим кружок на форму и обомнем по ее краям, обровняем сверху, насыпем на корзиночку из теста горсть сухого гороха, чтобы выпечка сохранила форму. Запекаем на противне или сковороде.

Готовые корзиночки вынимаем из формочек, высыпаем горох, охлаждаем и наполняем любым салатом или другими продуктами. Для таких корзиночек

— А это тебе передники на весь день!

праздник? Пожалуй, приготовим ХВОРОСТ, раз уж мы решили подать сегодня оригинальные блюда.

Есть несколько способов приготовления этого вкусного лакомства; вот, пожалуй, один из самых простых.

Разбить два яйца, добавить столовую ложку молока, столько же сахарного песка, щепотку соли и стакан (тонкий) муки. Замесить тесто, раскатать в жгутик, разрезать его на кусочки (из этой порции должно получиться 23—25). Каждому кусочку придать вид плоской лепешки, прорезать в нескольких местах ножом в одном направлении, вывернуть. Или нарезать пласт теста широкими полосками (по 10—12 сантиметров), каждую разрезать поперек на несколько мелких полосок, сделать в них один-два продольных надреза и свернуть бантиком.

Жарят хворост в раскаленном масле, все время следя, чтобы оно не горело. Готовые печенья вынимают шумовкой, откидывают на сито, охлаждают и посыпают сахарной пудрой. Перед тем как подать к столу, складывают аккуратно горкой на блюдо. Только не ставьте хворост на подоконник, в другое место, где прохладно и воздух сыроват: он перестанет хрустеть.

Спасибо мужчинам за помощь! Приятного всем аппетита!

Ваша
МАРИЯ ИВАНОВНА

В оформлении «Хозяюшки» принимали участие художники С. Богачев, В. Владов, Е. Новикова.

ПРОСТО ЖЕНА?

(Окончание. Начало на стр. 2.)

он не услышит, и говорить их незачем.

Через полгода они поженились. Свадьбу устраивать не стали. Мама Надежды сокрушалась:

— Всех-то я женила, всем приданое справила, а тебе словно и не надо ничего...

— Мама,— сказала Надежда,— чего мне желать, я за ним, как за каменной стеной.

Надежда Ивановна, что такое любовь?

Это когда все мужья пришли с работы, все дети своих отцов увидели, все семьи отужинали, новости переговорили и, примиренные, в короткий и счастливый час отдыха вместе сидят, а твоего нет. Это когда ждешь, ждешь его, и свекровь Полина Андреевна, кажется, слишком уж в себя ушла, и Андрей с Мишкой слишком расшумелись, и щенок (величиной с варежку) не пьет молока из соски, и все не так, все неладно. Это когда собственные страхи о его директорском чине, о том, как жить станет с ответственным человеком, давно смешны, потому что как же с ним жить, когда опять его где-то носит?

А потом дверь в сенях брякнет, вылетишь с хорошей вестью, что его новый охотничий щенок на поправку пошел, и замрешь на полуслове. Муж молча войдет, молча за стол сядет и вдруг, не поев, не попив, выскочит во двор, к своим пчелам. А ты молчишь, хоть тревога мучает, что там могло стрястись. Все возможные беды и напасти переберешь, уж мочи молчать нету. И в этот момент словно кто-то шепнет Надежде Ивановне: потерпи.

И увидит: отходит он, ест уже, на детей смотрит, теплеет. И вдруг:

— Ну, скажи, Надя, как так можно, на утренней

дойке ни главного зоотехника, ни бригадира!

— А чего ты распяляешь себя,— осторожно скажет Надежда Ивановна.— Пригласи, поговори.

Александр Васильевич машет рукой:

— А я не говорил? Что такое! Тракторист в поле выедет — видимость одну создает, а работы нет!

— Да как же так, Саша? Разве на тракторе можно видимость создать?

— Еще как можно,— усмехается муж.

...Легко жить с человеком, которого от показухи трясет? От чиновничьей дурости трясет? От нерадивости? Да ведь многих трясет, но терпят, перемогаются, сила солому ломит...

Александр Васильевич Филатов не из соломы. От невданных и ненужных совхозу директив, спущенных сверху, не ломался. Гнул, спорил и не только дома, жене, любому начальству упорно твердил:

— Я же здесь, на земле, я крестьянин прирожденный, неужели я хуже свою землю знаю?

Филатова звали на повышение, сначала в районный Великий Устюг, потом в областную Вологду. Грозилась снять за неуступчивость. А он:

— Хоть всего меня лишите, не пропаду!

И не лишали Филатова, награждали — орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени. Терпели резкость, несговорчивый характер, а может, и завидовали такому нраву.

Но нрав и подводил его порой. Как-то зашла Надежда Ивановна за мужем в контору, услышала разговор. Старый кузнец просил директора выписать меду.

— Меду, меду! — вспылil вдруг директор.— Всем чего-то нужно, а что

уборка не идет, вам все равно...

Дома опомнился:

— Зачем я Георгия оскорбил, а, Надя?

— А ты извинись, сними камень с души...

Простой совет, но высказанный с любовью — и упрямства, раздражения, усталой досады как не бывало.

Так что же такое любовь?

Никогда не считала она себя чем-то большим, чем просто жена, чье дело отвести мрачные мысли, поддержать доброе настроение, не отчаиваться из-за мелочей. А дома дымила печка, сыпалась краска с потолка, с тихим шелестом отставали от стен обои. И жалко бывало себя, потому что тоже ведь не в зеркало гляделась: заочно окончила пединститут, работала учителем биологии в Красавинской школе, потом учителем и завучем в Васильевской, растила двоих сыновей, полный двор скотины держала, и так хотелось иногда расплакаться: «Я мужнина жена или нет?»

Муж, встававший в пять утра, и ребят в эту рань поднимал, заставлял в нетопленной еще комнате руками-ногами махать. Надежда Ивановна вздыхала:

— Что ж ты детей казнишь? Ночь на дворе!

— Пусть. — говорил он.— Пригодится.

Однажды не выдержала:

— У тебя к ним только спрос: гири поднимать, дрова рубить, ну, еще на охоту возьмешь. А сколько Мишка с Андреем тебя видят?..

Александр Васильевич почему-то не обиделся, не взорвался, наоборот, сказал мягко:

— Ну, не могу я по-другому работать. Но ведь я для них, Надя, работаю.

Позже окончательно поняла Надежда Ивановна мужнину правоту. Это когда у взрослых ее сыно-

вей в избранном ими деле явилось отцовское терпение, отцовская твердость и четкое знание, что делать. Непривычный к просьбам отец умолял сыновей пойти по его пути. Но Андрей, хоть и мягкий по характеру, с отцовской непреклонностью поступил по-своему — уехал учиться на биолога. Миша ушел в армию с медицинского факультета. «Почему медицинский? — спрашивались сначала мать и отец. — Ну почему, ведь в роду ни одного медика нет!» Но так он решил, обещает с дипломом вернуться. И мать знает: сказал, значит, вернется.

...Сегодня так. А жизнь — это годы, недели, часы. Когда росли они и Миша сыпал слезы в углу горохом, не желая садиться за пианино, а Андрей пропадал в своем любимом лесу, так сильно бывало ей одиноко... Никогда она не тщеславилась, что жена директора. Даже крохи его власти, которой пробовали Надежду Ивановну надевать, к ней не приставали. Просили:

— Сказала бы мужу, чтоб кирпичей выписал. Сама видишь, ремонтировать надо.

Надежда Ивановна видела, но просьбы мягко отклоняла, не ее это дело — распоряжаться совхозным добром, быть судьей в спорах, нашептывать мужу на ухо свое мнение. Попросить она могла его самого, а не должность, которую он занимал. Заступилась за женщину, мать двоих детей, второй год лежащую в больнице в Вологде, брошенную в болезни мужем:

— Дрова им, конечно, и так отвезут. Но ты выкрой время, съезди к мальчишкам, ободри.

Александр Васильевич согласился легко, безошибочно чувствуя правоту жены. А о другом она и не просила.

Давно уж они со свекровью привыкли, что Саша

не станет стараться для убранства дома, вся его страсть уходит на совхоз и каким-то неведомым путем переливается в надои, в урожаи. Надежда Ивановна знала цену этих чудес, видела: муж живет в неутоленной тревоге, а тепло и уют домашний не спасают, не успевают спасти от гонки, которую он сам себе задал. Сердце подсказывало: не миновать беды. Но что она могла сделать?

Раз набрала номер телефона первого секретаря райкома.

— Отправьте моего мужа на курорт! — выпалила и испугалась.

А секретарь отнесся к просьбе сочувственно, обещал молчать как рыба... Муж сильно удивлялся: какой курорт? Но поехал, и курорт этот немного отодвинул беду.

...На фотографиях разных лет Александр Васильевич Филатов выглядит как в тот день, когда примчался поглядеть в Полутово на своего нового, нечаянно-негаданно свалившегося на голову специалиста, девчонку с золотыми локонами. Студенческий, даже какой-то мальчишеский облик мужа сначала радовал Надежду Ивановну, потом стал немного пугать. Она на десять лет младше, а вот уже появилась ниточка седины в волосах... На уроках в старших классах удивленно вздрагивала, услышав щелчок фотоаппарата, мгновенно скользнувшего под парту. Ученики считали ее еще красивой, снимали на память, а она по-женски вела счет летящим годам и про себя не обольщалась. Это мужу, казалось, сноса не будет...

Здоровье Александра Васильевича рухнуло в один день. Поехали к Надежде Ивановне на родину, в Воронежскую область, повидаться с приболевшим отцом. Там оказавшийся не у дел директор побродил у пруда, полюбовался закатом и

слег. Надежда Ивановна еле довезла мужа до дома. Он не мог ни пить, ни есть, ни ходить, дышал с трудом. Все эти немощи врач объяснил не слишком научным термином — «махровый невроз». Александра Васильевича положили в больницу в Вологду, обещали хороший уход. Надежда Ивановна бросилась к свекрови:

— Не могу, он там один. Вы же его знаете, сробеет у чужих стакан воды попросить, умрет там без меня!

Полина Андреевна осталась с детьми и со всем хозяйством, а Надежда Ивановна, взяв отпуск за свой счет, сидела у постели мужа. Он не жаловался, о смерти не поминал, и она вслед за ним ни разу не усомнилась: выздоровеет. И начал-таки вставать, ходил по палате минутку и записывал: ходил минутку. Потом по коридору — пять минут, больше не выдерживало сердце. И записывал: ходил пять минут, словно это ему помогало.

Отпустили его с инвалидностью. Весь совхоз перебивал у его постели, люди сочувственно качали головами: «Как же ты теперь, Александр Васильевич?» — отказываясь понимать, как их неутомимый директор переживает свое бездействие.

Но он, чуть станет лучше, уже мастерит ящики для пчел. Выходит с палочкой прогуляться до леса и вдруг нечаянно окажется в поле и уже звонит новому директору в контору.

Надежда Ивановна серчала:

— Да не ходи ты, не смотри, опять рухнешь. Без тебя как-нибудь озимые взойдут!

...Всходили озимые, всходили яровые, шел дождь, сверкали зимой чистейшие снега. Надежда Ивановна в тайне души радовалась, что муж теперь рядом с ней безотлучно...

Какое-никакое, а равновесие, счастье, тепло. Разве не заслужила она после всех испытаний свою любовь?

Какую любовь, Надежда Ивановна?

Проболел четыре года, муж, несмотря на прогнозы врачей, избавился от инвалидности, вышел на работу. Сменил несколько мест, пока не оказался на своей кровной должности — директором совхоза «Красавино», правда, теперь не такого передового, не с теми надоями и урожаями. И как поверить в его болезнь, если снова встает в пять утра, машет гириями, пропадает до позднего вечера, тянет свой совхоз к лучшей жизни.

Недавно печь переложил. Яблони, посаженные им, чтобы жена не скучала по родным, богатым садами местам, стали плодоносить. Удалось ему укоренить на северной земле горноалтайскую яблоню с яркими, как фонарики, веселыми яблоками.

Смотрит Надежда Ивановна на свою жизнь, вспоминает свое одиночество в молодости, свои молча снесенные обиды, свою тоску по мужу, такому желанному и доброму, когда все у него хорошо, и... не может его ни в чем упрекнуть. Порядок был и есть в их доме. Потому что если мужчина занят делом, в доме всегда будет порядок. Слова, сказанные ею матери в утешение, сбылись: жила с ним, как за каменной стеной. Но спохватывается, стыдится своего счастья: ей-то не всегда легко было, а другим как?

Есть у них в селе семья: пятого ребенка родили, а хозяйства никакого, даже картошки не сажают, старшие дети вечерами по чужим поленницам промышляют. Видала она и похуже женскую участь. Учила в Красавино ребят, у которых отцы спились или вообще их не было, а матери работали на льнокомбинате за троих, из сил выбивались в одиночку, а корову держали, ребятишек в труде и порядке растили. Каково им было? Не то что ей, не знающей, что такое пропитые полочки, пьяные драки, испуганные дети, безотцовщина. Прожившей всю жизнь по мужниной справедливой воле, ни разу не усомнившейся

в его честности и чистоте.

А может быть, Надежда Ивановна, была на то и ваша воля — так жить?

Сажала по сорок соток картошки. Покупала детям пластинки с Бахом, с Бетховеном. Вырастила в доме две финиковые пальмы под потолок (в магазин однажды завезли финики, вот из косточек сладких и вырастила). Училась целый год музыке, чтобы помочь сыновьям в игре на пианино. Вынырнула для охоты мужа не один десяток щенков. Держала трех поросят, корову, пару телят. Один вымахал рекордсменом — 618 килограммов потянул, гирь на весах не хватило. Покупала сыновьям лучшие книги, какие могла достать. Андрею дарила дорогие альбомы с картинками диких животных и зверей. Крутила на соседский праздник по сто голубцов. В школе разводила цветы и рыбок, а когда в жестокие морозы аквариумы промерзали до дна и цветы гибли, сажала по весне новые. Учила ребят, и многие шли по ее стопам, педагога и биолога. Недавно назначили ее директором Васильевской школы.

Любят ее дух, дух мужа — невозможность поступить не по справедливости, надежность, у которой один исток — работа на износ. Другими они были с Александром Васильевичем? Конечно, раз учили друг друга уму-разуму, в добрую минуту были счастливы, в трудную друг от друга не отступались. А любовь...

Надежда Ивановна, в чем она?

...Ее сдержанный муж только в письмах, в их редкие и короткие разлуки, позволял обратиться к ней так: «Здравствуй, моя Ромашка!»

Этой «Ромашки» ей с лихвой хватило на всю жизнь. Но ведь расскажешь девочкам — не поверят!

Татьяна ШОХИНА
Фото Е. КАТИНА.

с. Васильевское, Великоустюгский район, Вологодская область.

В ЖЕНСОВЕТЕ

Уже давно женсовет совхоза «Лискинский» Воронежской области предложил односельчанам заложить «Сад счастья». В нем два раза в год — весной и осенью — новобранцы сажают яблони, а молодые мамы и папы в честь рождения ребенка — вишни. Сейчас в саду уже 280 деревьев. Надо видеть, какой это ухоженный сад, как прекрасен он в цвету!

Семья — основа, фундамент нашего общества, и мы, конечно, кровно заинтересованы в том, чтобы эта основа была духовно и нравственно здоровой. Как поддержать семью? Как помочь ей стать счастливой и крепкой?

Более полугодом группа, специально созданная женсоветом Ивановской области, разрабатывала комплексную программу «Семья», стремясь учесть все слагаемые семейного благополучия. Или, наоборот, неблагополучия: и чрезмерную загруженность женщин на производстве и в быту, и оторванность беременных и кормящих женщин от своих коллективов, замкнутость их в кругу домашних забот и интересов, вопросы отдыха, воспитания детей, и многое, многое другое.

Но оказалось, что семья, ее проблемы волнуют далеко не всех, от кого решение этих проблем зависит. Три раза на заседание своего президиума приглашали женщины начальника областного управления бытового обслуживания населения, руководителей спорткомитета. И те под разными предлогами отказывались уделить время женсовету. До тех пор, пока не вмешалось бюро обкома партии.

Когда наконец разговор состоялся, президиум, несмотря на возражения, настоял на том, что ход реализации программы «Семья» будет теперь заслушиваться не только в женсоветах, но и во всех областных организациях, от которых зависит помощь семье.

Комплексные программы «Семья» и «Молодая семья» уже действуют не в одной Ивановской области, а и в Кемеровской, Пермской, Ярославской. Основаны они на плане социально-экономического развития области. Но женсоветы, поставив себе задачу именно комплексной помощи семье, включили в эту программу новые направления. Среди них — дальнейшее совершенствование всех форм обслуживания населения, изучение материальных, жилищных и бытовых условий многодетных семей и молодоженов, расширение сети консультаций «Брак и семья», пропаганда здорового образа жизни, повышение авторитета семьи, развитие материальной базы семейного отдыха, укрепление связи семьи, трудового коллектива и школы.

В каждом регионе, даже в каждом районе свои особенности, на которые женсоветам и надо ориентироваться. В том же совхозе «Лискинский» женский актив построил свою работу с учетом интересов молодежи. Он настоял на том, чтобы организовать здесь и дискотеку, и видеозал, клуб молодой семьи, детский клуб «Почемучка».

А вот женсовет колхоза «Россия» Богородского района Горьковской области провел рейд «Как живешь, ветеран?». Выяснили, что более сорока престарелых женщин нуждаются в заботе. Добились улучшения жилищных условий, всех обеспечили дровами на зиму, организовали медицинский осмотр на селе.

Безусловно, есть проблемы, общие для всех. И они, пожалуй, самые сложные, самые трудные. Давайте подумаем, почему восемьдесят процентов разводов происходит сегодня по инициативе женщин? Почему семья, которая от века была

Как поддержать семью?
Как помочь
ей быть дружной
и крепкой?

Посади дерево счастья

радостью жизни женщины, стала для многих сегодня чуть ли не бременем?

Объяснений можно привести немало. Надо прямо сказать, что положение женщины у нас пока еще трудно назвать идеальным. Как правило, наравне с мужчинами она занята на производстве. К тому же мать двоих детей в месяц выполняет домашних дел (по расценкам службы быта) на сумму 230 рублей. Понятно, как она устает, а это отражается не только на здоровье, но и на моральном климате в семье.

Мы уже привыкли, что женсоветы в основном занимаются трудными семьями. Но им вполне по силам заняться внедрением надомного труда, который поможет решить многие проблемы женщин, имеющих малолетних детей, добиваться льготного режима работы для беременных женщин. Вот, например, многие сельские женсоветы Молдавии, где работу планируют тоже в соответствии с программой «Семья», сумели совместно с райкомом профсоюза организовать труд женщин, занятых в табаководстве, на время их беременности так, что это не скажется ни на их здоровье, ни на здоровье будущих детей.

Понемногу, шаг за шагом, женсоветы добиваются улучшения условий труда и быта женщин. Именно женсовет настоял на том, что в колхозе «Прогресс» Кутузовского района Молдавской ССР в амбулатории теперь принимают терапевт, педиатр, стоматолог, акушер-гинеколог, укомплектован штат патронажных сестер. В той же Молдавии по ходатайству Единецкого районного совета женщин колхозы стали выплачивать премии воспитателям тех детских дошкольных учреждений, где дети закаляются, не болеют.

Естественно, стремясь повкуснее накормить семью, уютно обустроить дом, женщина не должна забывать и о главном — поддержании домашнего очага. Сегодня это означает уже не огонь в печи, а огонек объединяющего общения. Наверное, многим женщинам стоит задуматься о том, не в духовном ли ее самообеднении причина охлаждения мужа, разлада в семье, непонимания детей?

И здесь могут помочь женсоветы — учить, начиная с подросткового возраста, будущих жен, матерей быть центром, стержнем семьи, воспитывать высокую нравственность, женское достоинство. Иначе как же бороться с тем, что у нас есть женщины опустившиеся, попросту пьяницы?

Думая о том, как укрепить семью, мы должны четко понимать, что сегодня надо серьезно изучать ее проблемы и действовать комплексно. Поэтому каждому женсовету необходимо определять свою роль во внедрении в жизнь целевых программ «Семья» и «Молодая семья». Как бы ни была хлопотна, трудна задача, она нам по силам.

Галина ГАЛКИНА,
заместитель председателя
Комитета советских женщин.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ
АРТИСТ РСФСР

**Александр
МИХАЙЛОВ:**

**«Ради нас,
мужчин»**

Мы не дошли с Александром Михайловым до вешалки, с которой начинается театр, но устроились очень уютно, в маленьком тамбуре служебного входа. С двух сторон хлопали двери — за одной был театр, один из старейших театров страны. Малый, — его праздник, его тайна и торжество, за другой — улица с ее повседневной жизнью. Актер переступает эту черту дважды в день...

— Александр Яковлевич, сегодня хочется поговорить больше о жизни за порогом театра. Извините за прямой вопрос, но накануне 8 Марта он, согласитесь, естествен: у вас есть любимая женщина?

— Да. Это моя жена, Вера Константиновна, по профессии музыкальный редактор, которая терпит меня вот уже двадцать лет.

— Терпит?

— Думаю, только благодаря ее колоссальному терпению держится наша семья. Судите сами. Домой я возвращаюсь из театра в половине двенадцатого, 3—4 месяца в году вообще отсутствую — гастроли, съемки. Какой женщине придется такое по душе? А иначе в нашей профессии нельзя.

— Вероятно, жена с уважением относится к вашему труду?

— Надеюсь, и очень боюсь ее оценки. Знаете, несмотря на расхождение представление, что актер кушается в поклонении, доброго слова ты достаиваешься довольно редко. И так хочется, чтобы хоть дома тебя похвалили, утешили! Но Вера тоже не часто это делает, зато когда хвалит, я знаю, что ей действительно понравилось.

— Двадцать лет вы вместе, и все они были безоблачными?

— Это уж как у всех. Почему-то проще всего жилось в юности, когда быт был неустроен, на руках у Веры был наш маленький сын, а я получал крохотную зарплату начинающего актера. Но мы словно не замечали невзгод, неудобств! А вот независимость и материальное благополучие, как ни странно, часто делают людей более эгоистичными, они меньше друг за друга держатся, меньше друг в друге нуждаются, а если уж поссорятся — каждый будет стоять за себя. И мы этого не избежали, но, знаете, между нами заключен безмолвный договор — не придавать конфликтам бесысходного характера, стараться в тяжелый час вспоминать о светлых днях. Лучше уйти в воспоминания, чем продолжать «войну»...

— Какое женское свойство вы считаете лучшим?

— Верность. Мужчина должен быть уверен в женщине. А еще слабость — та, что заставляет мужчину чувствовать себя защитником. Я вообще-то уверен, что женщины и терпеливее, и жизнеспособнее нас. Но если у мужчины отобрать надежду на его значительность, даже в семье, что ж ему останется? Слабость женщины, которая может быть отчисти и игрой, заставляет нас не терять веры в себя...

— Александр Яковлевич, а есть у вас «любимая женщина» из вашего цеха, словом, любимая актриса?

— Да, Наталья Гундарева, с которой мы вместе снялись в трех картинах.

— Наверное, ваш почтовый ящик не пустует, среди писем встречаются и признания в любви...

— Я отвечаю только на детские признания, на детские письма. Например, после фильма «Мужики!» получил добрую тысячу писем от ребят разного возраста. Многие были трагичными: у того навсегда ушел отец, у той нет ни отца, ни матери...

— Чем же вы им можете помочь?

— Стараюсь написать теплый ответ, что-то о себе рассказываю. А помощь... Вот одна маленькая девочка Наташа мне написала: «Здравствуй, дядя Саша! Мой папа посмотрел картину «Мужики!», сходил в магазин и принес мне шоколадку».

— Александр Яковлевич, в чем, на ваш взгляд, больше всего нуждаются женщины?

— В нашей защите и покровительстве. Не будет беды, если они станут немного мягче и нежнее. Поверьте, мужчины понимают, как не просто живется женщинам. И все-таки желаю им быть менее независимыми. Хотя бы ради нас, мужчин...

Вопросы задавала
Татьяна НАЛЫМОВА.

Творческий поиск и мастерство художников, «искусство кройки и шитья», обаяние манекенщиц — все это в полной мере продемонстрировал первый Всесоюзный фестиваль «Мода-87», организованный Минлегпромом СССР и проходивший в ноябре прошлого года в Москве. Он познакомил нас с современным состоянием советской моды: свои творческие и авторские коллекции представили около 30 моделирующих организаций — а это почти 2000 работ. Смотр собрал более двух с половиной тысяч специалистов, занятых созданием одежды.

Чего только не увидели зрители за эти несколько дней на «языке», то есть на помосте, где демонстрируются модели, в универсальном спортивном комплексе «Дружба»! Пальто и плащи, повседневные костюмы и нарядные платья, вечерние туалеты и спортивные комплекты, фольклорные коллекции и модели детской одежды, летние ансамбли и шубы. Посмотреть было на что, и порадоваться было чему.

Например, тому, что изделия шьют не из заморских, а из отечественных тканей. Что, кроме художников домов моделей, представили свои работы модельеры нескольких промышленных предприятий. Что перед появлением каждого нового участника фестиваля объявлялось, сколько процентов его моделей уже внедрено или будет внедряться в производство, для скольких промышленных предприятий они разрабатываются, в какие фирменные магазины поступают. (Правда, не всегда было понятно — какие именно модели имеются в виду? Те, что показаны на фестивале, или те, что остались за его рамками? Может быть, в будущем стоит выделять в отдельный показ те образцы, что поставлены

на поток и уже продаются в магазинах.)

Да, утешительных моментов было много. Но почему же тогда после этих бодрых известий и яркого зрелища вместе с ощущением праздника возникло чувство неудовлетворенности, стоило только покинуть блестящий мир моды, поселившийся на несколько дней в «Дружбе», и выйти за его пределы? Наверное, потому, что проценты процентами, но мы-то с вами ходим в магазины, и даже самые ненаблюдательные из нас могут заметить: то, что было на подиуме, и то, что есть в магазинах, а зна-

Спустились к нам моды

чит, и на нас с вами,— это, как говорят в одном южном городе, две большие разницы. И неясно, когда мы будем одеваться пусть чуть похуже, но похоже на то, что нам показывают? Когда эти блузочки, жакетики, костюмчики, джемперочки, курточки, плащики в изобилии появятся на прилавках? Когда с двух далеких берегов мы, те, кто придумывает, конструирует, шьет, и те, кто покупает и носит, протянем друг другу руки над бурной рекой бюрократизма, технологических сложностей и производственных неувязок? Как радостно, уверенно, удобно и достойно почувствовали бы мы себя в жизни, если бы оделись так, как советовал фестиваль. Как понравились бы сами себе и друг другу. Но мы такими не будем до тех пор, пока этого очень не захотят очень многие люди, от которых зависит наша одежда. До тех пор и остроумные, и не очень острые модели будут ранить нас одним — своей недоступностью. А ведь при виде этой красоты возникало нестерпимое желание воскликнуть: «Нам нравится! Мы согласны! Тиражируйте скорее, пусть все это будет не в единственном экземпляре!»

Мода — тот праздник, который имеет смысл, когда он для всех. А не только для «внутреннего пользования» на показах в домах моделей, не только для выставок, манекенщиц, художников. Тем более в нашей стране. Тем более в наше время.

Наши художники-мо-

дельеры прекрасны. Они все могут. Их престиж день ото дня растет во всем мире. Мы ими гордимся и ко всем восторженным отзывам полностью присоединяемся. Но рискну заметить: престиж человека, работающего в легкой промышленности как в своей стране, так и за ее пределами, определяется все-таки не медалями и дипломами, а тем, как одеты его сограждане, то есть тем, как одета улица. А она пока в массе своей одета неважно. Легче всего, конечно, обвинить в этом художников: мол, почему плохо моделируете, не предлагаете хороших вещей? Но причины гораздо глубже. Моделируют. Предлагают. Отличные вещи — в этом лишний раз мы убедились на фестивале. Но промышленности это как-то ни к чему, искусство моделирования с его творческими поисками, взлетами и озарениями существует как бы отдельно, а промышленность отдельно. Художники предлагают одно — на конвейерах тысячами тиражами шьют другое: что попроще, попривычнее, повыгоднее. Художник на фабрике не диктатор хорошего вкуса, не «полпред» моды, а персона нежелательная, мешающая налаженному производственному процессу. Результат? Он у всех на глазах. Предлагаем, к примеру, творцам нашей одежды взглянуть на улицу, причем не городскую, что успокаивает своим относительным благополучием, а на улицу райцентровскую, деревенскую. Заглянуть в магазины, где пылятся мешковатые скучные пальто, синтетические

шубы, не спасающие от холода в краях с сорокаградусными морозами, кофточки допотопных фасонов и расцветок, платья, сшитые по моде, которой никогда не было, и способные похоронить под своим покровом природную привлекательность любой женщины. Болит ли у водителей нашей легкой промышленности душа при виде не бедно, нет — серо, невзрачно или

аляповато, словом, как выражаются специалисты, «неграмотно» одетых людей? Кстати, многие из них хотели бы обучиться грамоте, только где те ликбезы? Информации по культуре одежды ничтожно мало, журналы мод в глубинке — дефицит, выкройки — проблема, в ателье шить — намотаться, да и дорого.

Человек может выглядеть элегантно не только потому, что у него хороший вкус, но и в том случае, если массовое производство оде-

жды, то, что называется конфекцией, не дает ему возможности быть безвкусно одетым. Пока же легкая промышленность не только нам это благосклонно позволяет, но и способствует этому.

Мы готовы заплатить за приличную одежду немалые деньги. Однако на сегодняшний момент расплачиваемся за ее дефицит потерянными временем, нервозной, унижительной закомплексованностью.

Конечно, если отрешиться от этих проблем, можно ликовать по поводу праздника моды. Хороший тон требует по-

«Деревня» — назвала коллекцию моделей из трикотажа, выполненную по фольклорным мотивам, ее автор Лариса Булдакова. Предвидим сомнения читателей: в таких нарядах, да в реальной деревне... Может быть, и так. Но давайте оценим вкус, мастерство, изобретательность художника и подумаем, как использовать детали этих явно выставочных нарядов в своей одежде.

благодарить за фестиваль его участников и организаторов. Но я, хоть убейте, не могу воспринимать его только как впечатляющее зрелище, не соотнося с действительностью. Может быть, потому, что не с чужих слов знаю обиду молодых и не очень молодых женщин: никто не хочет помочь им быть красивыми. И знаю, что этот фестиваль их обид не унял, ибо всем нам уже порядком надоело любоваться модой со стороны. Правда, заместитель министра легкой промышленности СССР Иван Григорьевич Гриценко прилюдно пообещал, что в ближайшем будущем, буквально в этом году, лучшие из показанных на фестивале моделей будут внедре-

Фото
В. КОСТЫЧЕВА.

ны в производ-во. Подождем. Терпения нам не занимать.

Помимо той одежды, которую мы с удовольствием бы поместили в собственном гардеробе, на фестивале было показано много моделей красивых, но «неносимых». Тех, что замечательно выглядят на демонстрационном помосте, но никак, при самом богатом воображении, не проецируются на жизнь. Мы, зрители, с готовностью восхищались манто из дорогих мехов, названия которых быстро угадать были не в силах, ибо не привыкли встречаться с ними лицом к лицу. Восторженно ахали перед изысканными ансамблями в фольклорном стиле, которые украсили бы собой магазины «Березка». Открывали рот от изумления, разглядывая, как экзотические картинки, вечерние туалеты. Но все-таки почему-то больше всего радовались, видя красивые и в то же время простые, практичные модели. И даже закрадывалась мысль, что эта простота и практичность требуют не меньшего творчества, чем самые изощренные формы.

Конечно, не все, что показано на фестивале, должно стать реальностью. Нельзя к каждой модели подходить с утилитарными мерками — надену ли это я или моя соседка. Художник имеет право на творчество, на самовыражение, на полет фантазии. Я тоже за полет. За неповто-

римость. За дерзость, остроумие и неожиданность. Даже за эпатаж, если при этом отстаиваются истинно новые идеи. Я против диспропорций.

Всякое искусство рассчитано на духовное потребление. Искусство архитектора, дизайнера или художника-модельера ставит перед собой помимо эстетических целей и чисто практические, функциональные: бессмысленно придумывать дом, в котором невозможно жить, или сочинять платье, которое некому носить.

Захотелось поговорить на эту тему с Алексеем Корешковым, главным художественным руководителем Киевского республиканского Дома моделей трикотажных изделий, тем паче, что этот Дом моделей получил больше всех наград, в том числе и приз «Крестьянки» (за коллекцию по народным мотивам, названную «Деревня»), а лично Корешков отмечен за высокое мастерство и творческий поиск.

— Все зависит от внутренней установки художника: на фантазию или на практику. Недаром существуют два понятия — перспективная коллекция и промышленная коллекция. Мы решили соединить эти понятия. Сознательно выбрали путь промышленного моделирования. Да, в чем-то ограничились себя, если иметь в виду, так сказать, «искусство для искусства», чтобы продукция

была реальной, жизнеспособной и в то же время современной. Меня и других художников это сначала настораживало, было опасение потерять свою индивидуальность, творческую свободу. Но, понимаете, мы сами себе доказали: работа на реальные потребности людей и творчество не исключают друг друга. И чем больше приближаешься моду к конкретным людям, тем больше требуется поиска, усилий, выдумки. На мой взгляд, элитарная мода в нашем обществе просто нелепа. Так же, как нелепо делать вещи, которые нельзя продать... Первыми в стране художники нашего Дома моделей перешли на бригадный подряд, и теперь вместо двадцати — их четырнадцать. В конкретных условиях двадцати трех предприятий Украины разрабатываем свои модели. Это помимо экспериментального производства, где выпускается продукция на пять миллионов рублей в год. Реализуем ее в собственном фирменном магазине «Стиль», работающем на хозрасчете.

Эта не только творческая, но и нравственная установка отразилась в коллекциях киевских трикотажников. Видно, что они не просто ориентируются на покупателя — они думают о человеке, чтобы ему было удобно, комфортно и, конечно, чтобы одежда его украшала, чтобы он выглядел в ней современно и элегантно. Это ли не высшая награда художнику?

Мы не были бы журналом «Крестьянка», если бы не обратили особое внимание на модели для полных и пожилых женщин. Да, показывали такую коллекцию под аплодисменты и зрительницы успели даже лихорадочно черкнуть кое-что в своих блокнотиках. Все правильно. Но это во «внеконкурсном» показе, в вечернем развлекательном представлении. А для специалистов ни одна из моделирующих организаций ничего подобного не представила.

Янина Романовна Черенкова, которая уже около тридцати лет работает манекенщицей, говорит о наболевшем:

— Не любят творить для нас художники. Это считается непрестижным. Хотя я убеждена — для модельера заявить, что я, мол, не люблю работать для полных женщин, все равно что сказать: я не люблю свою маму, бабушку. Ведь какая невольно создается ситуация: нарядная модная восемнадцатилетняя девочка и рядом с ней плохо одетые мама, бабушка, старшая сестра. Уровень жизни растет, у тысяч женщин появилась возможность и желание современно, со вкусом одеваться. И вдруг оказывается, что эти тысячи женщин — вне поля зрения наших модельеров и швейников. А разве они не заслужили их внимания? Мне запомнился показ одной коллекции из ФРГ, так там, к примеру, платье или костюм одного фасона были показаны в диапазоне от 42-го до 60-го размера, и каждый зритель мог представить, как эта вещь будет выглядеть на нем. Я считаю, что чем человек старше, тем тщательнее должен быть одет. Уважение к возрасту, к старости должно быть заметным и в одежде — это одно из проявлений уважения общества к человеку, свидетельствование нашего нравственного здоровья. Разве нормально то, что даже в вечернем представлении нам нашлось место только благодаря настойчивости главного режиссера фестиваля Жанны Лебедевой?

А вот что по поводу этой ситуации думает сама Жанна Лебедева:

— Да, мне буквально пришлось выдерживать бой, чтобы включить в показ эти модели. Говорили, что солидные, взрослые манекенщицы не «вписываются» в праздник, недостаточно эстетичны. Не знаю, как там насчет эстетики, но я сама была манекенщицей и помню, что нам, юным и стройным, нико-

гда не выпадало тех бурных аплодисментов, под которые шли коллекции для полных, для тех, кому за тридцать, сорок, пятьдесят...

Наверное, организаторам фестивалей уже сейчас надо разработать систему призов гораздо более разнообразных, чем нынешние, чтобы у создателей одежды было время для творчества и была уверенность: тот, кто представит авангардную коллекцию для молодежи, детские модели и наряды для бабушек, будет иметь равные шансы на успех.

Мода — это всегда немножко игра. Достаточно было посмотреть фрагмент из заключительного театрализованного показа, когда перед зрителями предстали в живых картинках наряды каждого десятилетия нашего века. Это была трогательная, с добрым юмором составленная коллекция. И мы посмеялись не только над старыми фасонами, которые тоже были когда-то авангардом, но и над собой. Так, наверное, и надо относиться к моде: не настолько серьезно, чтобы становиться смешными, но достаточно серьезно, чтобы быть хорошо одетыми людьми.

А. ХИТАРОВА

«У «СЕКРЕТА» НЕТ СЕКРЕТОВ»

Как сохранить искренность в отношениях людей, непосредственность видения мира? Как не дать пропасть жизнерадостной, вольнолюбивой, чистой мелодии в сверхтяжелых ритмах и грохоте металла? Об этом думали сначала двое из нас — Максим Леонидов и Николай Фоменко. Не только думали — занимались усиленным физическим трудом, зарабатывая на первые гитары...

Но лишь спустя семь лет мы стали тем бит-квartetом, каким видят нас сегодня зрители.

Хотя сам я не пою, ребята просят меня остаться руководителем группы. Мы по-настоящему дружим, искренне считаем, что веселая игра, оптимистичная музыка, смех нужны всем и во всяком возрасте.

Секретов у нас нет: как живем, так и ведем себя на сцене, во что верим, о том и хотим петь. Но все же — по секрету и только вам — решили не расставаться никогда!

Сергей АЛЕКСАНДРОВ

ПРИВЕТ

Стихи Д. РУБИНА
Музыка М. ЛЕОНИДОВА

Привет!
Сегодня дождь и скверно,
А мы не виделись, наверно,
Сто лет.
Тебе в метро? Скажи на милость,
А ты совсем не изменилась,
Нет-нет.

Привет!
А жить ты будешь долго,
Я вспоминал тебя вот только —
В обед.
Прости, конечно же, нелепо
Кричать тебе на весь троллейбус:
Привет!

Привет!
Дождливо этим летом...
А впрочем, стоит ли об этом?
Ведь нет...
Тогда о чем? О снах? О книгах?
И кто меня заставил крикнуть:
Привет!

Привет!
Как жизнь? Не то, чтоб гладко,
Но впрочем, знаешь, все в порядке —
Без бед.
Дела отлично, как обычно.
А с личным? Да, вот только с личным...
Привет!

Привет!
А дождь все не проходит.
А я с утра не по погоде
Одет.
Должно быть, я уже простужен,
А впрочем, знаешь, мне твой нужен
Совет.

В конце концов
Мне дела нету,
Меня оставишь ты с ответом
Иль нет.
Но, может быть, начать нам снова?
Выходишь здесь? Ну, будь здорова...
Привет!

О ЛЮБИМЫХ

АВТОР ПОПУЛЯРНЫХ ПЕСЕН Илья РЕЗНИК:

«Она поразила меня своим талантом»

В эти дни, конечно же, хочется поздравить дорогих мне женщин: жену, дочку Алису и еще моего большого друга Аллу Пугачеву. Шестнадцать лет дружеского общения, соавторства в песенном творчестве связывают меня с этой необыкновенной женщиной. За эти годы мы стали очень близки духовно, и мне посчастливилось узнать ее в радости и горе, в поисках и разочарованиях, в победах и промахах. Довелось общаться с ее самыми близкими друзьями и теми, кто выдавал себя за друзей. Бывало, что она, иной раз чересчур прямолинейно, высказывала кому-то в глаза свое мнение, не предполагая, что фразы, в сердцах брошенные ею, можно разтрезвонить по миру...

Сначала я влюбился в нее, как в эксцентричную певицу, солистку оркестра Олега Лундстрема, сумевшую необыкновенно образно, по-своему пережить мою песню «Посидим, покаем». Потом она поразила меня своим талантом музыканта и даром мелодиста. И я знаю, что ей по силам создать произведение крупной формы.

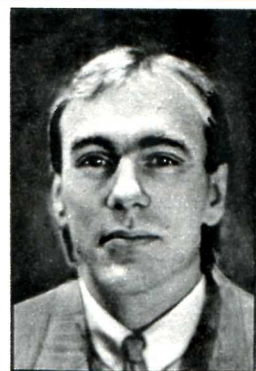
Еще эта женщина — настоящий, искренний друг. Когда у меня были серьезные проблемы с жильем, она гостеприимно распахнула двери своей квартиры, и мы всей семьей полгода жили под ее крышей. Я познакомился с ней и как с отменной хозяйкой, искусным кулинаром. А в праздники ее квартира превращалась в театр-студию, где разыгрывались капустники и бесконечные импровизации, рождающая темы наших будущих песен.

Она необыкновенно требовательна в любимой работе. Бывало, что мы по несколько раз пе-

реписывали с ней то стихи, то музыку... И «шлифовка» эта не вызвала обиды, не ущемляла самолюбия, потому что Алла умеет заразить своим азартом.

Она добра и благородна. Я был свидетелем десятка случаев, когда, почувствовав, что человеку нужна ее помощь, она ехала к нему, делала все, что могла.

В последние полтора года у нас было немного совместных песен. Хотя совсем новые — «Уважаемый автор» и «Все хорошо, ничего не случилось» — уже звучат в ее репертуаре и, может быть, войдут в новую программу.

МАСТЕР СПОРТА МЕЖДУНАРОДНОГО КЛАССА

Вагиз ХИДИЯТУЛЛИН:

«Нашел больше, чем потерял»

Буду говорить о своей Светланке. Я ее уважаю и люблю, всегда знаю, что дома меня ждут уют, чистота, покой, а дети ухожены.

В моей жизни был сложный период, связанный с тяжелой травмой, которую я получил на контрольной игре перед самым чемпионатом мира 1982 года, — на чемпионат не попал, вообще на четыре года был выбит из футбола. Многие на меня уже махнули рукой, не верили, что когда-нибудь увидят на поле. Именно тогда я и познакомился со Светланой. Она была далека от футбола, никогда не видела меня в игре, только слышала, что был вроде неплохим футболистом. И вот именно она-то и стала внушать мне, что я должен вернуться в спорт.

Встреча со Светланкой — одно из главных событий в моей жизни. Я рад, что судьба так повернулась. Я нашел больше, чем потерял.

Сейчас, когда я снова в большом футболе, и в составе «Спартака», ставшего чемпионом страны, и в составе сборной СССР, когда меня приглашают в один из лучших профессиональных клубов Европы — мюнхенскую «Баварию», Света часто ходит на стадион, смотрит почти все игры с моим участием. Она понимает, что — если так можно выразиться — слава вернулась, но продолжает гнуть свою линию, хочет, чтобы я играл еще лучше.

Столкнувшись
с равнодушием тех,
от кого ожидаешь помощи,

Душа болит...

С первого раза, как Вася к нам пришел, мои братья и сестры стали называть его «братка». Нас пятеро детей было, отец инвалид после фронта, в землянке жили. Из этой землянки и взял меня Вася в жены. За тридцать два года от одного черного слова от него не слышала. Вася с юности гармонистом был хорошим, но люди мужа моего не только за гармонию любили, за нрав спокойный, безотказный. Кто что ни попросит — все сделает. И душой ласковый. Никогда на работу не уйдет, чтоб не поцеловать на прощание. Уже за калитку выйдет и зовет: «Иди сюда, что скажу». Подойду, а он раз — и поцелует. Я ему: «Ты что, отец, мы же молоденькие, по пятьдесят уже». Он только засмеется.

Вася и смолоду не выпивал. В земле копать-ся, цветы растить — другой разговор. Полгорода ими засадил. И с железом такой же заботливый. Трактор уже стареньким ему достался, а он на нем пятнадцать лет отъездил.

Зима не без морозу, случается, я и пошумлю, строжиться начну, а он только подойдет и руку на плечо положит: «Ну что, мать, успокоилась?» Нажили мы пятерых ребят. Младшенького, Костика, я уже поздно, в сорок лет родила. Врачи меня «обрадовали»: возможно, мол, двойня будет. Я мужу с опаской: «Отец, меня двойней пугают». А ему хоть бы что. Когда в окошко Костика показала, он спрашивает: «Рая, а где ж второй?» А я и правда чуть еще одно дите из роддо-

ма не принесла. Девочку там кормила, которую мать бросила. Муж и дети в один голос — бери! Только девочку ту врач удочерила.

Детей Вася любил. И купал их, и пеленал, и кормил. Завернет, возьмет на руки и такой счастливый по поселку идет. Не стеснялся, как другие мужчины.

В нашей семье не было женской работы, мужской работы: он с одной стороны, я с другой. Дом вместе строили, своими руками. Я все годы работала: в детском саду, поваром на полевом стане, на целине — механизатором, в последнее время телатницей. И всегда Вася мне был первый помощник — постирать, побелить, корову подоить, сготовить, тесто вымесить, хлеб испечь. И сыновей к тому же приучил. Костику одиннадцать, он трактор водить умеет, и на спицах вяжет. В пять лет связал первый шарф — папке на день рождения.

Секретов у нас с мужем друг от друга не было, ничего не таили. Но даже мне Вася никогда не жаловался, такой терпеливый.

...И тогда тоже ни на что не пожаловался. В час ночи к дому на тракторе подъехал. Я даже побранила его, у нас не война, говорю, чтобы по восемнадцать часов за рулем сидеть. А он ни слова в ответ. А утром вижу — плохо ему. «Что с тобой?» «Да ничего, — отвечает, — пройдет, устал». Но я все-таки «скорую» вызвала. А сама думаю — воскресенье, утро, вдруг она задержится. Сосед посадил нас в свои «Жигули» и повез в больницу.

Приехали, зашли в приемный покой. За сто-

лом врач сидел, писал что-то. Спросил: что с вами, что болит. Муж говорит: «Руки сильно болят». Врач стал выяснять, что ел, пил, поначалу решил, что у него отравление. Велел поставить термометр. Посмотрел на градусник и говорит: «У тебя птичья температура». А сам все за столом сидит. Я вижу, что и так Вася силы теряет, ну зачем ему знать, какая у него температура! Нашли лекарство, стали делать укол. Врач с насмешкой говорит: «Отвернись, мужик, а то еще сознание потеряешь». Как будто он трус. Тут Вася так на него посмотрел... Я его голову повернула, потерпи, говорю, отец, маленько. А врач мне: «Что ты с ним нянчишься, как с ребенком, положи». Муж шепчет: «Мне холодно», а у самого слезы в глазах. Ни врач, ни сестра, ни санитарки, никто не обращал на нас внимания, а усердно вели разговор про какую-то статью в газете и в каком номере искать продолжение той статьи. Тут я почувствовала жалобный вздох, закричала: «Помогите, он умирает!» Тогда только этот самый человек, сидящий за столом, вскочил, кинулся к мужу. И другие врачи прибежали. Меня увели и к Васе не пустили, сказали, что в тяжелом состоянии. Сделали мне укол и на «скорой» отвезли домой. Проснулась, а в доме родственники, подруги. Спрашиваю: что с Васей? «Плохо Васе, под капельницей он». Боялись сказать. А сыну уже и справку выписали...

Хоронили его всем колхозом. Столько народу было! Спасибо всем, что в эту минуту не покинули нас. Не только мы осиротели. Бригада его

рядом, ребята идут на работу — низко кланяются.

Мне все его голос, шаги чудятся. Услышу трактор — выскакиваю: «Вася приехал!» Недавно так вот выбежала на крыльцо, а это из его бригады парень тележку с ботвой для коровы привез. Сгрузил, махнул молча рукой и уехал.

Дети меня к себе зовут: доча в Новосибирскую область, сыны на Кубань. Только как же я отца брошу? Приду к нему, цветочков принесу, все уберу, поразговариваю, поплачу. Ну что, отец, что еще я должна сделать, спрашиваю. Цветы ему насадила. Они и жару выдержали, и до самых сильных морозов цвели, не повяли.

Мне советуют: ты вспомни что-нибудь плохое о нем, меньше плакать будешь. А что я вспомню? Как он на целине пять километров меня на себе до больницы нес после аварии? Как берег, жалел? Все просил: «Отдохни». У меня сердце больное, и я ему как-то сказала: мол, ненадежная я у тебя, умру, как ты один будешь? А он: «Я без тебя долго не буду». Только все наоборот получилось.

Снится мне, что говорит Вася: «Зачем ты меня в больницу повезла, зачем дала укол делать!» Может, я виновата, может, надо было «скорую» дожидаться? Только хотела же, как лучше. Торопилась очень.

Я его уговаривала: «Меня врачи спасли — и тебя спасут». Я же знала, что в нашей поликлинике и в больнице очень внимательные врачи, достойные своего призвания, которым от всей души хочется сказать: большое вам спасибо,

мои родные. Осенью восемьдесят шестого в тяжелом состоянии поступила я в поликлинику. Лина Романовна, фамилию не знаю, терапевт участковый из 41-го кабинета, уже смену заканчивала. Как меня увидела, медсестру вызвала, уколы сделали, на носилках в больницу отнесли, она сама носилки поддерживала. И не оставляла меня до тех пор, пока я не вошла в чувство. На следующий день до работы попровела меня. И все дни, что я там была, такое ее внимание видела. Хотя я двенадцать дней лежала недвижима, но мне придавали дух и бодрость Лина Романовна, Наталья Павловна, Галина Ивановна. Они говорили: «Ты сильная, мужественная, ты выживешь». И я выжила. Еще есть у нас невропатолог Карантаев — он, когда прием ведет, на время не смотрит, сколько будет людей, всех примет. Хирург Сакинов меня оперировал — тоже заботливый, внимательный. Таким врачам низко кланяться нужно. Я видела, как они стояли за мою жизнь. А Вася того не видел.

Я не знаю, могли или не могли его спасти. Но как же не дать внимания человеку в последнюю минуту, не поддержать его? Для больного первое дело — ласка врача. Так прикоснись к больному, ему уже будет легче от твоей горячей руки. А у Васи от обиды слезы выступили.

Боль наша неизлечимая. Но я хотела, чтобы вы отыскали этого человека, спросили его, сколькo еще он собирается так лечить. Поэтому и написала в «Крестьянку».

Письмо Раисы Константиновны Пятых было направлено нами на проверку. Из Талды-Курганского облздравотдела в редакцию пришел ответ: «Больной Пятых В. И. 1934 г. р. был доставлен в приемный покой Талды-Курганской ЦРБ 5.07.87 г. на случайном транспорте в сопровождении жены. Диагноз при поступлении — острый инфаркт миокарда. Несмотря на проводившееся лечение, состояние больного прогрессивно ухудшалось, и через 25 минут у больного наступила смерть. Диагноз при патологоанатомическом исследовании подтвердился. При оказании медицинской помощи больному Пятых В. И. дежурным врачом Орманчиным А. М. допущены нарушения деонтологических норм (норм взаимоотношений врача и больного), невнимательность и нетактичность к больному и его жене. За допущенные нарушения врачу Орманчину А. М. вынесен строгий выговор. Случай рассмотрен на медсовете Центральной районной больницы».

О том, что состоя-

ем. Я был заторможенный после дежурства. Жене больного не понравилось, что сразу не бросился к нему. Но кто бы подумал... Все так быстро произошло.

Могу понять сложившуюся в то воскресенье утро ситуацию. Врач устал — только что кончилось ночное дежурство, надо написать отчет о том, как оно прошло. А тут неожиданной болью, серьезности положения которого он сразу не оценил: с инфарктом привозят обычно на «скорой», и врач уже подготовлен к приему тяжелого пациента. Понимаю и то, что в свете трагического финала многие слова, которые не запомнились бы в другом случае, теперь обрели зловещий смысл и отенок.

Однако, чего не могу понять при всем желании быть объективной, так это отсутствия душевного внимания, которое врач по долгу службы обязан был оказать больному и его родным! Не могу понять и отсутствие раскаяния!

Ведь далеко не безупречное поведение врача, пусть не по злему умыслу, но усугубило душевные страдания родных

— После медсовета я понял, что виноват. Но я свое получил, — нервничает Орманчин. И тут же с отчаянием вопрошает:

— Что я такого сделал, вы мне скажите?!

О каком покаянии разговор...

Теряя близкого человека, мы беспомощны перед лицом смерти, одиноки в своей беде. И лишь врач способен разделить это одиночество. В нем заключен для нас весь мир, который мы призываем на помощь. В нем жаждем мы ощутить то же истовое стремление спасти, удержаться — стремление, равное нашему. И боль потери может смягчить единственная мысль: врач от первой до последней минуты был с нами заодно.

Раиса Константиновна с благодарностью помнит и о таких врачах. Она не утратила своего природного милосердия, так жестоко столкнувшегося с душевной холодностью тех, кто самой своей профессией призван быть милосердным.

Вы прочитали искренний, бесхитростный рассказ женщины о ее горе и, наверное, по-

чувствовали, что сила ее страдания объясняется не только неожиданной потерей, но и силой любви, всей прожитой счастливой жизнью. Препятствием этой жизни, опытом взаимоотношений с миром хорошей, дружной семьи давал Раисе Константиновне святому веру в то, что в трудную минуту ей самоотверженно придут на помощь. Доверие к врачам, а еще большее доверие к людям не давали усомниться в этом. Была убежденность: незнакомцы в белых халатах станут спасать твоего единственного с той же безоглядностью, как будто он единственный и для них тоже. Это была вера, естественная для сердца незлобленного, нежесточившегося, обласканного любовью мужа, детей, друзей. Способного и творить добро, и це-

нить его, и на него откликаться. Поэтому так велико потрясение этого сердца, обманутого в своей надежде. А надежда была справедливой. Потому что каждый из нас не может быть единственным только для своих родителей, мужа, жены, ребенка. Любимый человек бесценен и неповторим. И потеря его жизни, любви, достоинства, таланта невозвратна для всех.

В Раисе Константиновне я почувствовала человека, который не останется неподвижным в тот момент, когда надо ринуться. Вчитаемся в ее письмо и честно спросим себя: не было ли с нами такого, что упустили мы возможность вовремя помочь, ранили чье-то сердце словом, поступком, грубостью, равнодушием. Но, наверное, у каждого было и другое.

Когда мы приходили на помощь ближнему, страдали ему, переживали его боль и обиду как свою, кидались выручать из беды ли, из тоски, из неудачи. Именно в эти мгновения мы чувствуем себя людьми.

Анжела МХИТАРЯН
п. Карабулак,
Талды-Курганская
область,
Казахская ССР.

Снимок прислал на наш фотоконкурс Э. КОСТРОМИН.

ние мужа было безнадежным, и о мере наказания А. М. Орманчина Раиса Константиновна узнала только во время нашей встречи. До этого облздрав, больница ее ни о чем не известили. Не принесли извинений за нарушение врачебной этики ни лечебное заведение, ни лично Орманчин.

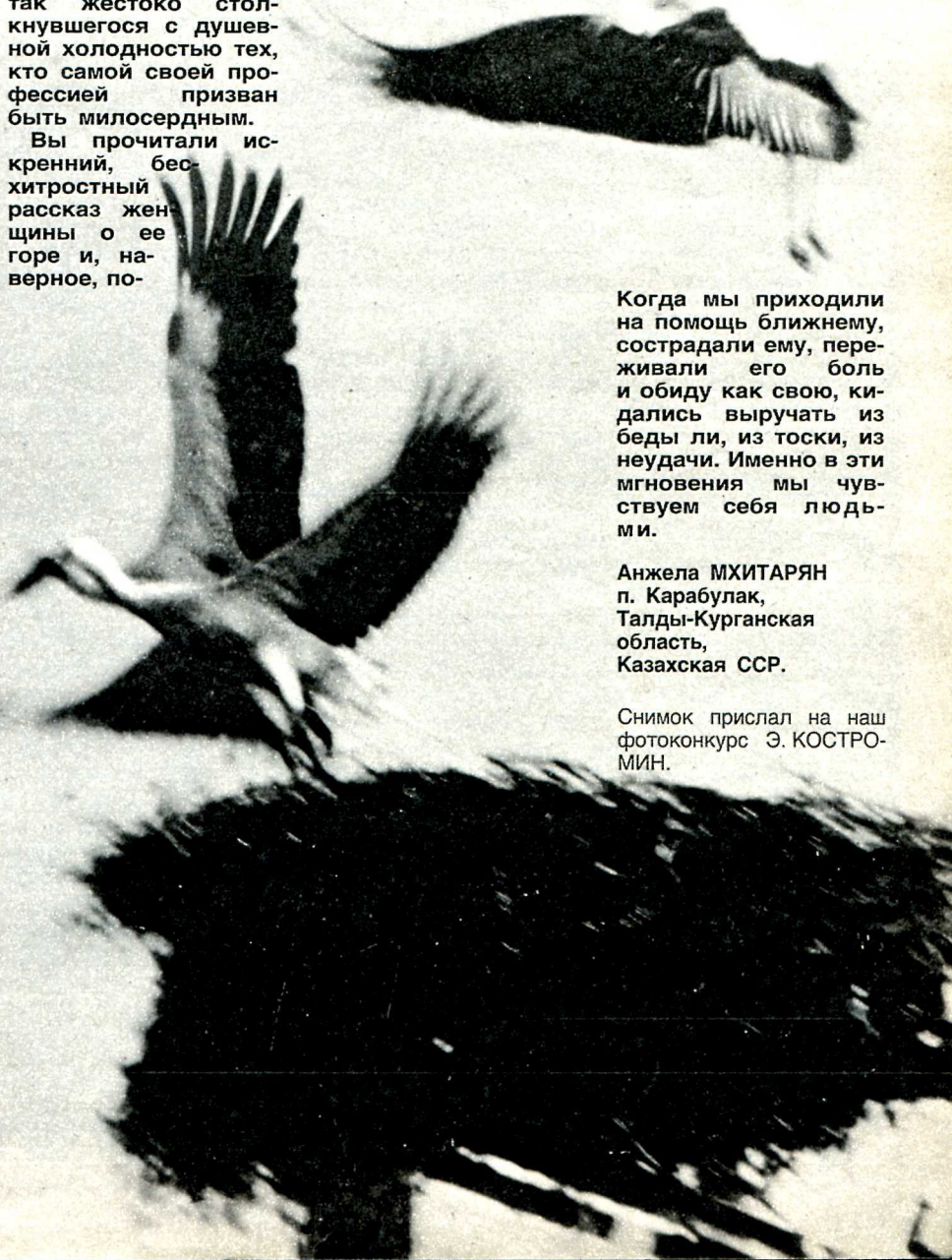
Во время нашей беседы с врачом я старалась выяснить, как сам он оценивает свое поведение.

— Про птичью температуру — это я лишнее сказал. И на статью в газете не надо было отвлекаться, когда ведешь при-

умершего. Так почему же не повиниться, не облегчить если не свою совесть, так хоть чужую муку? Принято ведь просить прощения и за менее горькие проступки.

— Я через несколько дней после того случая ушел в отпуск. А был бы на работе, — кто-нибудь подсказал бы мне поехать извиниться...

Наивно и необидительно звучит все это. Да и кто подсказал бы, если история разбиралась гораздо позже, и только по сигналу облздрава, куда пришел редакционный запрос.

И все-таки простите...

В редакцию пришло письмо. Очень личное. Очень горькое. Женщина пишет: беда, муж полюбил другую, наверное, уйдет, а ей как жить — одинокой, ненавидящей...

Из редакции ушло письмо:

«Дорогая Алла Константиновна...»

И снова нам, точнее, Валентине Березиной, нашему сотруднику, письмо. От той же женщины... Одинокой? Ненавидящей?

Мы решили напечатать письма из редакции, изменив имя и отчество той, кому они адресованы. Может быть, еще кого-то они поддержат, что-то объяснят, подскажут.

Дорогая Алла Константиновна!

Благодарю вас за такое откровенное письмо, на которое мне хочется ответить, как-то поддержать вас. Советовать не берусь, в подобных делах никто советчиком быть не может, решение принять вы должны сами.

Предательство близкого человека перенести нелегко, а поступок вашего мужа в той или иной степени предательство. Больно, горько, просто невыносимо, я понимаю вас. Ну, а если посмотреть на то, что произошло, как на несчастие не только ваше, но и его тоже? Нелегко в этом возрасте менять жизнь. И почему вы говорите, что не любовь это? Любовь разная бывает. Вот пишете же вы: «Закружило его!» Жизнь текла налаженная, день за днем, и не подозревал человек о силах, которые в нем таились. Но встретилась именно та женщина — и закружило. Вспыхнула страсть, а всякая страсть — своего рода безумие, человек над собой не властен уже. Не каждый на такое чувство способен, и поэтому не каждый способен понять и, следовательно, простить, пожалеть, почувствовать, а не устраивать скандалы, рассматривая мужа или жену как свою вечную собственность.

Вы поженились молодыми и по любви, но с возрастом все меняется, и в тридцать лет не полюбишь так, как в двадцать,

а в сорок, сорок пять любовь иная, чем в тридцать. Конечно, все люди разные, кто любит, кто влюбляется, кто просто привязывается к другому и с этой привычкой, основанной на уважении, симпатии, живет до конца дней. А вот посмотрите, как выглядите вы, друг и соратник, вместе с которым прожито двадцать семь лет в любви и согласии. С таким близким, таким родным, таким дорогим для вас человеком случилась беда — он, не молодой уже, выросший дочек, полюбил, влюбился, увлекся — называйте как хотите. Это же катастрофа! Он вынужден вас обманывать, таиться, изворачиваться и не у вас находить сочувствие и поддержку. Его дом (а дом — это так много в жизни человеческой) стал враждебным, дети непримиримыми, непрощающими. Легко ли возвращаться домой, да еще если нет никаких оправданий, так как семья до этого была дружной, любящей, а он сам для вас был идеалом?

Конечно же, он хочет вернуться. Утихла страсть, прошла любовь, а вас связывает нечто более прочное: вы построили дом, вырастили детей, прожили вместе всю жизнь, стали родными людьми, у вас общие воспоминания, которые скрасят старость, смягчат ее. Может быть, все-таки простите? И простите навсегда, не позволив себе упрека, приняв так, как будто он вернулся после длительного нелегкого путешествия. Если трудно, невозможно, значит, вы его не любите. Значит, вы любите себя и только свои боли и обиды можете понять. А что, если вы тоже виноваты, не умели быть женщиной, не совершенствовались свою женскую натуру, не стремились быть привлекательной каждый день и час?

Дочки у вас хоть и взрослые, но молодые. У них своя жизнь, и, как бы вы их ни любили, они вам мужа не заменят. Поэтому, пока не поздно, сядьте вечером за письмо, напишите одно слово «приезжай», не объясняясь, не упрекая, не считая обид. Он

достаточно уже пережил.

Думаю, что вы человек разумный и сердечный, и мое письмо вас не обидит, а поможет вам вернуть душевный покой и былое счастье. Я писала его именно за этим.

В. БЕРЕЗИНА

Дорогая Алла Константиновна!

Сердечное спасибо вам за ответ на мое письмо. Очень хотелось знать, как устроились ваши личные дела, хотелось верить, что все еще можно вернуть, все поправить.

Советы мои, как вы пишете, «полезные», ничему не послужили, не помогли. Прочитала ваше письмо и подумала, что жизнь гораздо проще и беспощаднее, чем это представляется, когда берешься что-либо советовать.

Да, счастье нужно беречь. Вы сказали точнее — стеречь. А любовь — это самое большое счастье, самый великий дар судьбы, если она взаимна. В молодости, когда жизнь только начинается, когда еще не сделан шаг непоправимый, этого не понимаешь.

У вас это счастье было, поэтому вам не страшно стареть. И не нужно думать о равнодушии. Пока душа любит, пока страдает, она живет. Не стремитесь забыть, избавить себя от воспоминаний. Ведь это была ваша жизнь, ваше счастье, вам было хорошо именно с этим человеком. Пусть сейчас болит ваше сердце, пусть не умирает эта тоска о былом, утраченном. Боль утихнет со временем, а воспоминания в сердце вашем благодарном, которому вы не позволите ожесточиться, помогут вам жить в преклонные годы. Они окрасятся в другой цвет, они будут самыми дорогими в вашей памяти. Жить нужно не для детей. Нужно просто жить. Своей жизнью. Теперь она наполнена заботой о дочерях, внуках, вам доставляют радость эти хлопоты. Это тоже счастье. Только теперь вы не можете его делить с любимым человеком, но он ведь все равно живет в вашем сердце. Не обедняйте же себя. Нужно будить в себе добрые чувства, нужно воспитывать свою душу, совершенствовать свой дух. Скажите себе: с ним случилось несчастье, и я в этом тоже, пусть хоть немного, виновата, я не смогла его убедить, я что-то не поняла, не увидела вовремя, не смогла

ему помочь. И вы почувствуете, что сердце будет болеть по-другому. Не нужно ожесточаться. Все, чем жили в счастливые для вас годы, должно остаться с вами. Только любовь, какие бы изменения она ни претерпевала, поможет жить.

Муж ваш разрушил свою жизнь, его можно пожалеть. С вами остались дочери, внуки, а его ждет скорее всего одиночество в чужом доме, с чужой женщиной. Вы должны быть ему благодарны за то счастье, которое он вам дал, о котором многие женщины мечтают всю жизнь и стареют, отчаявшись. Вы думаете, откуда так много злых, старых женщин, завистливых и ничемных? Это те, которых судьба обделила — им не дано было счастья любить и быть любимыми. Вы же были счастливы не месяц, не год, не два — двадцать семь лет, не так ли, правильно я помню? И не гадайте теперь, сколько у него было женщин из тех, о которых вы не знали, ничего не домысливайте. Зачем это? Разве недостаточно того, что знаете, от чего болит сердце? Этой муки недостаточно? Вам нужно больше, но для чего? Чтобы ненавидеть. А нужно любить, чтобы жизнь имела смысл. Поэтому не выискивайте плохое, берегите лучшее в воспоминаниях. Плохие минуты не должны уничтожать прекрасные.

Желаю вам счастливой весны, поздравляю с праздником. Надеюсь, что мои советы чему-нибудь да послужат.

Валентина БЕРЕЗИНА

Вот так отвечала на ваши письма, дорогие читатели, Валя Березина. По отчаянным, безнадежным выезжала немедленно. К чужой беде, обиде, боли относилась чрезвычайно серьезно. Считала, что нет плохих людей — есть непонятые, одинокие и всем можно и нужно помочь. И помогала всегда. Наверное, еще долго в «Крестьянку» будут приходить письма на имя Валентины Березиной. Наша Валя ответить не сможет. Ее больше нет. Мы знали, что болезнь неизлечима, но так надеялись на лучшее...

Память о Вале, удивительно светлом, талантливом человеке, останется в сердце каждого из нас.

ДЕБЮТ В «КРЕСТЬЯНКЕ»

Людмила Волчкова — врач, работает в детском санатории под Ленинградом. Для ее рассказов характерны психологическая точность, глубокое сопереживание героям, которым автор при всех их порой не очень-то симпатичных качествах все же не отказывает в праве на сочувствие. Оба предлагаемых читателям рассказа публикуются в журнальном варианте.

Старуха проснулась на своем узком диванчике и, поглядев вокруг, опять прикрыла глаза. Рассвело. Присмиривший телевизор стоял в красном углу, шкафы и полки сплошь заслонили стену. Вдоль другой стены поместился лакированный

шифоньер да еще пианино с хрустальной пузатой вазой. Вазу берегли, цветы в нее не ставили... Два кресла на колесиках неприкаянно торчали посреди паласа — Танька, невестка, не убрала.

Будильник прозвенел часа через два. Тихо открылась дверь, и вышел из соседней комнаты сын Николай, заспанный, но уже с расстроеным лицом, готовый к неприятностям дня. Худощавый, длинный, он зашаркал тряпочными тапками, стараясь не смотреть на лежащую мать.

— О-о-ох! — привычно застонала старуха. — Лихо мне, сынок! Помоги, не поднимусь, опять в бок схватило.

Николай вздохнул и обхватил грузное тело матери под мышки. До туалета было одиннадцать шагов. Старуха всегда заново удивлялась тесноте этой каморки — и кто ж такое выдумал, сам, видно, тощий, как хвост. Еле выбралась в коридор.

С возрастом она стала терять память — забыла про «больной» бок, и сама пошла бы в ванную, но сын терпеливо сторожил ее в дверях, поэтому старуха снова приняла немощный вид:

— О-ох, докука вам со мною!

— Полно, мам! — зевая, ответил сын и отвел ее на складной диванчик.

Уже и невестка суетилась в квартире: туда-сюда. Ребенка в школу выпроводила — шашь-шашь перед глазами, слова не скажет. Мужа толком не покормила: чай сам нальет, спасибо, хлеб на стол кинула и масленку из холодильника достала.

Сестрица ее, Нинка, спала. Ночью несколько раз принимался плакать Нинкин младенец, а теперь оба добирали. Хорошо им в отдельной комнате.

По всему дому — стук, бряк, хлоп. И, наконец, ушли. Сын только спросил на прощанье:

— Может, врача, мам?!

Невестка на это фыркнула, и старуха кротко ответила:

— А чего они понимают, врачи-то? Отлежуся. Видно, недолог мой век. Потерпите уж, детушки...

На улице Николая обогнал Семен Наумович с первого этажа. Он нес мусорное ведро за гаражи, но, заметив соседа, поставил ведро под куст боярышника и решительно шагнул навстречу:

— Позвольте, провожу? Я вот по какому вопросу... Давно хочу сказать вам, то есть это не я один, а жильцы просто возмущаются: зачем вы притесняете старую женщину? Надо ж иметь душу! Ведь

Людмила ВОЛЧКОВА

Поиграли- и хватит

вокруг люди, вы бы слышали, что они о вас говорят! Пожалейте вашу бедную мать. Жена, конечно, есть жена, но надо ж и к матери иметь сердце!

Он не стал выслушивать ответ, а повернулся и, довольный разговором, заторопился взглянуть, не пропало ли новое пластмассовое ведро. День обещал быть ясным, солнечным.

Старуха полежала еще с полчаса, неторопливо соображая, куда бы сегодня пойти — в домашней кухне она обедала накануне, в кафе-пельменной ее уже знали...

В столовых у нее завелись разные знакомые. Поначало уборщицы — женщины самостоятельные (хотя и в годах тоже) присаживались рядом и недоуменно расспрашивали:

— Ты, бабушка, чья ж будешь? С кем живешь-то?

— С невесткой, известно, — словоохотливо отвечала старуха.

— Это, конечно, тогда... Да. А сын-то помер?

— Зачем помер? И сын со мной.

— Дак не кормит, что ли? Пьет, поди? Во, детки! — возмущались слушательницы и хлопали себя по коленкам.

— Сын у меня хороший, хоть кого спросите, — обижалась старуха. — Только у него головушка с детства учением заморочена. Да невестка его мутит.

И со вздохом она дожевывала картошку, меланхолично двигая челюстями. Опывшие щеки делали ее похожей на старого бульдога, но глаза смотрели не слезливо, а надменно и равнодушно.

По правде говоря, ни она, ни невестка ничего не рассказали Николаю о ссоре, после которой старуха перестала есть дома. За полгода она уже и сама подзабыла, как все произошло на самом деле, и разукрашивала историю ссоры в самые мрачные тона. Кажется, болел внук. Вот уж точно, потому что Татьяна была дома. Уселась вместе с Нинкой, сестрой, перед телевизором... И говорит:

— Мам, сходи в магазин за молоком!

Никогда она раньше не просила свекровь поработать на себя, а тут — «сходите». Старуха беспокойно заворочалась на диване. Сперва она даже слов найти не могла от удивления. Потом заворчала:

— Я — «сходи», а вы сами что делать будете? Кино глядеть?

Ой-ой, в жизни не видала старуха свою невестку такой взбешенной. Белую крапчатую чашку из кухонного стола вытащила, ложку кинула — питайся отдельно. Ты всю жизнь палец о палец не ударила ни в колхозе, ни в доме у меня.

Ну и старуха не смолчала:

— Сначала вырасти сына, тогда кричи. Меня муж кормил, а теперь сын обязан. Я его подняла, в больших начальниках ходит. А кто у тебя растет — еще неизвестно.

Тут Татьяна заплакала злыми слезами и стала жаловаться своей легкомысленной сестре Нинке, подвивая и вскрикивая (хоть бы соседней постыдилась):

— Всю-то жизнь она мне испортила-поломала! Тряпки на себя не выстирала, игрушки внуку не купила. Первые пять-то лет у людей — лучшие, а я на нее батрачила. Веришь, в одной комнате четвером, так она еще и не спит по ночам, ходит...

И Нинка тоже пустилась в рев: она теперь все вслед за сестрой, после своего к ним переселения. Потому что в зависимости. И готовит, и моет, и стирает. Старуха поначалу удивлялась, даже остерегалась ее:

— Нин, да что ты делаешь? А вдруг не понравится Татьяне? Чего ты в чужую жизнь встречаешь? Дадут тебе комнату через год, а то пусть через два. И живи пока тихонько, жди себе.

Та отмахивалась. Смелая! Больше всего старуху поражала эта самостоятельность в двадцатилетней Нинке: после бурных, неизбежных слез, когда жених-шофер погиб в дороге, она как-то быстро забылась, обвыкла. Даже работать осталась в том же гараже. И девку от жениха родила.

Иногда Нинка весело звала:

— Баб, иди, шей налью!

— Да ты что распоряжаешься, как своим?! — ахала старуха. — Не тобою куплено!

Другое дело, пригласила бы к столу Татьяну, однако после случая с молоком та не звала. Сын в тонкости семейной политики старался не вникать, только морщился. В выходные дни он сам просил мать выйти к обеду, но у старухи была своя гордость, она отказывалась.

Не желая стеснять постылых своим присутствием, утром она отправлялась на улицу. Охая, долго держалась за перила, прислушивалась к шумам подъезда. Нинка высовывала в дверь голову, звала: — Баб, иди назад! Еще брякнешься где-нибудь во дворе.

— Я с батожком, с батожком. По-тихоньку, — умиленно отвечала старуха.

Тяжело переводя дух, она плелась к обжитой скамье под тополями у соседнего подъезда.

— Ну, как ты со своими, Матвеевна? Воюешь? — сочувственно спрашивали подруги.

— Да-а! Чего ждать? Только терпением и спасаюсь, — держась за бок, говорила она. — Невестка ночью как кулаком хватит по плечу: «Не храпи, мол, бабка!» Я и сна лишилась. Еще не поздно было. Они телевизор глядели. Как кинется! Милушки, и шас все дрожит. Пошли бог терпения!

В желтое, прозрачное осеннее утро старуха подошла к новенькой школе. Столовую на первом этаже указали ей две щуплые девчонки, болтливые и, видно, озорные.

Старуха боязливо заглянула в двери

зала, гремящего алюминием — стульями да ложками. — и замешкалась.

— Кого ищешь-то? — спросила женщина лет сорока пяти в мятой белой куртке. Она подошла сзади, и старуха от неожиданности вздрогнула.

Новая знакомая оказалась мойщицей посуды. Она усадила старуху за столик у окна, принесла ей тарелку макарон, стакан компота с двумя плавающими половинками ранеток. Потом пристроилась рядом, сурово глядя на старуху.

— Сын-то пьющий?

— Да как сказать, — уклонилась старуха, испытывая почему-то необычную робость. И принялась за еду.

— Бога забыли! — негромко говорила неулыбчивая собеседница. — Сама-то веруешь? Нужно жалеть друг друга, в любви жить, — как старшая, наставляла посудомойщица старуху. — Что это за порядки у людей? За что они грызут-то тебя?

Старуха расчувствовалась и рассказала, как нехорош сын — жаловался на мать приятель: мол, всю округу за день обезжит, заразу в дом принесит, ребенок может заболеть... Приятель, мол, об этом говорил жене, а жена — подруге, а подруга по случайности проживает в том же подъезде, что и старуха. Подругина мать по секрету и доброте все, значит, открыла.

Тут решительная неулыбка-посудомойщица и позвала старуху к себе. Пенсия какая-никакая все-таки есть, и... бог велел помогать ближнему. Да и за дочкой присмотр, пока мать на работе.

Представила старуха, как спохватится сын, как невестка перед ним начнет оправдываться, вертеться, словно уж на сковородке... Может, в милицию заявят, кинутся искать, справляться. Сладкая волна жалости к себе подкатила ей под сердце. Старуха вытерла глаза уголком темного платка и согласилась на тайный побег.

В новой квартире показалось ей голо.

За столом в маленькой комнате сидела девочка лет десяти в школьном платье и делала уроки. Кроме стола, как бы отдельно друг от друга, стояли шифоньер и кровать. Похоже, из комиссионки. В большой комнате красовался диван, точь-в-точь как в зале у невестки.

Старухин матрас, предусмотрительно прихваченный побежницами, постелили на полу, хотя хозяйка — Сергеевна — обещала раскладушку.

Телевизора не было. Старуха оглядела иконы в углу, пригорюнилась и стала ждать вестей от сына.

На третий день пошел дождь. Сердце у старухи заняло. Сергеевна велела чистить картошку, и старуха неохотно взялась за непривычную работу, но мысли были далеко. Чудилось примирение с сыном, раскаяние невестки: ну-ко! Мать из дома выжили! Старуха оставила картошку недочищенной, поднялась и выглянула в комнату. Сергеевна сидела на диване вместе с девчонкой, и обе глядели на засаленную страницу «священной книги» в твердом переплете.

— Слышь! — сказала старуха задумчиво. — Неладно это мы сделали, что тайком... Сын-то у меня большой человек,

а теперь неприятности небось на работе. Я сыну зла не желаю. Ты сходи, адрес дай ему.

Сказала и испугалась. Хмурая хозяйка возбуждала у нее чувство неуверенности в себе и страх. Старуха редко ходила в церковь, а Сергеевна любила поговорить о боге и грехах. В церкви же старухе больше всего нравилось выслушивать от соседок наветы на зятя и невесток, толковать про чужое горе. Она перезабыла почти все молитвы и упоминала о боге больше как о единомышленнике. Ее бог не был грозным, а, напротив, сочувствовал таким, как она сама, притесненным.

Хозяйка закрыла книгу, перекрестилась, потом пошла надевать подростковое, серого цвета пальто. Сердце старухи запрыгало. Четверть часа она не находила себе места, стояла у окна, заглядывала к девчонке, бралась даже за веник. Но быстрое возвращение Сергеевны показало ей плохим знаком, и старуха почувствовала слабость в ногах. Стало пусто и тяжело.

Алюминиевый саквояж, набитый до отказа, громыхнул, зацепившись за косяк высокой двери Дворца культуры. И хотя доктор не глянул с укором — фельдшер Лудов мысленно выругался. Навстречу уже спешил расстроенный директор дворца. Он стал торопливо рассказывать то, что они знали от диспетчера: тяжелая травма у актрисы.

— На сцене она, я провожу... И надо же, как не вовремя! — сокрушался он. — Еще три спектакля... А как все хорошо шло!

Остролиций, взволнованный директор постоянно одергивал полы нового крипленового пиджака и причитал:

— С начала каникул утренники давали, и вот тебе!.. Нарушение техники безопасности! Безобразия! Кому теперь отвечать, а?..

— Не открыл никто? — спросила она.

— Открыли, — проворчала хозяйка, раздеваясь в маленькой прихожей. — Видно, невестка и открыла. Говорит, Николай Григорьевич спят, будить не хочу.

— Да ты сказала ли, что от матери, мол?

— Все сказала. «Не буду, — говорит, — будить. Не хочу». Так и ушла ни с чем.

Старуха тяжело задышала ртом, отвернулась и пошла в свой угол, чтобы лечь на матрас. А хозяйка снова уселась за священное писание.

Только через неделю пришел Николай Григорьевич. Непохожий на себя — деловой, решительный, в глаза не глядел. Старуха замешкалась в коридоре, не зная, как принимать гостя.

— Ну, мам, поиграли — и хватит. Возвращайся! — энергично сказал сын. — От людей совестно. Давай свои вещи, и пошли.

Старуха радостно защищалась, дескать, куда торопиться. Можно и отдельно пожить, зачем мешать друг другу. Но руки сами лихорадочно собирали узел, а Сергеевна молча помогала.

Видя, как сын уверенно перекинул через плечо ее пожитки, старуха осмелела и спросила в шутку:

— Не скучали без меня?

Ей хотелось, чтобы он видел ее радость. Сын ответил не сразу, шел мерно, голову набок. Потом сказал обиженным тоном:

— Зачем вы меня на смех выставляете? Соседи каждое утро: «Сжили мать со свету». Эта твоя Сергеевна приходит тоже: «Заберите вашу бабушку». Для чего так делать, а?

У старухи закружилась голова. Она немного отстала и по привычке схватилась за бок.

Сын остановился и спокойно сказал:

— Чужие люди не все терпеть станут. Лучше уж со своими — мы-то привыкли к вашим фокусам. Давайте, как прежде, жить.

Вечер был пасмурный, и на скамье у подъезда никто не сидел. Старуха увидела возле дома Татьяну. В одной руке та держала хозяйственную сумку, другой поспешно вытирала мокрые глаза.

Пойти туда, не знаю куда

Они прошли по гулким коридорам, мимо боковых дверей зрительного зала, мимо служебного туалета и дальше, мимо вахтера у черного хода.

Толстый, с азиатскими глазами, доктор Совкин, слегка задышавшись, спросил:

— С какой высоты?..

— Метра четыре, — ответил директор, словно бы извиняясь. — Она в ступе, по воздуху...

— Метра четыре, — буркнул доктор.

Лудов неприязненно глянул ему в спину. Утром между ними произошла пустяковая, но неприятная ссора из-за приема сумки и лекарств у сменщиков.

Вообще к доктору Совкину на станции «Скорой помощи» отношение сложилось двойственное: его побаивались, потому что он умел занудливо доводить пустяковый конфликт до большой проблемы, и посмеивались над этой занудливостью. Когда Лудов обнаружил в графике, с кем работает сегодня, у него упало настроение. А в диспетчерской оживленно посмеивались, мол, повезло бригаде, в гости к Бабе Яге — обратно на метле вернуться. Нынче-то Баба Яга во Дворце культуры обитает, с точным адресом. Это раньше — пойдти туда, не знаю куда...

Из-за кулис Лудов увидел сцену с грубыми, картонными декорациями лесной чащи. Высоко над ними был протянут

канат, а у края сцены, у избушки на курьих ножках, лежала Баба Яга и прикрывала рукой глаза от яркого света.

— Занавес!!! — зашипел сзади директор. — Почему не дали занавес!!!

Механик сцены принялся оправдываться, и тут Лудов понял, что зал полон зрителей младшего школьного возраста. Зрители ждали дальнейших событий. Думать о детишках было некогда. Совкин, а следом за ним и Лудов с медицинским чемоданом решительно вышли на сцену. Встреченные оживлением в зале, они принялись рассматривать пациентку.

Лудов заметил, что старуха слишком размалевана и ненатурально страшна.

— Как же это ты, а? — сердито спрашивал Совкин, копаясь в чемодане. Он ко всем больным обращался на «ты». — Как упала?

— На спину, — простонала пострадавшая.

— Горб тебя подстраховал, — констатировал Совкин. — Скажи спасибо тому, кто тебе такой хороший горб сделал. Шевелить ногами-руками можешь?

После осмотра Лудов был отослан за носилками, и у него сразу нашлось множество помощников. Один из актеров, загримированный Волком, вызвался нести Бабу Ягу до машины на руках, но фельдшер неприязненно пояснил, что нужны именно носилки, а еще лучше — щит. Нашлась фанера. Когда Волк появился

на сцене с фанерным листом, дети разразились одобрительным хохотом и аплодисментами. Волк находчиво раскланялся, помахал детишкам лапой и принялся помогать врачам.

Механик сцены, нервничая, копался с занавесом, и Лудов подивился такой нерасторопности. Втроем они осторожно уложили Бабу Ягу на щит, щит — на носилки и понесли за кулисы, к разочарованию зрителей. Самые маленькие вскакивали, чтобы не пропустить ничего, и кричали вслед, что лечить Бабу Ягу не надо, что она злая...

За кулисами Баба Яга стала показывать дурной характер. Хотя она стонала и охала, но наотрез отказалась ехать, пока с нее не снимут грим и не отстегнут горб. Напрасно доктор Совкин убеждал ее, что время дорого, и сердился, а Волк обещал принести одежду прямо в машину «Скорой помощи». Баба Яга на компромиссы не шла. Лудов поставил саквояж на круглый стол и отошел к двери.

Лудов сообразил, что актриса гораздо моложе своей героини — очень уж заботливо вел себя Волк, да и все вокруг называли страшилищу Ниночкой. С нее сняли дикий, лохматый парик и расчесали темно-русые волосы. Возле лба и висков отчетливо проявился коричневый грим, покрывавший белую кожу. Снегурочка помогла Нине снять плотные перчатки с когтями, и Лудов увидел маленькие хрупкие ладони. Постепенно шло перерождение Яги в Василису Прекрасную. Кто-то рядом монотонно рассказывал, что Нина занимается в цирковой самодеятельности, что ее попросили сыграть роль Бабы Яги для детей, что она участвовала уже в одиннадцати представлениях...

Баба Яга оказалась двадцатилетней плотной девушкой с круглым милым лицом и страдальческими серыми глазами. Ей было явно не по себе, что вокруг толпились люди, и она жмурилась от боли и смущения.

Лудов достал шприц и готовился сделать ей укол, но она заотказывалась.

— Ничего, Ниночка! Ведь в руку же, — стали уговаривать все вокруг. — Пусть уколется!

Но Нина, видимо, все еще находилась в роли. Сварливый характер не позволял ей быстро менять решения.

Всю дорогу до машины носилки с Бабой Ягой сопровождали актеры. Волк, Заяц, Медведь... И Лудов заключил, что нрав

у Нины не такой уж и плохой. Лудову понравилась такая забота. Не понравилась, правда, забота Волка — тот готов был прямо-таки в машину забраться. Он его отгеснил саквояжем.

Носилки погрузили в машину.

Доктор Совкин по правилам уселся впереди, с водителем, а Лудову предстояло наблюдать за пациенткой. Он был рад. Он сел так, чтобы она тоже могла его видеть — рядом, на откидном сиденье. Он знал, что внешность у него заурядная. Круглые щеки и смешной нос делали его похожим на артиста Пуговкина. (Ему об этом не раз говорили. Он даже копировал иногда артиста, и ему удавались смешные интонации.) Но сейчас его присутствие стесняло Нину. Было, конечно, не до шуток. Лудов спрашивал время от времени: «Не очень трясет? Что-нибудь беспокоит?» Нина тихо отвечала: «Ничего... потерплю...»

Под конец пути Лудов осмелел и стал расспрашивать пациентку, где она работает и живет, часто ли занимается в студии, куда она хочет поступать летом... Он старался внушить Нине, что травма ее — пустяк, хотя знал, что серьезность повреждений установят только в больнице.

В приемном покое доктор Совкин написал направление, передал его дежурному врачу и, не дожидаясь результатов осмотра, махнул рукой Лудову — поехали! Фельдшер нехотя сел в машину.

По рации велели им возвращаться. Вызовов не поступало.

На станции «Скорой помощи» Лудов несколько минут слонялся по коридору. Его позвали играть в домино с водителями и фельдшерами, но он отказался. Пошел в диспетчерскую. Долго смотрел на список телефонов. Набрал номер больницы и попросил дежурного врача.

— Здравствуйте!.. «Скорая» беспокоит. Мы вам привезли больную с ушибом позвоночника полчаса назад. Хороший рентген? Спасибо! А куда положили? Понимаете, нас родственники просили уточнить, можно ли навещать и в какое время... Да? А что в передаче?.. Ага. Можно вам позвонить еще вечером? Нам диагноз в карте надо поставить. Хорошо. Спасибо! До свидания!

Лудов постоял минуту и пошел смотреть, как играют в домино фельдшера и водители. В голове крутилось глупое: «Надо же, в Бабу Ягу влюбился...»

Рис. Е. ФЛЕРОВОЙ.

И ВСЕ ОТТЕНКИ РЫЖЕГО!

Цвету волос в древности придавали большое значение. Причем вкусы были самые разные. У девушек острова Крит, к примеру, самым модным был черный цвет. В Древнем Риме, напротив, считались красивыми только светлые волосы, а поскольку в тех широтах это редкость — специально обесцвечивали их. А вот венежанки славились искусством красить волосы во все оттенки рыжего цвета. Этот цвет увековечил в своих портретах Тициан. Отсюда выражение — «тициановые волосы».

КТО «ИЗОБРЕЛ» ЗАВИВКУ

С древних времен люди пытались подражать естественным завиткам волос. В Европе завивку «изобрел» француз Марсель. Три года он занимался опытами, не раз мастер увольнял его за неудачные попытки внедрить свое изобретение в жизнь. Марсель умолял своих первых клиенток разрешить бесплатно сделать им завивку, а через десять лет ему стали платить за прическу огромные деньги.

Секрет «вечной» завивки искали давно. При дворе Людовика XIV, например, парикмахеры клали отрезанные волосы, наматанные на палочки, в кипяток, добавляя туда «секретные» вещества. После высушивания из локонов делали парик. Придворная дама обязана была иметь не меньше трех париков.

МЕЖДУ ХВОСТОМ И КЛУМБОЙ

Модельеры пытаются предсказать, что будет модно в XXI веке, не отстают от них и парикмахеры. В Японии лучшие мастера решили «сконструировать» прическу 2084 года. После многочасовой работы их «шедевр» предстал перед глазами публики. Местная газета отозвалась об этом произведении так: «Прическа представляет собой нечто среднее между хвостом павлина и цветочной клумбой».

У ВАС ПЛОХОЕ НАСТРОЕНИЕ?

Тогда сходите в парикмахерскую! Врачи утверждают, что стрижка, завивка и прочие манипуляции с волосами успокаивают женщин, снимают стрессы и даже депрессию. Чтобы лучше себя чувствовать, женщинам нужно больше заботиться о своей прическе.

САРЕ БЕРНАР ПОНРАВИЛОСЬ

Появлением губной помады мы обязаны древним египтянкам. Этим косметическим средством охотно пользовались также красавицы Древней Греции и Рима. Средневе-

ковье надолго вытеснило помаду из обихода, и вспомнили о ней только во время Всемирной выставки в Амстердаме в 1883 году. Забытую новинку по достоинству оценили многие женщины, в том

числе и знаменитая актриса Сара Бернар. Однако еще не скоро губная помада обрела привычный для нас сегодня вид. Только в 1915 году впервые появились удобные тюбики, которые сегодня можно найти в сумочке любой женщины.

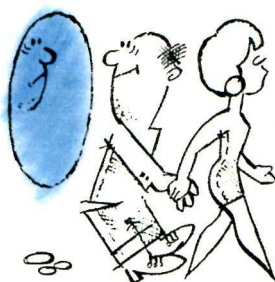

ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ ЖИЗНИ...

Согласно проведенной в Париже анкете, 70 процентов опрошенных женщин полагают, что в сорок лет еще не поздно «начать жизнь сначала», 72 процента не сожалеют о том, что им уже не двадцать, 90 процентов считают: сейчас они привлекательны как никогда. Словом, после сорока наступает лучшее время жизни женщины.

ЧТО ОТРАЗИЛОСЬ В ЗЕРКАЛЕ?

Кто чаще смотрится в зеркало? Думаете, женщины? Ничего подобного: мужчины! До-

казательства? В одном из крупных универмагов Стокгольма группа шведских психологов установила большое зеркало и скрытую камеру. В течение одного дня в зеркало заглянуло 412 женщин, чтобы поправить прическу, и 778 мужчин, чтобы полюбоваться собственным отражением.

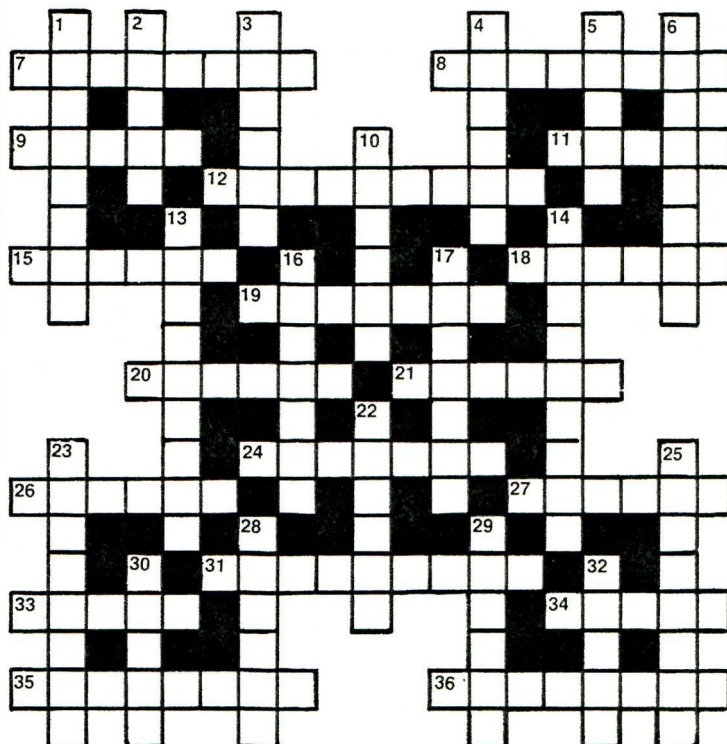
Владимир ТОКАРЕВ, действительный член Географического общества СССР, заслуженный врач РСФСР.

Рис. Д. БАРАБ-ТАРЛЕ.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Народная артистка СССР, исполнительница главной роли в фильме «Член правительства». 8. Советская спортсменка, заслуженный мастер спорта, неоднократная чемпионка СССР, мира и Олимпийских игр по фехтованию. 9. Советская певица, народная артистка СССР, солистка Молдавской филармонии. 11. Американская киноактриса, исполнительница главной роли в фильме «В джазе только девушки». 12. Советская актриса, исполнительница главной роли в фильме «Анна на шее». 15. Советская певица, народная артистка СССР, солистка Украинского театра оперы и балета. 18. Болгарская актриса, режиссер, театральный деятель начала XX века. 19. Деятель комсомола, Герой Советского Союза, одна из руководителей подполья на Витебщине в годы Великой Отечественной войны. 20. Французская писательница, автор романов «Золотые плоды» и «Между жизнью и смертью». 21. Садовый цветок. 24. Советский физиолог, заслуженный деятель науки РСФСР, ученица и сотрудница И. П. Павлова. 26. Русская певица, фольклорист, зачинатель нотной расшивки звукозаписей. 27. Советская актриса, исполнительница главной роли в фильме «Кавказская пленница». 31. Советская балерина, народная артистка СССР. 33. Одна из героинь в романе Ф. Достоевского «Идиот». 34. Советская актриса, исполнительница роли Клавдии в телефильме «Цыган». 35. Советский скульптор, народный художник СССР, автор скульптуры «Непокоренная». 36. Русская поэтесса, автор стихотворения «Мне нравится, что вы больны не мной...».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Советская актриса, народная артистка СССР (Малый театр). 2. Французская актриса, исполнительница роли Норы в пьесе Г. Ибсена «Кукольный дом». 3. Знаменитая трактористка, инициатор союзных соревнований женских тракторных бригад. 4. Русская советская писательница, автор повести «Сереза». 5. Английская писательница прошлого века. 6. Русская актриса, издательница большевистской газеты «Новая жизнь» (1905 г.). 10. Советская гимнастка, неоднократная чемпионка СССР, мира и Олимпийских игр. 13. Советская певица, народная артистка СССР, солистка Большого театра в 20—40-е годы. 14. Первая в мире женщина — посол. 16. Советская певица, исполнительница современных и народных песен. 17. Актриса Московского театра имени Ленинского комсомола, народная артистка СССР. 22. Деятель российского и международного революционного движения, соратница В. И. Ленина. 23. Известная шведская детская писательница. 25. Герой Советского Союза, руководитель Обольской подпольной комсомольской организации в годы Великой Отечественной войны. 28. Первая русская женщина-офицер. 29. Советская фигуристка, чемпионка Олимпийских игр в парном катании. 30. Картина Рембрандта из коллекции Государственного Эрмитажа. 32. Молдавская советская писательница, автор романа «Где твои пахари, земля?».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 2.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Пестик. 6. Серьги. 9. Песня. 10. Удила. 11. Помидор. 14. Волнолом. 16. Виноград. 17. Лимит. 19. Кулик. 22. Тарантас. 23. Мадригал. 25. Керогаз. 27. «Налим». 28. Лимон. 29. Борона. 30. Марина.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Весна. 2. Дискобол. 3. Метеорит. 4. Ягода. 7. Лесков. 8. Клевер. 12. Корзина. 13. Пескарь. 15. Минус. 16. Витим. 18. Бархат. 19. Катерина. 20. Карандаш. 21. Балкон. 24. Сироп. 26. Вишня.

ЖИЛ НА СВЕТЕ

Жил на свете Олененок,
Удивлялся сам себе:
Был он желтый — и веснушки
На боках и на носу.

— Почему, скажи, я желтый? —
Наклонился он к Цветку.
— Ты, наверно, Одуванчик, —
Отвечал ему Цветок.
— Что же я не облетаю? —
Олененок возразил.

— Почему, скажи, я желтый? —
У Березы он спросил.
— Ты, наверно, Лист Осенний, —
Шелестит она в ответ.
— Что же я не улетаю? —
Олененок ей сказал.

— Отчего, зачем я желтый? —
Он у Облака спросил.
И вздохнув, оно сказала:
— Оттого что, потому что,
Ты же — Солнышко лесное,
Только Солнышко в веснушках.

ПОЛОСАТЫЕ СТИХИ

Полосатые Тигрята
От рожденья полосаты.

Есть полоски у Енота,
И у Зебры их без счета.

Есть полоски на матрасе
И полоски на матроске.

Есть полоски у шлагбаума
И полоски на березке.

Есть красивые полоски
У рассвета и заката.

Но встречаются ребята,
Все от грязи полосаты...

Не хочу про них писать
В полосатую тетрадь.

Рис. Н. САВЕЛЬЕВОЙ.

КТО-ТО И ФОТО

К фотографу пришел
однажды кто-то:
— Пожалуйста, прошу вас
сделать фото. —
Фотограф мигом снял его.

А тот
Обиделся и фото не берет:

— Таким я грустным вышел
на портрете,
Как будто я совсем один
на свете.
А у меня есть кто-то, для кого
Я тоже, может быть, важнее всего!

Был человек отзывчивый и добрый,
Позвать кого-то предложил
фотограф:
— Я вас обоих рядышком сниму,
Чтоб не было обидно никому.

Подпрыгнул кто-то, мигом —
за ворота!
Вернулся кто-то и привел кого-то.
И вот, друг друга за руки схватив,
Они сидят и смотрят в объектив.

Щелчок — и фотокарточка готова.
Но кто-то с кем-то
чуть не плачут снова
И говорят фотографу: — Взгляни,
Сидим, бедняжки, мы совсем одни.

Да на себя смотреть нам неохота!
Ну кто ж узнает,
что у нас есть кто-то...
Старик фотограф успокоил их:
— Я с радостью сниму вас

всех троих.
И так сто раз за кем-то бегал
кто-то.
Друзей и близких — стало их
без счета.

И на лугу зеленом, говорят,
Их снял фотограф двести раз
подряд.

Крестьянка

МАРТ 1988 г.

МОСКВА.
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА».

Главный редактор
Г. В. СЕМЕНОВА.

Редакционная коллегия:

Н. И. ГОРШКОВА,
Е. Г. ГРИГОРЬЕВ,
Р. Ф. КАЗАКОВА,
Т. М. КОСТЫГОВА
(ответственный секретарь),
А. В. КУПРИЯНОВА
(заместитель главного редактора),

И. В. НОРКИНА,
А. А. ПИМЕНОВА,
М. Б. РЫЖИКОВ,
И. Г. УШАЧЕВ,
Л. И. ШВЕЦОВА.

Главный художник
С. И. ВОРОНЦОВА.
Художественный редактор
Е. Г. НОВИКОВА.
Номер оформлен
с участием Т. А. НОВРУЗОВОЙ.

Адрес редакции: 101460, Москва,
ГСП-4, Бумажный проезд, 14.
Телефоны для справок: 212-20-79,
212-12-39.

Сдано в набор 14.01.88. Подписано
к печати 28.01.88. А 11707. Формат
бумаги 60 × 90%. Глубокая печать.
Усл. п. л. 6,00. Уч.-изд. л. 8,56. Усл.
кр.-отт. 21,00. Тираж 18 900 000 экз.
(1—13 730 217 экз.). Зак. № 1910.

Во всех случаях обнаружения полиграфического брака редакция просит обращаться в типографию, печатающую журнал.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

На первой странице обложки — студентки экономического факультета Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева. Слева направо сидят Ольга СОЛОВЬЕВА и Ирина ФЕДОРОВА, стоят Мария ЛОПАТИНА и Наталья БАЛАБАНОВА. Фото Е. МАТВЕЕВА.
На последней странице обложки фото А. ЛЕХМУСА и А. КНЯЗЕВА.

СВЕТ
ОТЕЧЕСТВА

Екатерина Ивановна Трубецкая первой из жен декабристов уехала за мужем в Сибирь, добровольно пошла в изгнание, отказавшись от гражданских прав и дворянских привилегий. Обратю она уже не вернулась. Рядом с мужем, Сергеем Петровичем Трубецким, на каторге и в ссылке, прожила она всю оставшуюся жизнь, в Сибири родила детей, в Сибири же похоронена. На снимке вы видите акварель неизвестного художника, изобразившего дочерей Трубецких — Зинаиду, Александру и Елизавету. Вверху — дом в Иркутске, где семья жила последние годы ссылки. Сейчас здесь музей.

Индекс 70446. Цена номера 25 копеек.